

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Innovative Project

ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
Том 2. Выпуск № 1

САМАРА 2017

Innovative Project: научно-исследовательский архитектурный журнал / СамГТУ. Самара, 2017. Т. 2. №1. с.126

Innovative Project

Учредитель: ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (СамГТУ)

Главный редактор - Малахов С.А., к. арх., профессор (Самара, СамГТУ)
Менеджер проекта, идея, обложка – Филиппов В.Д., (Самара, СамГТУ)
Дизайн и верстка – Романова Д.Н. (Самара, СамГТУ)
Редактирование русских текстов – Коноплина Г.Ф. (Самара, СамГТУ)
Редактирование английских текстов – Евстропова Н.С. (Самара, СамГТУ)

Редакционная коллегия:

Ахмедова Е.А., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН* (Самара, СамГТУ)
Гельфонд А.Л., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН (Нижний Новгород, ННГАСУ)
Ефимов А.В. д. арх., профессор (Москва, МАРХИ)
Кияненко К.В. д.арх., профессор, советник РААСН (Вологда, Вологодский государственный университет)
Меерович М.Г., д. ист., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН (Иркутск, ИрНИТУ)
Репина Е.А., к. арх., профессор (Самара, СамГТУ)
Самогоров В.А., к. арх., профессор, советник РААСН (Самара, СамГТУ)
Семенцов С.В., д. арх., профессор, советник РААСН (Санкт-Петербург, СПбГАСУ)
Янковская Ю.С., д. арх., профессор (Екатеринбург, УралГАХУ)

*РААСН – Российская Академия Архитектуры и Строительных Наук

Адрес редакции: 443001, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194, каб. 0607
Самарский государственный технический университет. Кафедра инновационного проектирования.

Founder: Samara State Technical University (SamSTU)

Editor in Chief - Sergey Malakhov, Ph.D. Arch., Professor (Samara, SamSTU)
Project manager, concept, cover - Vasily Filippov (Samara, SamSTU)
Design and Layout - Darya Romanova (Samara, SamSTU)
Editing of Russian texts – Galina Konoplina (Samara, SamSTU)
Editing of English texts – Nina Evstropova (Samara, SamSTU)

Editorial team:

Elena Akhmedova, D. Arch., Professor, RAASN* Corresponding Member. (Samara, SamSTU)
Anna Gelfond, D. Arch., Professor, RAASN Corresponding Member. (Nizhny Novgorod, NNGASU)
Andrey Efimov, D. Arch., Professor (Moscow Architectural Institute)
Konstantin Kiyanencko, D. Arch., Professor, RAASN Advisor, (Vologda, Vologda State University)
Mark Meerovitch, Doctor of Historical Sciences, D. Arch., Professor, RAASN Corresponding Member. (Irkutsk, National Research Technical University)
Eugenia Repina, Ph.D. Arch., Professor (Samara, SamSTU)
Vitaly Samogorov, Ph.D. Arch., Professor, RAASN Advisor (Samara, SamSTU)
Sergey Sementsov, D. Arch., Professor, RAASN Advisor (St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
Julia Jankowski, D. Arch., Professor (Ekaterinburg, USAAA)

*RAASN - Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

Editorial office: 443001, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya St., 194, office № 0607
Innovative design department SamSTU

Научное издание

Подписано в печать 30.03.2017 г. Формат 60x90/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 17. Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»:
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел. (846) 267-36-82

СОДЕРЖАНИЕ

8-34	ИСТОРИИ ГОРОДА
8	<i>Артемьева Т. Н., Бальзанникова Е. М.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВО ВРЕМЕНИ, В ФОРМЕ И В КОНТЕКСТЕ
13	<i>Филиппов В. Д.</i> СЕНТ-ЛУИС И ВОЗРОЖДЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ МОДЕРНИЗМА
25	<i>Вологодина Н. Н., Яруков В. Н.</i> ХАНС ХОЛЛЯЙН ГОРОДУ И МИРУ. АРХИТЕКТУРА СВОБОДЫ
36-52	ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА
36	<i>Лежень М.Ю.</i> АРХИТЕКТУРА И КОНСОЛИДАЦИЯ: МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА
44	<i>Данилова Э. В., Вальшин Р. М., Крестинина И. Н.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО УРОВНЯ В ГОРОДЕ САМАРЕ НА ОТМЕТКЕ +/- 0.000
54-82	ЧЕЛОВЕК И ГОРОД
54	<i>Кияненко К. В.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ
69	<i>Малахов С. А., Боранов С. С.</i> ВОЗНИКНОВЕНИЕ АРХОФУНКЦИИ ВСЛЕДСТВИЕ ФОРМАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СТАНДАРТНОГО РАЗРЕЗА ОБЪЕКТА
84-96	ГОРОД В ДВИЖЕНИИ
84	<i>Борисова Е. П.</i> ТРИ ВАРИАНТА РЕОРГАНИЗАЦИИ МАССОВОЙ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ САМАРЫ 1960-1970-Х ГОДОВ
98-104	ГОРОД ВНЕ ГОРОДА
98	<i>Раков А. П.</i> ГЕЛИОЛИТОГРАФИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ-ТЕХНОЛОГИЯ 3D-ПЕЧАТИ КАМЕННЫХ ОБЪЕКТОВ НА ЛУНЕ
106-120	МАСТЕРСКАЯ
106	<i>Гудков С. А., Жукова И. Е.</i> КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ БЕСКОНФЛИКТНОЙ РЕНОВАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ
112	<i>Базина А. Н.</i> АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ И ДИЗАЙНЕ СРЕДЫ
122-125	КОРОТКО
122	<i>Малахов С. А.</i> БЕЗОБРАЗНАЯ ЖИЛАЯ СРЕДА: ФАТУМ ИЛИ НАСУЩНАЯ ПРОЕКТНАЯ ЦЕЛЬ?
126	АВТОРЫ ЖУРНАЛА
CONTENTS	
8-34	URBAN STORIES
8	<i>Artemyeva Tatyana, Balzannikova Ekaterina</i> EVOLUTION OF OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE IN TIME, FORM AND CONTEXT

13	<i>Filippov Vasily</i>	SAINT LOUIS AND THE REVIVAL OF MODERNISM ARCHITECTURE
25	<i>Vologdina Natalia, Yarukov Victor</i>	HANS HOLLEIN TO THE CITY AND THE WORLD. ARCHITECTURE OF FREEDOM
36-52		URBAN SPACE
36	<i>Lezhen Mikhail</i>	ARCHITECTURE AND CONSOLIDATION: MEGALYTICAL MATRIX
44	<i>Danilova Elina, Valshin Rasim, Krestinina Irina</i>	THE EVOLUTION OF A PUBLIC LEVEL ORGANIZATION IN A CITY SAMARA AT THE MARK OF +/- 0.000
54-82		THE CITY&PEOPLE
54	<i>Kiyanenko Konstantin</i>	SOCIAL STRATEGIES OF ARCHITECTURAL PROGRAMMING
69	<i>Malakhov Sergey, Boranov Sergey</i>	ARCHOFUNCTION ARISING FROM THE FORMAL TRANSFORMATION OF THE STANDARD SECTION OF THE OBJECT
84-96		CITY IN MOTION
84	<i>Borisova Elena</i>	THREE VARIANTS OF THE REORGANIZATION OF THE MASS HOUSING ESTATE OF SAMARA IN THE 1960-1970S
98-104		CITY WITHOUT THE CITY
98	<i>Rakov Anton</i>	HELIOLITHOGRAPHIC LABORATORY - TECHNOLOGY OF 3D PRINTING OF STONE OBJECTS ON THE MOON
106-120		WORKSHOP
106	<i>Gudkov Semen, Zhukova Irina</i>	CULTURAL CODES AS AN INSTRUMENT OF CONFLICT-FREE RENOVATION OF THE URBAN ENVIRONMENT
112	<i>Bazina Anna</i>	ASPECTS OF A PHENOMENOLOGICAL APPROACH TO ARCHITECTURE AND DESIGN
122-125		BRIEFLY
122	<i>Malakhov Sergey</i>	UGLY LIVING ENVIRONMENT: FATE OR A VITAL PROJECT GOAL?
126		JOURNAL AUTHORS

1

8-34

ИСТОРИИ ГОРОДА
URBAN STORIES

Артемяева Татьяна Геннадьевна, Бальзанникова Екатерина Михайловна
Самарский государственный технический университет
Artemyeva Tatyana, Balzannikova Ekaterina
Samara State Technical University

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВО ВРЕМЕНИ, В ФОРМЕ И В КОНТЕКСТЕ EVOLUTION OF OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE IN TIME, FORM AND CONTEXT

В статье раскрывается специфика эволюции объектов культурного наследия в форматах времени, формы и контекста. Определяется место и характер истории архитектуры относительно общей истории человечества и истории других видов деятельности общества. Дается обоснование понятия ценностных полей исторической архитектуры в форматах времени, формы и контекста с выявлением специфики их комплексной оценки в целях определения перспектив существования объектов культурного наследия. Дается определение физической и метафизической контекстуальности исторической архитектуры с учетом ее бифункциональной сущности. Приводятся характерные прогностические оценки перспектив существования исторической архитектуры.

The article reveals the specific character of the evolution of objects of cultural heritage in the formats of time, form and context. The authors identifies the place and character of the history of architecture relative to the general history of mankind and the history of other types of social activity. The authors substantiate the concept of axiological fields of historical architecture in time, form and context formats with the identification of the specifics of their integrated assessment in order to determine the prospects for the existence of cultural heritage objects. The researchers give the definition of the physical and metaphysical contextuality of the historical architecture, taking into account its bifunctional essence. The authors give typical predictive assessments of the prospects for the existence of historical architecture.

Ключевые слова: *объекты культурного наследия, история архитектуры, эволюционность, гуманитарность, трансгуманитарность, виртуальная реальность, ценностное поле, история, форма, физический контекст, метафизический контекст, бифункциональность, перспектива существования*

Keywords: *objects of cultural heritage; history of architecture; evolutionism; humanity; transhumanity; a virtual reality; axiological field; history; the form; physical context; metaphysical context; bifunctionality; the prospect of existence*

Размышления на тему вечного вопроса: «что делать?» применительно к теме перспектив существования исторической архитектуры приводят к необходимости выяснения базовых основ такого вопроса.

Историческая архитектура сама по себе – безоговорочная ценность для одних и ценность не абсолютная, как может казаться другим. Для понимания оснований для утверждения ценности исторической архитектуры целесообразно ввести понятия ценностных полей исторической архитектуры в форматах времени, контекста и формы.

Формат времени проявляется в том числе через историю. Французский философ и один из крупнейших писателей XX века Милан Кундера в исследовании эволюции европейского романа как части истории европейской культуры и искусства приводит любопытную классификацию типов истории, разделяя историю общества, техники, науки и искусства на отдельные — по признакам форм эволюционности — наличия и отсутствия прогресса, гуманитарности и ценностных характеристик. Распознавая отдельно

от истории общества историю обширного вида деятельности, такого как искусство, Кундера определяет ее особенность одновременно в отсутствии прогресса как поступательного детерминированного развития в процессе эволюции; и в гуманитарности, которую определяет как «человечность» в смысле «глубинного эстетического основания личности» как главного критерия отбора, то есть постоянную подверженность эстетическим суждениям, переоценке ценностных характеристик, составляющих основополагающую сущность произведений искусства, которые продолжают существовать параллельно появлению новых. «...История искусства, будучи историей ценностей, то есть вещей необходимых, всегда с нами, она присутствует в настоящий момент; мы в одном концерте можем слушать Монтеверди и Стравинского...». Другими словами, применительно к архитектуре, непрерывную городскую ткань образуют исторические здания разных периодов наряду с постоянно обновляемой застройкой. Тем самым история искусства радикально отличается от общей истории общества,

которая может трактоваться как история исчезновения — событий, вещей, человеческих сообществ. ««Просто» история, то есть история человечества, — это история вещей, которых больше нет и которые не участвуют непосредственным образом в нашей жизни».

Из этих определений логически вытекает вывод о сложной и неоднозначной природе истории архитектуры. Эволюционный характер истории архитектуры выражается через форму строительного и технического прогресса. Гуманитарность истории архитектуры проявляется, когда посредством технического прогресса осуществляется стремление к эстетическому идеалу, то есть к проявлению особых метафизических свойств архитектуры.

Таким образом, ценностное поле объектов культурного наследия в формате истории содержит некое особое качество, роднящее архитектуру с всеобщей историей общества, когда речь заходит о идентичности в контексте соответствия архитектурной формы историческому смысловому содержанию. И роднящее с другими видами искусств, когда речь идет о художественной форме. Понимание исторической преемственности как признака принадлежности к цивилизации — также содержательная категория ценностного поля в формате истории — позволяет различать подлинность формы и ее имитацию. Но одновременно субъективность эстетической оценки является одной из главных причин неопределенности перспектив существования исторической архитектуры. Социологическая роль истории архитектуры неразрывно связана с всеобщей историей человечества. Исторические повторы развития общества вызывают к жизни повторные архитектурные формы. Здесь можно проследить расхождение с эволюцией остальных видов искусств. Кундера утверждает, что «...История человечества может из-за дурного вкуса повторяться, ... история искусства повторений не терпит. Искусство существует не для того, чтобы показывать, подобно большому зеркалу, все перипетии, вариации, бесконечные повторы Истории. Искусство не духовой оркестр, что аккомпанирует ходу истории. Его задача — создавать свою собственную историю. Если что и останется от Европы — так это не ее повторяющаяся история, которая сама по себе не представляет никакой ценности. Единственное, что имеет шанс остаться, — это история искусства». В этом смысле можно сказать, что архитектура именно

«аккомпанирует ходу истории», оформляя эпохи побед и поражений путем реанимации подходящих исторических форм.

Архитектура как приоритетный носитель материальных следов истории существует в различных ипостасях — ценностных полях: как художественная форма, имеющая самостоятельную семантическую и эстетическую ценность — формат формы; как информационная среда — формат времени и метафизического контекста; как пространственная структура, обеспечивающая протекание процессов в определенно организованном виде, закрепляющая преемственность жизненных алгоритмов, типов поведения и типологии жизненных ситуаций — формат физического контекста.

Формат формы. Ценностное поле художественной формы можно определить как осознание связи времени и эстетики формы. М. Кундера пишет, что начало XIX века характеризуется осознанием быстротечных изменений и сменой форм. «...Форма любого предмета оказалась отмечена печатью своего скорого исчезновения...», таким образом, уникальность исторической формы стала залогом ее ценности. В отличие от предметов бытовой культуры материальная долговечность существования исторической архитектуры на фоне быстротечных перемен обеспечивалась относительно высокой инерционностью — ее масштабностью, капиталностью, высокобюджетностью и социальной ролью.

Однако параллельное зарождение современной архитектуры, которое сопровождалось разрушением принципов классической композиции и отрицанием эстетики классической формы немаловажно изменило ход и вид дальнейшей истории архитектуры, которая стала выглядеть как конфронтация консервативных и модернистских принципов организации внутреннего пространства и внешней формы. М. Кундера констатирует, что «...смысл модернизма — в попытке каждого из искусств как можно ближе подойти к его особенностям, его специфике». Так архитектура отвергла любое украшательство, все то, что могло быть выражено другими средствами — живописью, скульптурой и девальвировала сам язык исторических форм, утратив богатство пластических средств в пользу пуризма формы.

Распространение архитектуры модернизма со временем вызвало неизбежную реакцию с распознаванием ограниченной градостроительной роли модернистской архитектуры и запоздалую

переоценку уходящей исторической декорации как основы морфотипов классического города. Градостроительная типология, включающая понятия улиц, площадей, кварталов, должна была неизбежно измениться или отменить отношение к объектам культурного наследия как к досадному ретроградному фактору развития новой градостроительной истории.

Историческая архитектура с точки зрения формы по сей день остается мерилем человеческого масштаба, реальности и идентичности в мире нарастающего гигантизма и виртуализации. То есть ценностное поле исторической архитектуры в формате формы содержит ценность человеческой «идентичности как коллективно понимаемого прошлого», масштаба, уникальности и подлинности формы средообразующих элементов.

Обратимся к эссе Рема Колхаса, где он выносит неумолимый максималистский, крайне пессимистичный вердикт эволюционным процессам исторической архитектуры: «...становится ясно, что современные человеческие качества неминуемо должны взорвать и опустошить предшествующую субстанцию. ...И дело не только в том, что доля, причитающаяся каждому, при стабильно растущем населении становится все меньше и меньше, — история, кроме того, обладает неприглядным свойством распадаться. Подобно радиоактивным материалам: чем сильнее ее эксплуатируют, тем менее значимой она становится — и так вплоть до состояния, когда ее оскудевшие дары начинают выглядеть просто оскорбительно. Это оскудение приобретает еще большую стремительность за счет постоянно увеличивающейся массы туристов, которые в своем безостановочном поиске «характера» перемалывают, как левой поток, все успешные идентичности в бессмысленную пыль».

Другими словами, перспективы существования исторической архитектуры рассматриваются близкими к нулю. Правда, никто пока не может определить сроки этой перспективы — одно поколение? Два? Десять? Прогноз, основанный только на одном типе вектора, обычно мало реализуем. Ценность такого прогноза можно рассматривать в контексте его своевременности и временной дистанцированности, которая позволяет осмыслить проблему и разработать соответствующие алгоритмы проектного поведения в отношении исторической архитектуры.

Формат ценности формы следует рассматривать в совокупности с форматом контекста.

М.Кундера применительно к другим видам искусства и литературы определяет большой и малый контексты по национальному и наднациональному признакам. Однако вряд ли можно полноценно определить роль исторической архитектуры, оперируя исключительно понятиями национальных и всеобщих контекстов. Для уточнения характера исследования можно обозначить физический и метафизический контексты исторической архитектуры исходя из ее бифункциональной природы. Физический контекст своим содержанием предполагает функциональный и пространственный потенциалы объектов культурного наследия; историко-культурный и эстетический потенциалы составляют содержание метафизического контекста.

Приоритетность того или иного контекстов проявляется, в том числе, в выборе стратегии проектного поведения, направленного на историческую архитектуру. Главный критерий определения приоритета физического контекста — ценностная характеристика, которая определяется через экономический потенциал исторической архитектуры; Ценность метафизического контекста определяется гораздо сложнее. Она связана со спецификой оценочного аппарата. «...Ценности исторической архитектуры всегда с нами, они постоянно ставятся под сомнение, защищаются, оцениваются и переоцениваются. В области искусства не существует точных мерок. Любое эстетическое суждение — это личностная оценка, ...которая сталкивается с другими суждениями, ...стремится к объективности. В коллективном сознании история искусства ...оказывается подвержена постоянным изменениям...».

Следует ли ценность метафизического контекста рассматривать в том числе с позиции экономического потенциала? Применив аппарат марксистской философии, когда историческая архитектура может трактоваться через рыночные понятия своеобразного товара, цена которого определяется спросом и растет, пока спрос опережает предложение, можно утверждать, что экономический потенциал исторической архитектуры должен неуклонно возрастать с уменьшением предложения, ибо историческая архитектура — не возобновляемый ресурс и основная составляющая ее ценности — историчность.

По аналогии с правилом, обнаруженным М. Кундерой, можно утверждать, что чем большее историческое расстояние отделяет наблюдателя от конкретного объекта исторической архитектуры,

тем явнее метафизический контекст, «...единственно способный проявить эстетическую ценность..., то есть неизвестные до сих пор аспекты существования... и новизну формы».

Иными словами, отдельные исторические здания в составе единой исторической среды не имели бы такой выраженной метафизической ценности, какую они выявляют (проявляют) на контрасте с современной застройкой — в условиях физического контекста. Следует, однако, внести уточнение, что данное допущение касается только качеств отдельных объектов исторической архитектуры.

Совокупность, образующая среду, которая может характеризоваться своей гомогенностью, или однородностью, но только по признакам конфронтации с архитектурой модернизма, выступает как единая субстанция и испытывает необходимость преобразований сообразно со своим физическим контекстом, предельно осторожно по отношению к контексту метафизическому.

Между метафизическим и физическим контекстами можно представить некий переход; назовем его срединным контекстом. Применительно к исторической архитектуре это можно описать как соотношение исторической и современной застройки. Близкая к паритетной пропорция с современной позволяет исторической застройке не выглядеть музейно, каковыми неизбежно оказываются одинокие исторические здания, наличие которых не спасает среду от перерождения, — они неизбежно начинают играть роль объектов градостроительной истории.

Исторически сложившаяся городская застройка редко обладает абсолютной сохранностью. Приоритеты мотивации вторичного освоения и низкий культурный потенциал нового поколения и нового населения часто являются причинами отказа рассматривать культуру применительно к физическому контексту и терроризма физического контекста. Терроризм физического контекста можно считать признаком такого явления, как провинциализм. «Проявление провинциализма — безразличие к эстетическим ценностям. Лишь сообразуясь с ценностями (эстетическими), иностранец выносит суждение о культуре, рожденной вне его страны. В очередной раз подтверждается правило: эти ценности трудноразличимы с точки зрения физического контекста».

Можно рассматривать ценностные поля объектов культурного наследия в совокупности и по отдельности. Сравнивая эти поля и выявляя

приоритетность, можно прийти к конечному выводу, что как структура, обеспечивающая алгоритмы, историческая архитектура неизбежно и стремительно деградирует и исчезает. Как информационная среда архитектура, утрачивая подлинность, обесценивается. Последняя окончательная ценность исторической архитектуры — эстетика формы — также постоянно находится под угрозой исчезновения в результате проявления неподконтрольных человеческих факторов: некомпетентности, глупости, постоянной переоценки ценностей и забвения.

Зачем нам следы истории? Если история повторяется, — закономерно ли ожидание на любом витке возвращения потенциального воспроизведения архитектуры? Здесь таится онтологическое противоречие: история общества не совпадает с историей архитектуры, которая, с одной стороны, по определению М. Кундеры, внечеловечна как продукт развития технологии, с другой стороны, — глубоко человечна как субъект и одновременно объект истории искусства. Как продукт технической истории, архитектура постоянно прогрессирует, как искусство — архитектура вне прогресса. Прогресс не предполагает возвратов и повторов, в нем заложен детерминизм эволюционного характера. В контексте технического прогресса возврат архитектуры к предшествующим этапам не имеет смысла. Эстетическая ценность культуры лежит в оценочной области и глубоко субъективна.

С точки зрения биологического вида выживание человечества совершенно не зависит от такой ценности, как историческая архитектура, поскольку метафизические свойства исторической архитектуры, неразрывные с ее глубинными эстетическими качествами, расходятся с физической сущностью архитектуры — обеспечением пространственных условий для определенных алгоритмов жизнедеятельности. С изменением и утратой алгоритмов утрачивается потребность в физических качествах архитектуры. Другими словами, перспективы существования человечества не зависят от перспектив существования исторической архитектуры.

Более того, пока на полях ближнего горизонта идет борьба между классицистами и модернистами, с переменным успехом и попеременным выносом и преданием анафеме всех святых — основополагающих ценностей оппонентов, мир завоевывает иная ценность, с точки зрения сущности архитектуры, мнимая — виртуальная реаль-

ность. Как потенциальная реальность, производящая трансгуманитарных монстров, вытесняющих любые предшествующие ценности, эта субстанция способна привести человечество к концу архитектуры, концу истории, концу света.

Причины этих процессов объективны и лежат в основе ускоряющихся темпов эволюции человечества, когда техническая история с ее внечеловечностью становится определяющим фактором ускорения темпов истории общества и обесценивания истории искусства. Архитектура как система, не имеющая приоритетных признаков отнесения ее к доминирующей области деятельности — к искусству, технике, науке, социальной жизни, теряя любую из групп признаков, теряет самое определение как архитектуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кундера Милан *Занавес* / Пер с фр. А. Смирновой. СПб.: Изд. Группа «Азбука классика», 2010. 240 с.
2. Рем Колхас. Мусорное пространство. М.: ООО «Арт Гид», 2015. 84 с.
3. Артемьева Т.Г., Бальзанникова Е.М., Леонова А.К. Функциональный потенциал объектов культурного наследия с высокой степенью амортизации в контексте альтернативной реконструкции // Устойчивое развитие городской среды: сборник статей. Самара, 2016. С.27-31.
4. Журавлев М.Ю. Фактор времени в архитектурном творчестве: дис. ... канд. арх. Самара, 2016. 147 с.
5. Самогоров В.А., Рыбачева О.С., Фадеев А.В. Особенности морфологии пространства и застройки исторических кварталов г. Самары // Научное обозрение. 2015. №4. С. 191-198.
6. Бальзанникова Е.М. Сохранение городских объектов историко-архитектурного наследия // Вестник МГСУ. 2014. № 1. С. 15-24.
7. Вавилонская Т.В., Алексеев В.В. Особенности исследования исторических регионов с позиций своеобразия архитектурно-исторической среды (на примере среднего Поволжья) // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Самара: СГАСУ, 2014. С. 537-538.

REFERENCES

1. Milan Kundera, *The Curtain: An Essay in Seven Parts* / HarperCollins, 2006, p.168
2. Rem Koolhaas, *Junkspace* / Moscow: Art Guide, 2015, p. 84 (in Russian)
3. Artemyeva T.G. Balzannikova E.M. Leonova A.K. Functional potential of cultural heritage sites with a high degree of depreciation in the context of alternative reconstruction // *Sustainable Urban Development - Collection of Articles*, Samara, 2016, p.27-31 (in Russian)
4. Zhuravlyov M.Yu. The time factor in architectural creativity. diss. for the competition cand. arch. Samara, 2016. 147 p. (in Russian)
5. Samogorov V.A., Rybacheva O.S., Fadeev A.V. Features of morphology of space and development of historical quarters of Samara // *Scientific review*. 2015. № 4. Pp. 191-198. (in Russian)
6. Balzannikova E.M. Preservation of urban objects of historical and architectural heritage // *Vestnik MGSU*. 2014. № 1. P. 15-24. (in Russian)
7. Vavilonskaya T.V., Alekseev V.V. Features of the study of historical regions from the standpoint of the peculiarities of the architectural and historical environment (on the example of the average Volga region) // *Traditions and innovations in construction and architecture* / Samara, SGASU. 2014. P. 537-538. (in Russian)

Для ссылок: : Артемьева Т.Г., Бальзанникова Е.М. Эволюция объектов культурного наследия во времени, в форме и в контексте // Innovative project. 2017. T.2, №1. С.8-12. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.1

For references: Artemyeva T.G., Balzannikova E.M. Evolution of objects of cultural heritage in time, form and context. Innovative project. 2017. Vol.2, No.1. pp.8-12. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.1

Филиппов Василий Дмитриевич
Самарский государственный технический университет
Filippov Vasily
Samara State Technical University

СЕНТ-ЛУИС И ВОЗРОЖДЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ МОДЕРНИЗМА SAINT LOUIS AND THE REVIVAL OF MODERNISM ARCHITECTURE

Рассмотрена история проектирования, строительства и дальнейшего развития модернистского жилого комплекса Нейборхуд Гарденс (Neighborhood Gardens), построенного в г. Сент-Луис (США, штат Миссури) в 1935 г. Приведены основные идеи, лежавшие в его основе, и проанализированы причины, позволившие ему возродиться в XXI столетии. Приведён пример реконструкции многоэтажного жилья во Франции, реализованный на тех же принципах и приведший даже к внешне похожим результатам. Выявлена вовсе не очевидная связь архитектуры социального жилья «нового курса» в США с архитектурой советских рабочих посёлков, проектировавшихся и строившихся Наркомтяжпром от СССР и вышедшими из него ведомствами во второй половине 1930-х и второй половине 1940-х гг. Отмечена структурированность и соразмерность человеку созданной в них жилой среды и возможность, по приведённому в статье американскому примеру, реконструкции и возрождения подобной архитектуры в России.

The author considers the history of design, construction and further development of the modernist residential complex Neighborhood Gardens, built in St. Louis (USA, Missouri) in 1935. The paper provides analysis of the main underlying ideas, the reasons allowing it to be reborn in the XXI century. The author gives an example of the reconstruction of multi-storied housing in France, implemented on the same principles and led to even seemingly similar results. The connection between the architecture of social housing of the New Course in the United States and the architecture of Soviet workers' settlements, which were designed and built by the USSR People's Commissariat of Industry and the departments that left it in the second half of the 1930s and the second half of the 1940s, was not clearly identified. The paper draws attention to structure and proportionality of the residential ambiance to a person and the opportunity, given in the American example, reconstruction and revival of such architecture in Russia.

Ключевые слова: Сент-Луис, модернизм, жилищная застройка, Новый курс, Нейборхуд Гарденс, соседство, структурированная жилищная среда

Keywords: St. Louis, modernism, residential development, New Deal, Neighborhood Gardens, neighborhood, structured residential ambience.

Нейборхуд Гарденс (Neighborhood Gardens)

В предыдущей статье автора [1] была проанализирована история модернистского жилого комплекса Кокран Гарденс, за проектирование и строительство которого архитекторы во главе с Минору Ямасаки были удостоены двух престижных премий, что не помешало ему в конечном итоге прийти в упадок и погибнуть. Но прежде чем делать какие-то выводы о перспективах жилищной архитектуры модернизма, следует вспомнить, что ещё во время строительства Кокран Гарденс на этой территории уже находился жилой комплекс Нейборхуд Гарденс, построенный в 1935 г. (рис. 1).

1935 год – это время «нового курса» Франклина Рузвельта. Тогда, в дни Великой депрессии, государство впервые напрямую пришло на помощь своим гражданам, организовав и профинансировав по всей стране общественные работы [2], и тогда же, как часть этих работ, в США впервые

началось строительство государственного жилья для людей с низким уровнем дохода. Нейборхуд Гарденс стал одним из первых реализованных проектов такого рода. Это была частная инициатива, но она получила полную государственную поддержку в виде льготного кредита на строительство от Администрации общественных работ, так как полностью соответствовала тем целям и задачам, которые поставила перед собой администрация Рузвельта.

Инициатором проектирования и строительства жилого комплекса был Дж. А. Вольф (J. August Wolf), тогда исполнительный директор Ассоциации Соседства (Neighborhood Association), существовавшей с 1911 г. и основанной ещё в XIX в. немецкими и ирландскими иммигрантами [3]. По гранту для содействия культурному обмену между США и немецкоязычными странами, с целью изучения современного опыта массового жилищного строительства, в 1932 г. он на 4 месяца отправился

Рис. 1. Дома Neighborhood Gardens u Cochran Gardens, 2007 г. (фото: builtstlouis.net)

в Австрию и Германию, где познакомился с современными немецкими архитекторами, с их работами и уже реализованными проектами, побывав в Баухаус. Его восхитили «мили стали, бетона и стекла, дома для десятков тысяч семей», он отмечал в немецких проектах внимание к свету, вентиляции и организации открытых пространств для игры или отдыха. Однако, по его мнению, некоторые «странные» формы, вроде подковы Siedlung Britz Бруно Таута [4], не стоило брать за образец американским архитекторам [3]. Сразу после его возвращения в Сент-Луис начались работы по подготовке к реализации его замысла: в октябре 1933 г. была организована инвестиционная компания, получившая кредит в 500 тыс. долларов (в феврале 1934 г. кредит был увеличен до 640 тыс.) от государственной

Администрации общественных работ [2], что, вместе со своими средствами (всего 742 тыс.), уже в мае 1934 г. позволило выкупить для жилого комплекса целый квартал бывших транспортных складов [3], начать его проектирование и непосредственную подготовку к строительству.

Проект нового жилого комплекса разработала мастерская Хёнер, Баум и Фрезе (Hoener, Baum & Froese). Исходя из целей и методов, сформулированных Вольфом, совсем не удивительно, что у всех архитекторов оказались довольно ощутимые немецкие корни: Джон Хёнер был сыном вестфальских иммигрантов, Альберт Баум полгода жил и учился в Швейцарии и Германии, а ведущий архитектор бюро Эвальд Фрезе родился в Данциге, который, хотя и находился в Польше, но был немецким городом [3]. Возможно, это,

Рис. 2. Нейборхуд Гарденс на завершающей стадии строительства, 1935 г. [3]

Рис.3. Главный вход в жилой комплекс и балкон с декоративной кирпичной кладкой, 1985 г. [3]

наряду со связями, а они у каждого были с европейскими (читай с немецкими) архитекторами, упростило как достижение целей проекта, так и способствовало его успеху. Весьма вероятно, что сам Вольф активно участвовал в их обсуждениях при проектировании: так изначально задуманные остроконечные крыши домов (их стилем был ар-деко) в конечном итоге стали плоскими [5].

Жилой комплекс Нейборхуд Гарденс состоит из двенадцати домов, целиком занимающих весь квартал (рис.2), при этом более чем 60 % площади квартала занимают пространства внутренних двориков. У этих зданий были плоские крыши, наливные бетонные полы, консольные балконы, шлакоблочные стены на стальном каркасе и облицованы они были обычным красным кирпичом, уложенным не совсем обычной декоративной фламандской кладкой. Благодаря приверженности Хёнера, Баума и Фрезе ар-деко и мастерству местных каменщиков, здания, спроектированные ими в стиле аскетичного модернизма, приобрели изысканный и даже аристократический вид (рис.3).

По проекту комплекс был рассчитан на 252 квартиры, которые распределялись по 23-м трехэтажным жилым блокам (по сути это были отдельные, ничем не связанные с другими, здания), каждый из них вмещает либо 9 (таких 8 блоков), либо 12 (таких блоков было 15) квартир (рис.4). Каждый 9-квартирный блок имеет отдельный вход, каждый 12-квартирный — два отдельных входа с противоположных сторон здания.

Таким образом, отдельный блок (или свой дом с отдельным входом) был предусмотрен (в зависимости от типа жилого блока) для 6 или для 9 семей, при этом соседями на каждом этаже были 2 или 3 семьи. Внутреннее пространство жилого

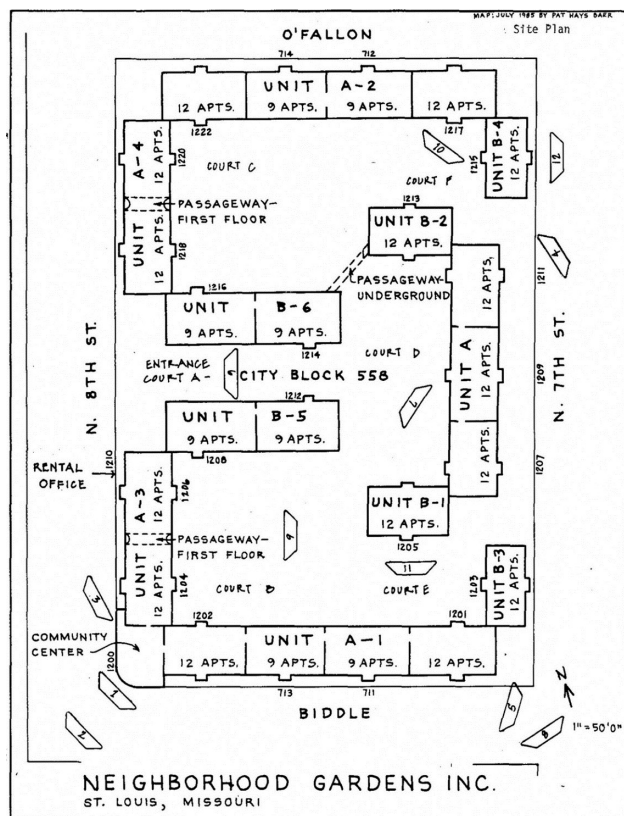

Рис.4. Планировка Нейборхуд Гарденс [6]

комплекса было разбито на 6 двориков (Court A — Court F), где были высажены деревья, разбиты зеленые газоны, а для детей устроены бассейны с фонтанами и игровые площадки с песочницами (рис. 5-7). Все это должно было, с одной стороны, оставить достаточно места для частной жизни, а с другой — способствовать близким соседским отношениям между жильцами, в полном соответствии с названием жилого комплекса и с идеями построившей его Ассоциации.

В подвале одного из зданий были размещены прачечная с камерой хранения. На юго-западном

Рис.5. Дворик главного входа в жилой комплекс (Court A), 1941 г. [6]

Рис.6. Внутренний дворик (Court B), 1985 г. [6]

Рис.7. Внутренний дворик (Court D), 1985 г. [6]

углу разместили одноэтажное здание общественного центра (рис.8), включавшего библиотеку, зал для собраний, две клубные комнаты и большую общественную кухню, «где женщины смогли бы изучить современные гигиенические методы приготовления пищи и уборки, чтобы применить их у себя дома» [3].

Квартиры в жилом комплексе были 4-х типов (рис.9), их построение вполне соответствовало идеям немецкого модернизма конца 1920-х — начала 1930-х гг.: максимум света и свежего воздуха и принцип «меньше значит больше» [7], который Вольфу при посещении Баухаус, вероятно, во всех смыслах объяснил Людвиг Мис ван дер Роэ, бывший тогда директором. В каждой квартире было хотя бы одно большое панорамное окно, которое закрывалось жалюзи и во всех, без исключения, был балкон.

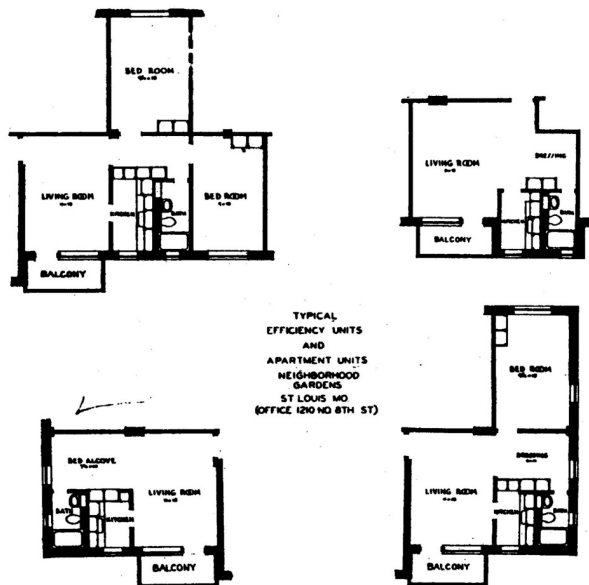

Рис.7. Внутренний дворик (Court D), 1985 г. [6]

Рис.8. Общественный центр, 1985 г. [6]

В них предусмотрели сквозную вентиляцию, а также водопровод, центральное отопление и канализацию. Исходя из принципа «меньше значит больше», высота потолков составляла 10 футов (2,5 м.) площадь квартир была небольшой, поэтому так же, как и в немецких проектах, взятых за образец [7], была предусмотрена встроенная кухонная мебель и двухстворчатые встроенные шкафы для одежды. Каждая квартира была оборудована мусоросжигательной установкой, на кухнях, помимо мебели, имелись раковина, ледник и газовая плита. Всё это привело к тому, что уже к январю 1935 г., за несколько месяцев до окончания строительства, в Ассоциацию соседства поступило 150 заявок на заселение в Нейборхуд Гарденс [3].

Можно предположить причины, по которым американские архитекторы не стали применять строчную застройку (zeilenbau) [7], которая немецкими архитекторами в конце 1920-х использовалась чуть ли не во всех проектах по строительству жилья и которая во многом привела к последующим катастрофам жилья многоэтажного – как в Прютт-Айгоу и ему подобных, так впоследствии и в Кокран Гарденс [1]. Скорее всего, первая причина была в элементарном противоречии этой градостроительной композиции самой идее соседства, вокруг которой в своё время собралась Ассоциация, строившая жилой комплекс. Также следует сказать, что далеко не все великие немецкие (и не только) модернисты, подобно Вальтеру Гропиусу, тогда эту композицию воспринимали как нечто совершенно необходимое. Бруно Таут, критикуемый Вольфом за «странности» Hufeisensiedlung в районе Britz [4], в 1930 г. построил жилой комплекс Siedlung Schillerpark [8] (рис.10) с дворовым пространством, закрытым от улицы, и кирпичными трёхэтажными зданиями.

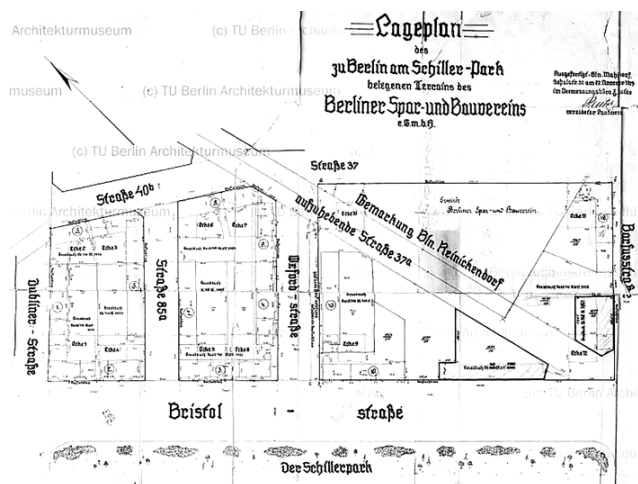

Рис.10. Siedlung Schillerpark (архитектор Бруно Тавт, 1930), план застройки 1929 г. (фото TU Berlin Architekturmuseum) и внутренний двор (фото Эдуард Гавайлер, 2016)

С этим проектом Вольф наверняка ознакомился во время своей поездки в Германию, и Siedlung Schillerpark вполне мог стать отправной точкой в начале проектирования Нейборхуд Гарденс.

Очевидной представляется ещё одна причина отказа от строчной застройки в Нейборхуд Гарденс. Жилой комплекс строился в районе, состоящем из промышленных складов и, большей частью, трущоб (рис. 11), для расселения которых он, собственно, и предназначался. При этом он был единственным и ничего подобного вокруг не было. Трущобы большей частью были заселены иммигрантами из Польши, Италии, России, Словении, Германии и других стран Европы, которых объединяло лишь то, что в основном они принадлежали рабочему классу и были бедны [3]. Поэтому, учитывая огромную разницу между качеством жизни, которую предлагал новый жилой комплекс, и качеством жизни, которое в то время было доступно этим людям, наверное, было бы просто опрометчиво открывать в него полный и фактически бесконтрольный доступ с улицы.

Исходя из расового состава большинства жителей этого района, которых в жилой комплекс собирались переселять, он предназначался исключительно для белых, что тогда не являлось чем-то необычным, а было, особенно на Юге и в центральных штатах США, общепринятым правилом. Было ещё одно ограничение, оно не было вызвано социальными причинами, а являлось следствием принципа «меньше значит больше»: квартиры были малогабаритными (рис.9), в лучшем случае трехкомнатными, а это физически не позволяло разместиться в них патриархальным иммигрантским семьям, в которых все поколения привыкли жить вместе. Комплекс был предназна-

чен только для супружеских (в основном молодых) семей (nuclear family), которые решили строить свою жизнь отдельно от родителей. Основная идея Нейборхуд Гарденс была сформулирована Дж. А. Вольфом: «Это жильё – всего лишь лишь средство для достижения главной цели, а именно для возрождения семейной жизни у небогатых людей» [9]. Молодые семьи с низким уровнем доходов и стали первыми нанимателями жилья в Нейборхуд Гарденс. Однако низкий уровень дохода в большинстве случаев не означал их низкого образовательного или культурного уровня. А немного позже, уже в 1940-х, благодаря близости района к центру города и низкой арендной плате, сюда стали селиться преподаватели, юристы и писатели [2]. Здесь, во время своей работы преподавателем Университета Вашингтона в Сент-Луисе в 1946-1949 гг. жил выдающийся американский драматург, лауреат Пулитцеровской премии (1953 г.) и премии Оскар (1962 г.) Уильям Инге [10].

После, и во многом благодаря, очевидной удачи этого жилого комплекса, в рамках Нового курса Рузвельта [2], в Сент-Луисе были реализованы (1941-1942) ещё два, более масштабных, проекта социального жилья – Карр Сквер (Carr Square, MO 1-1) для чёрных (мастерские Klipstein & Rathman, Murphy & Wischmeyer) и Клинтон-Пибоди (Clinton-Peabody, MO 1-2) для белых (мастерская Mauran, Russell, Crowell & Mullgardt). Тогда же спроектировали и третий малоэтажный социальный жилой комплекс – Кокран Гарденс (John J. Cochran Gardens, MO 1-3), но из-за отсутствия финансирования этот проект так и остался на бумаге [3], были лишь проведены работы по подготовке площадки под строительство и на этом месте в начале 1950-х был реализован

Рис. 11. Жилой комплекс Нейборхуд Гарденс и его окружение, 1941 г. [6]

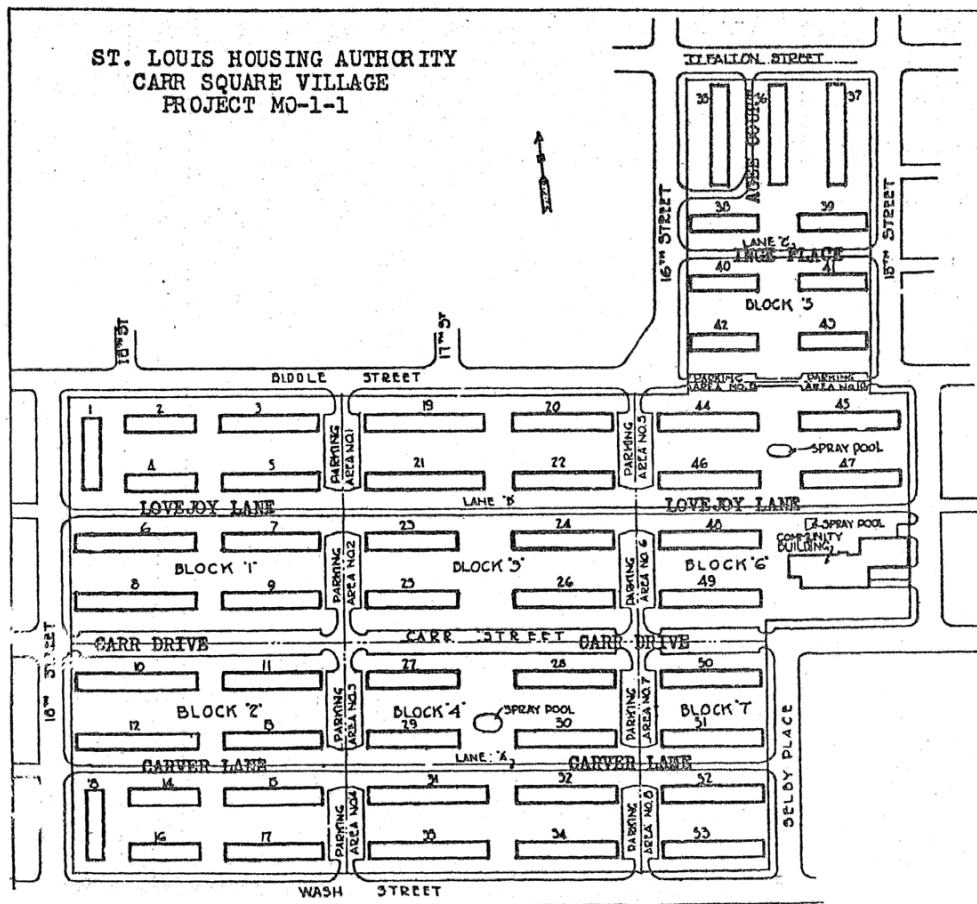

Рис. 12. Планировка жилого комплекса Карр Сквер [35]

Рис.13. Жилые дома Клинтон-Пибоди сегодня [2]

Рис.14. Жилые дома Карр Сквер сегодня [2]

многоэтажный проект, описанный в статье [1]. Один из построенных комплексов, Карр Сквер, впоследствии был приведён Оскаром Ньюманом [11] в качестве примера правильно организованного и безопасного жилого пространства.

Об этих двух жилых комплексах следует вкратце рассказать, так как они имели не только определённое функциональное сходство с Нейборхуд Гарденс, но и весьма значительные отличия от него (рис. 12-14).

Нейборхуд Гарденс проектировала и строила, хоть и на государственные средства, но частная ассоциация, и потому в целом всё было сделано так, как было задумано – и разделение пространства на приватное, полуприватное и общественное, и фламандская кладка кирпича, и балконы в каждой квартире (в том числе и на первом этаже). Карр Сквер и Клинтон-Пибоди проектировало и строило само государство, при этом окончание проектирования и строительство пришлось уже на военное время. В связи с этим из архитектурных проектов жилья исчезло то, что городские власти Сент-Луиса посчитали излишеством – на-

пример, в квартирах этих зданий полностью отсутствуют балконы, а роль полуприватного пространства досталась крыльцу у входа в подъезд. Тем не менее, ряд общих принципов организации и структурирования жилого пространства, найденные в Нейборхуд Гарденс, здесь были сохранены: разделение его на отдельные, в определённой степени обособленные, блоки или дворы (включавшие от двух до пяти домов) и их раздельное внутреннее благоустройство. Так, например, для каждого двора была предусмотрена своя отдельная парковка, а в некоторых блоках были запроектированы бассейны с фонтанами (spray pool) (рис. 12).

Удивительным образом, вероятно, как следствие наступившего в США военного времени, эти проекты напоминают работы архитекторов Наркомтяжпром СССР (мастерские Весниных, Пантелеймона Голосова и Моисея Гинзбурга), строивших рабочие посёлки для предприятий во время советской индустриализации во второй половине 1930-х гг. [12] и новые рабочие посёлки и города сразу после войны. (рис. 15-16).

Рис.15. Жилые дома Коломенского посёлка ЗиС, Москва, 1937 г. [12]

Рис.16. Дом серии 1-201-13 в Вологде, арх. Ольга Яфа (мастерская им. В.А. Веснина), 1948 г.

Для архитекторов СССР, ограниченных крайней примитивностью советской строительной технологии, это было вовсе даже не упрощение, а максимальное использование имеющихся возможностей для массового создания (именно массового, в отличие от образцово-показательных и потому единичных улиц в центре больших городов) человеческой жилой среды. А американские архитекторы, имея в своём распоряжении самую передовую строительную технологию, но попав в условия военного времени и связанных с этим жёстких ограничений, пришли к очень схожим и практически аналогичным результатам. Это относится как к организации жилой среды, так и к самим проектам зданий. Было одно небольшое отличие: в советских проектах зданий массовой застройки (как правило, двухэтажных, американские были, как правило, трёхэтажными) от балконов не отказывались, и они иногда были совсем не простыми, а конструктивистскими (несмотря на порицание этого стиля свыше) и оттого ленточными (рис. 16).

Так или иначе проекты жилых комплексов Клинтон-Пибоди и Карр Сквер были в 1940 г. утверждены, а к 1942 г. построены и заселены. Так же как в Нейборхуд Гарденс, и здесь подавляющее большинство квартир были двухкомнатные, небольшая часть – трёхкомнатные и единицы четырёхкомнатные, то есть это жильё также было рассчитано на супружеские семьи (nuclear family) одного поколения. Несмотря на жёсткие бюджетные ограничения, архитекторам в целом удалось создать здесь полноценную, комфортную

и человеческую жилую среду (рис. 17-18), что благоприятно сказалось на их дальнейшей истории.

В то время как описанные ранее многоэтажные жилые комплексы Прютт-Айгоу и Кокран Гарденс полностью снесены, малоэтажные жилые комплексы Нейборхуд Гарденс, Клинтон-Пибоди и Карр Сквер живы и сегодня. Клинтон-Пибоди был частично перестроен, но ряд зданий первоначальной постройки после их реконструкции остались на своих местах. Карр Сквер в своей дальнейшей истории, точно так же, как и снесённый Кокран Гарденс [1], пережил самоуправление силами своих жильцов, и точно так же, начавшись с всеобщего энтузиазма и государственной поддержки, это самоуправление закончилось выявлением растрат и злоупотреблений [13]. Однако и эти здания сегодня существуют, хотя, как и в Клинтон-Пибоди, постепенно осуществляется их реконструкция (рис. 13-14).

Наиболее интересна и поучительна дальнейшая история самого Нейборхуд Гарденс. В своём первоначальном виде, в том числе и пройдя через десеграцию, этот жилой комплекс просуществовал до начала 1990-х гг., когда он, вместе с полным тогда выходом из моды эстетики модернизма, опустел, был заброшен и даже забыт. Дошло до того, что в 1997 г. мэр города по каким-то причинам стал искать владельцев зданий этого комплекса, даже не подозревая о том, что все эти здания принадлежат городу [5]. В течение пятнадцати лет этот жилой комплекс находился в полностью нежилом состоянии [14] (рис. 19).

Рис. 17. Двор Нейборхуд Гарденс, 1939 г. [3]

Рис.18. Двор Клинтон-Пибоди, 1955 г. [3]

Рис. 19. Нейборхуд Гарденс в заброшенном состоянии, 2003 г. [14]

В 2001 г. малоизвестная Spanish Lake Development Corporation of O'Fallon начала искать финансирование для возрождения Нейборхуд Гарденс, выкупила его, а к 2005 г. разработала проект и начала восстановительные работы. При этом была проведена полная реконструкция жилого комплекса, в результате чего количество его квартир сократилось с 252 до 144 при соответствующем увеличении их площади и числа комнат. Сегодня здесь предлагается как социальное жильё, так и коммерческое на рыночных условиях (рис. 20).

Пожалуй, единственной, но весьма реальной утратой в результате реконструкции стало превращение всего дворового пространства жилого комплекса в асфальтированную парковку (рис. 21). Это, видимо, было сделано согласно пожеланиям его будущих жильцов и сегодня представляется в общем-то умеренной платой за возрождение «an antidote to inadequate housing, both before and after their time» (противоядия от неадекватного жилья, как до, так и после своего времени) [5].

Заключение и выводы

История двух модернистских жилых комплексов одного провинциального американского города позволяет сегодня сделать некоторые выводы. Можно начать с того, что слухи о «кончине модернизма», как сказал бы великий уроженец окрестностей Сент-Луиса, оказались сильно преувеличены. Неадекватной оказалась лишь градостроительная концепция модернизма (которую Ле Корбюзье предложил в Лучезарном городе и которую затем приняли очень многие архитекторы вместе со строительными фирмами), считавшая, что лишь соблюдение требований аэрации и инсоляции есть необходимое и достаточное условие создания качественного жилья. Многоэтажное и многоквартирное жильё (а его в 1950-е годы стало возможным строить очень быстро, очень много и очень дёшево), предоставленное самому себе, по прошествии некоторого времени после его постройки, оказалось не в состоянии обеспечить ни должного уровня комфорта проживания, ни даже возможности

Рис.20. Внешний вид жилого комплекса Нейборхуд Гарденс сегодня (фото: www.stlouis-mo.gov)

Рис.21. Двор комплекса сегодня (Google Maps)

Рис.22. Жители многоэтажного жилого комплекса Les Créneaux [18]

Рис.23. Комплекс Les Créneaux перед сносом в 2009 г. [19]

Рис. 24. Снос одного из домов (фото Y.Lamoulère)

поддержания себя на элементарно безопасном уровне – как с социальной, так и даже с технической стороны при своей эксплуатации. Многоэтажный и многоквартирный жилой дом в окружении зелёных насаждений, придуманный Ле Корбюзье, на практике со временем неизбежно превращался в обветшавший и опасный внутри бетонный блок, окружённый не менее опасным пустырьём снаружи [15]. Идейные основания градостроительной ошибки крупнейшего архитектора XX в. требуют отдельного исследования, но даже в классических трудах по истории архитектуры можно найти предположение, что прообразом таких зданий Ле Корбюзье были советские дома-коммуны [16]. Это предположение подтверждается и в описанном ранее опыте самоуправления в Кокран Гарденс [1]. Любопытно, что главный идеолог НОРЕ республиканец и консерватор Джек Кемп в ответ на критику неудач администрации Джорджа Буша-старшего в «войне с бедностью», которую он и возглавлял, говорил, что доход – это не лучший измеритель бедности, что «община более безопасна, её единицы более чисты, здесь намного больше надежды и гораздо больше гордости» [17]. То есть Кемп явно указывал на преимущества общинной жизни, не разделяя, впрочем, общины малые, вполне способные и даже склонные к самоуправлению, и общины огромные, которыми можно управлять лишь командным способом сверху. Удивительна стойкость этой градостроительной концепции (вероятно, из-за возможности быстрой

прибыли для застройщика, отчасти – по инерции) в российских условиях. Подобная жилая среда в каком-то смысле была вполне уместна при массовом коллективном движении поначалу к новому быту, а следом за ним – к светлому будущему. И её длительная устойчивость именно в советских условиях вполне объяснима. Весьма однородный состав и во многом общие интересы жильцов, как правило, работавших на одном большом предприятии (или в организации), которое это самое жильё всем им и предоставило. Также правила советского социалистического общежития прямо и весьма жёстко требовали от жильцов сохранения порядка и спокойствия. Когда же, как в условиях Кокран Гарденс, ничего такого не было вовсе, для восстановления элементарной безопасности этого жилья неосознанно были созданы полностью аналогичные правила [1]. Без жёсткого административного управления многоэтажные жилые комплексы, подобные Прютт-Айгоу и Кокран Гарденс, нежизнеспособны и, даже после попыток их реконструкции, вновь предоставленные сами себе, они неизбежно приходят в упадок.

В Марселе, именно там, где в 1952 г. впервые появилась знаменитая Жилая единица (Unité d'Habitation) Ле Корбюзье, в 1960-х был построен «в окружении зелени» многоэтажный жилой комплекс Les Créneaux (рис.22-24). Начиная с 2009 г. и до 2012 г. данный жилой комплекс (как и ряд аналогичных многоэтажных жилых комплексов во Франции) был полностью снесён.

Рис.22. 25. Les Vergers [19]

Рис.26. Boulevard d'Hanoi [19]

Рис. 27. Patio de St Louis [19]

В этой французской истории интересен даже не факт сноса старого многоэтажного жилья, а новое жильё, построенное на том же самом месте (архитекторы: Agence I.T.E.A.). Возможно, что это совпадение, однако один из кварталов в новой застройке Les Créneaux носит название Patio de St Louis и явно напоминает жилой комплекс, описанный в данной статье (рис. 25-27).

Опыт создания в Нейборхуд Гарденс (и в подобных ему модернистских жилых комплексах времён «нового курса» в США) структурированной и соразмерной человеку жилой среды показывает, что такая среда в значительной степени способна и к своей самоорганизации и, при минимуме административного вмешательства, к своему дальнейшему развитию. Подобная жилая среда создавалась и в СССР архитекторами Наркомтяжпрома (и вышедших из него ведомств) во второй половине 1930-х и во второй половине 1940-х гг. при массовом строительстве рабочих посёлков и новых, а также возрождаемых сразу после войны городов, но затем в значительной степени была уничтожена при их реконструкции. Возможно, что опыт сохранения и возрождения подобной архитектуры в США поможет и в России осознать ценность идей, лежащих в её основе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Филиппов В.Д. Сент-Луис и гибель архитектуры модернизма // Innovative Project, 2016. Т.1. №4. С. 13-23. DOI: 10.17673/IP.2016.1.04.2.
2. The Living New Deal. Archive & Map URL: <https://livingnewdeal.org/>
3. Joseph Heathcott «In the Nature of a Clinic: The Design of Early Public Housing in St. Louis». Journal of the Society of Architectural Historians. 2011. Vol.70, No.1, pp. 82-103. DOI: 10.1525/jsah.2011.70.1.82
4. Großsiedlung Britz - Hufeisensiedlung - Berlin Housing Estates of the 1920s - on the UNESCO World Heritage List. URL: http://www.stadtentwicklung.berlin.de/denkmal/denkmaale_in_berlin/en/weltkulturerbe/siedlungen/britz.shtml
5. Michael Allen “Neighborhood Gardens and the Perils of Modernism”. Preservation Research Office. URL: <http://preservationresearch.com/housing/neighborhood-gardens-and-the-perils-of-modernism/>
6. Neighborhood Gardens Apartments, 1205 N 7th St. (all of CB 558) (1/31/86) - Missouri Department of Natural Resources. URL: <https://dnr.mo.gov/shpo/nps-nr/86000143.pdf>
7. Филиппов В.Д. Эволюция строчной застройки: Даммершток, Карлсруэ, 1928-1929 гг. // Градостроительство и архитектура. 2015. № 4. С. 59-66. DOI: 10.17673/Vestnik.2015.04.8
8. Siedlung Schillerpark. Berlin Housing Estates of the 1920s - on the UNESCO World Heritage List. URL: http://www.stadtentwicklung.berlin.de/denkmal/denkmaale_in_berlin/en/weltkulturerbe/siedlungen/schillerpark.shtml
9. Amy Shearn “Neighborhood Gardens: A Housing Project Born of Unbridled Optimism”. JSTOR Daily. October 15, 2014. URL: <https://daily-test.jstor.org/neighborhood-gardens/>
10. Neighborhood Gardens Apartment Complex – Mound City on the Mississippi, a St. Louis History. URL: http://stlc.in.missouri.org/history/structdetail.cfm?Master_ID=1316
11. Oscar Newman, “Creating defensible space”. Washington, D.C.: U.S. Department of Housing and Urban Development, 1996. – 123 p. (URL: <http://www.huduser.org/publications/pdf/def.pdf>)
12. Филиппов В.Д. Веснины и «Коломенград» как прототип массовой жилой застройки // Innovative Project. 2016. Т.1, № 1. С. 34-41. DOI: 10.17673/ip.2016.1.01.6
13. Steve Patterson “Non-Profit Carr Square Tenant Corporation Has Massive Annual Deficits”. Urban Review St. Louis. June 10, 2013. URL: <http://www.urbanreviewstl.com/2013/06/non-profit-carr-square-tenant-corporation-has-massive-annual-deficits/>
14. Built St. Louis. Recalled to Life. Neighborhood Gardens. URL: https://www.builtstlouis.net/neighborhood_gardens1.html
15. Репина Е.А. Признаки города. Апология пустоты // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Самара, 2011. С. 455-457.
16. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. Т. 2. Градостроительство XX века в странах капиталистического мира. М.: Стройиздат, 1979. 415 с.
17. Jason DeParle “Cultivating Their Own Gardens”. The New York Times. January 5, 1992. URL: <http://www.nytimes.com/1992/01/05/magazine/cultivating-their-own-gardens.html>
18. Djellouli Zoubida, Hout Sabrina Mémoires des Créneaux: chroniques d’une démolition annoncée - Marseille: Association Cris écrits, 2008, 112 p.
19. Le nouveau visage des Créneaux // Marseille Rénovation Urbaine. URL: <http://www.marseille-renovation-urbaine.fr/les-creneaux/le-nouveau-visage-des-creneaux-230.html>

REFERENCES

1. Filippov V.D. Saint Louis and the death of modernism architecture. Innovative project. 2016. Vol.1, No 4. P.13-23. DOI: 10.17673/IP.2016.1.04.2.
2. The Living New Deal. Archive & Map URL: <https://livingnewdeal.org/>
3. Joseph Heathcott «In the Nature of a Clinic»: The Design of Early Public Housing in St. Louis. Journal of the Society of Architectural Historians. 2011. Vol.70, No.1, pp. 82-103. DOI: 10.1525/jsah.2011.70.1.82

4. Großsiedlung Britz - Hufeisensiedlung - Berlin Housing Estates of the 1920s - on the UNESCO World Heritage List. URL: http://www.stadtentwicklung.berlin.de/denkmal/denkmaale_in_berlin/en/weltkulturerbe/siedlungen/britz.shtml
5. Michael Allen "Neighborhood Gardens and the Perils of Modernism". Preservation Research Office. URL: <http://preservationresearch.com/housing/neighborhood-gardens-and-the-perils-of-modernism/>
6. Neighborhood Gardens Apartments, 1205 N 7th St. (all of CB 558) (1/31/86) - Missouri Department of Natural Resources. URL: <https://dnr.mo.gov/shpo/nps-nr/86000143.pdf>
7. Filippov V.D. "Evolution of ribbon development: Dammershtok, Karlsruhe, 1928-1929". Urban Planning and Architecture. 2015. № 4. С. 59-66. DOI: 10.17673/Vestnik.2015.04.8
8. Siedlung Schillerpark. Berlin Housing Estates of the 1920s - on the UNESCO World Heritage List. URL: http://www.stadtentwicklung.berlin.de/denkmal/denkmaale_in_berlin/en/weltkulturerbe/siedlungen/schillerpark.shtml
9. Amy Shearn "Neighborhood Gardens: A Housing Project Born of Unbridled Optimism". JSTOR Daily. October 15, 2014. URL: <https://daily-test.jstor.org/neighborhood-gardens/>
10. Neighborhood Gardens Apartment Complex - Mound City on the Mississippi, a St. Louis History. URL: http://stlcin.missouri.org/history/structdetail.cfm?Master_ID=1316
11. Oscar Newman, "Creating defensible space". Washington, D.C.: U.S. Department of Housing and Urban Development, 1996. - 123 p. (URL: <http://www.huduser.org/publications/pdf/def.pdf>)
12. Filippov V.D. "Vesnina brothers and "Kolomengrad" as a prototype of mass residential development". Innovative Project, 2016, V.1, No 1, pp. 34-41. DOI: 10.17673/ip.2016.1.01.6
13. Steve Patterson "Non-Profit Carr Square Tenant Corporation Has Massive Annual Deficits". Urban Review St. Louis. June 10, 2013. URL: <http://www.urbanreviewstl.com/2013/06/non-profit-carr-square-tenant-corporation-has-massive-annual-deficits/>
14. Built St. Louis. Recalled to Life. Neighborhood Gardens. URL: https://www.builtstlouis.net/neighborhood_gardens1.html
15. Repina E.A. "Signs of the city. Apology of emptiness". Traditions and innovations in construction and architecture. Samara. 2011. pp. 455-457.
16. Bunin A.V., Savarenskaya T.F. History of urban art. Vol. 2. Town planning of the twentieth century in the countries of the capitalist world. M.: Stroyizdat, 1979. pp. 415.
17. Jason DeParle "Cultivating Their Own Gardens". The New York Times. January 5, 1992. URL: <http://www.nytimes.com/1992/01/05/magazine/cultivating-their-own-gardens.html>
18. Djellouli Zoubida, Hout Sabrina "Mémoires des Créneaux: chroniques d'une démolition annoncée" - Marseille: Association Cris écrits, 2008, 112 p.
19. Le nouveau visage des Créneaux // Marseille Rénovation Urbaine. URL: <http://www.marseille-renovation-urbaine.fr/les-creneaux/le-nouveau-visage-des-creneaux-230.html>

Для ссылок: Филиппов В.Д. Сент-Луис и возрождение архитектуры модернизма // Innovative project. 2017. T.2, №1. С. 13-24. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.2

For references: Filippov V.D. St. Louis and the revival of modernism architecture. Innovative project. 2017. Vol.2, No 1. P. 13-24. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.2

Вологодина Наталия Николаевна, Яруков Виктор Николаевич
Самарский государственный технический университет
Vologdina Natalia, Yarukov Victor
Samara State Technical University

ХАНС ХОЛЛЯЙН ГОРОДУ И МИРУ. АРХИТЕКТУРА СВОБОДЫ HANS HOLLEIN TO THE CITY AND THE WORLD. ARCHITECTURE OF FREEDOM

Статья о выдающемся архитекторе XX века, стоявшем у истоков смены архитектурной парадигмы и, по сути, продвигавшем идеи «свободы» от клише «вечных истин». Австрийский архитектор Ханс Холляйн – один из представителей поколения гуманистического постмодернизма (доктрины, соединившей весьма противоречивые модели). Отмечается вклад мастера в развитие архитектурного языка, в частности отказ от следования жестким установкам «технологического» направления, которое рассматривает технологию как самодостаточный факт. Акцентируется внимание на проектах «апологета свободы», которые оказали влияние на Европейский урбанизм.

The paper deals with the outstanding architect of the 20th century, pioneering the change of the architectural paradigm and, in fact, promoting the ideas of «freedom» from the cliché of «eternal truths». The Austrian architect Hans Hollein is one of the representatives of the generation of humanistic postmodernism (doctrine, that combines rather contradictory models). The paper draws attention to the contribution of the master to the evolution of the architectural language, particularly the refusal to follow the strict guidelines of the «technological» direction, which considers technology to be the self-sufficient fact. The attention is focused on the projects of «the proponent of freedom», which influenced European urbanism.

Ключевые слова: *постмодернизм, модернизм, архитектурный язык, традиции, контекст, редуктивизм*
Keywords: *postmodernism, modernism, architectural language, traditions, context, reductivism*

Ханс Холляйн – один из самых ярких и последовательных представителей постмодернизма. Новое направление как глобальное явление проявило себя во всех сферах деятельности. Весьма спорно считать, что оно возникло только как реакция на давление универсальных тенденций и растущей модернизации, это был выход из культурного застоя, удовлетворяющий требования «пользователей». Эклектика стала основным инструментом архитекторов в интеллектуальной игре со всеми ценностями и символами и позволила выбирать способы деятельности. Направление не имеет отрицательной коннотации, поскольку является одним из способов «сохранения и трансляции культуры». Рефлексия проявилась широким спектром часто весьма противоречивых приемов. Работы Ханса Холляйна интересны специфическим пониманием свободы. Он поддерживает множественность эвентуальных точек зрения на объект проектирования, не вынося окончательного суждения — что ложно, а что истинно.

Период обучения Ханса Холляйна в Иллинойском технологическом институте в Чикаго совпал с господством «технологического» направления. Редуктивизм его основоположника, выдающегося архитектора XX столетия Мисс ван дер Роэ,

возглавлявшего архитектурный факультет, вместе с идеями «технологии действительного воплощения», транслировались непосредственно в профессиональную среду. «Технология – нечто неизмеримо большее, чем средство», – говорил он. «Как метод она превосходна почти во всех смыслах... Там, где технология получает свое действительное воплощение, она превращается в архитектуру». Направление, ставшее религией, получило огромное число сторонников и последователей. Однако приверженцы этих идей превратили в прах завоевания мастера, тиражируя, нередко без всякой критики, стеклянные здания сомнительного качества, забывая о том, что копия никогда не достигнет силы оригинала. Более «продвинутые» уже искали пути освобождения от клише «вечных истин» [1]. Среди них был и Ханс Холляйн, который подверг критике холодный рациональный расчет: «Я хотел работать не только с вечным, но и с временным, эфемерным. На вопрос «Что есть архитектура?» я стал отвечать: «Все». Получив заряд свободомыслия на американском континенте, но, будучи воспитан на классических образцах, в частности австрийской архитектуры (в 1956 г. закончил Венскую Академию Изящных Искусств), Ханс Холляйн в своих работах тонко ироничен и уверен в «игре

со множеством уровней реальности», более чем его заокеанские коллеги. Можно предположить, что всему виной глубокие культурные основы, специфическое понимание контекста, как физического, так и метафизического.

Критики архитектуры и, в частности, Фридрих Ахляйтнер акцентирует внимание на отношении Холляйна к венской культуре: «...рассматривая архитектуру как противовес реальности или как замещение ее, нельзя игнорировать венскую реальность, так как в ней обнаруживается традиция, которая слишком стара, и чувствительность, которая слишком сильно развита» [2, с. 455]. Крушение мира высшей аристократической буржуазии Австрии накануне Первой мировой войны на эстетическом уровне выразилось в Венском Сецессионе (модерн), родоначальниками которого были Густав Климт, Коломан Мозер, Йозеф Мария Ольбрих, Йозеф Хофман [3, с. 123]. Эта философия «экзистенции», или сознательный уход в «богатство бессознательного» ознаменовала смену культурных ориентиров. Ряд немецких и австрийских художественных объединений противопоставили себя официальному академическому искусству (скульптор Людвиг Хабих, Рудольф Боссельт, художники Питер Беренс, Пауль Бюрг, Ганс Христиансен, архитектор Патриция Хубер), и, хотя это был несомненно глоток свободы, культурная реальность оставалась практически неизменной в своих глубинных мотивах. Дворцы перестали

служить буржуазной аристократии и изменили свое предназначение. Новая элита теперь строит музееподобные виллы, используя труд новаторов, для того чтобы создать атмосферу интеллектуального творчества. Манифестом новой эстетики стал журнал *Ver Sacrum* (от лат. Весна священная), на обложке первого номера которого изображено дерево с корнями, разрывающими кадку, – символ выхода за границы реального в чудесное бессознательное, сад настроения и утопии (рис. 1) [4].

Уникальный город-государство Вена обладает традицией эстетического ухода от реальности, богатой практикой искусственного отчуждения, метафизических построений. Монтаж, коллаж, отстранение, случайные намеки и умиротворяющее цитирование культивируются не только в языке, но и в архитектуре [2, с. 455]. Работа Ханса Холляйна над первыми проектами демонстрирует приверженность венской эстетической культуре и отражает его крайне метафорический стиль.

Решение интерьеров бюро путешествий в Вене – это театрализованное представление о функции (рис. 2) [5]. Структура здания – нечто отличное от простого удовлетворения потребностей, которые сами по себе банальны и заключаются в обеспечении информацией и проездными билетами. Однако эстетическая трактовка иллюстрирует не содержание предмета в упрощенном виде, а сам предмет во всей его сложности: главное здесь не утилитарное назначение, а иллюзия, желания, мечты и обывательское представление о целях путешествия [2, с. 455]. Метафизические факты и ориентация в пространстве – свиты воедино: «радиаторные решетки «Rolls Royce» – кассовые окна, как бы подбадривают посетителя» и стимулируют его к принятию решений. Бюро путешествий прекратило свое существование через девять лет после его строительства, и в этом не было подоплеки «некачественной» архитектуры. Как шутка – проходящая игра смыслов, так и её материальное воплощение – временный жест.

Инсталляция Ханса Холляйна на Strada Novissima (итал. новейшая улица), главной выставочной площадки первой венецианской биеннале 1980 г., стала своеобразным манифестом свободы (рис. 3) [6]. В экспозиции были представлены 20 макетов-фасадов известных архитекторов второй половины XX в. (Hollein, GRAU, Bofill, Dardi, Gehry, Gordon Smith, Geenberg, Graves, Isozaki, Kleihues, Koolhaas, Krier, Moore, Portzamparc, Purini, Stern, Stirling, Tigermann, Ungers и Venturi). Объекты были выполнены в масштабе 1:1 и рас-

Рис. 1. Первый выпуск журнала «Ver Sacrum» (от лат. Весна священная). Австро-Венгрия 1898 г.

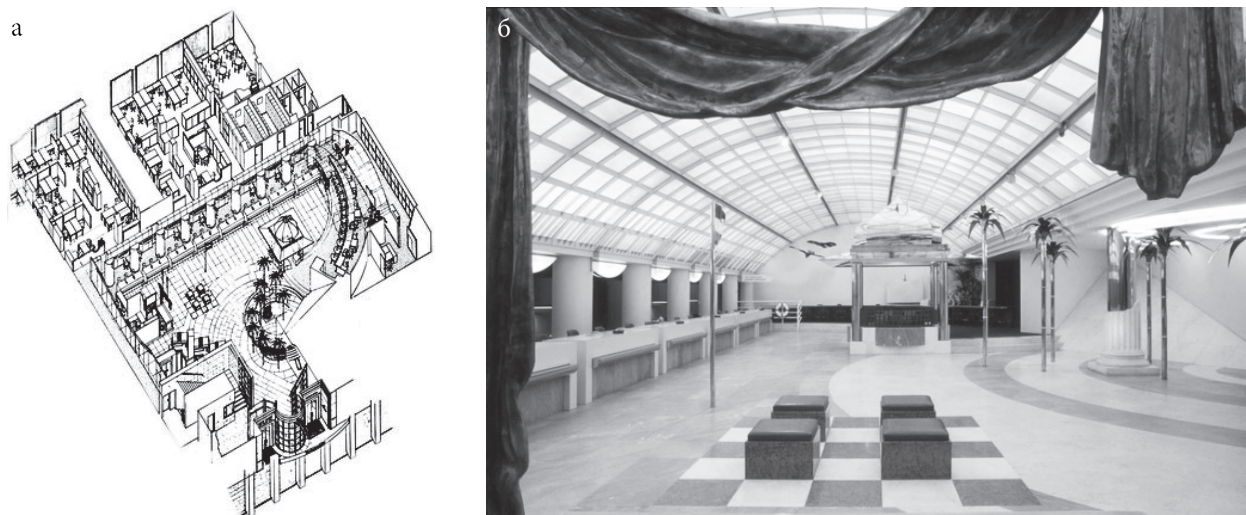

Рис. 2. Аксонометрическая модель (а) и интерьер (б) бюро путешествий. Вена, Австрия, 1979 г.

полагались на закрытой импровизированной улице (Corderia), важном элементе традиционного европейского урбанизма. Посетители могли иметь тактильный опыт и непосредственно ощущать пространство [7, с. 52].

Тема выставки звучала как «присутствие прошлого», функция была оставлена на собственный выбор архитектора. Инсталляции имели ограничения по высоте и расстоянию между крайними колоннами, продиктованные шириной улицы. Ханс Холляйн в своей работе нарушил правила конкурса в построении фасадов Corderia. К существующим двум колоннам он добавил еще четыре в пустом пространстве между ними. Одна из вертикалей является имитацией колонны Филибера Делорма,

другая отсылает посетителя к архитектуре «Чикаго Трибюн» Адольфа Лооса, третья представляет собой дерево, а четвертая, нарушая законы гравитации, парила в воздухе, для того чтобы человек смог пройти под ней.

Ханс Холляйн определил для себя тему выставки как «архитектуру воспоминаний», не только в смысле истории, но и собственной памяти о культурном наследии, личном опыте, проявляющемся в цитатах, пространственных трансформациях и использованных метафорах. Крайние колонны трактуются как «присутствие прошлого». В этом отношении проект Ханса Холляйна был эклектичен и полон иронии, подобно тому, что делали его американские коллеги. Но, в отличие

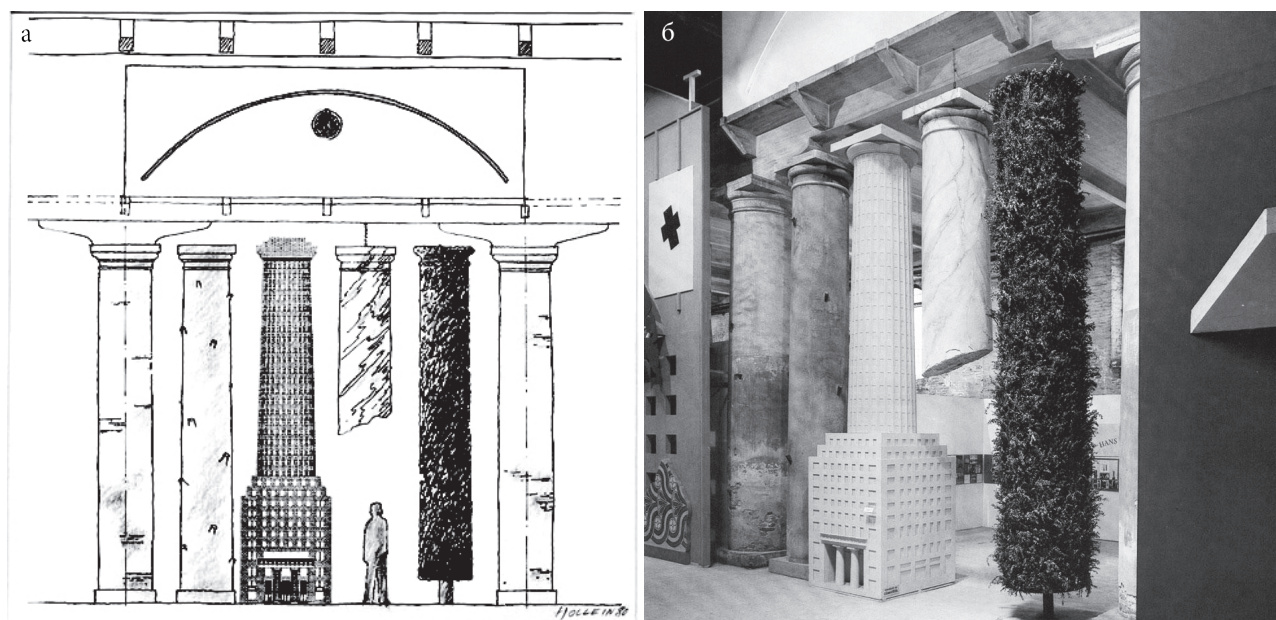

Рис. 3. Эскизный рисунок (а) и инсталляция (б) на выставочной улице Strada Novissima. Венеция, Италия, 1980 г.

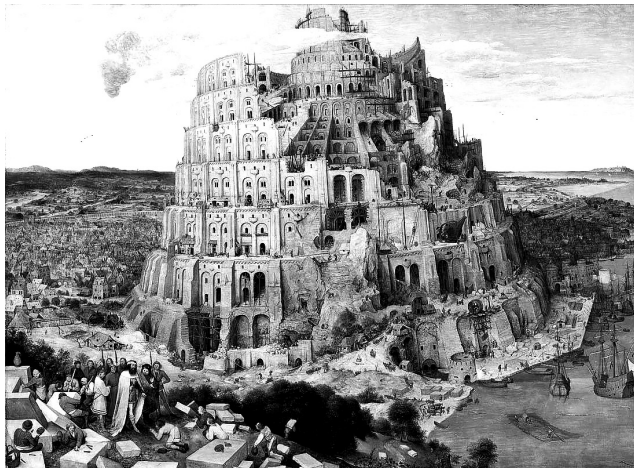

Рис. 4. Вавилонская башня, Питер Брейгель Старший. Музей истории искусств, Вена, Австрия, 1563 г.

от них, он не просто изобразил пространственную интерпретацию исторических архетипов, а создал остроумную композицию, включающую непосредственно существующие колонны (здесь представляющие собой контекст) в общую структуру. Таким образом, Ханс Холляйн создал уникальную экспозицию, в которой контекстуальный жест не столько общепрофессиональный, сколько авторский, во многом выражающий мнение архитектора.

На протяжении всего профессионального пути Ханс Холляйн обращается к культурным реминисценциям. Основными методами в принятой системе являются аллюзия и ретроспекция, использование интеллектуальных конструкций, обращение к эклектике (от греч. *ἐκλεκτός* «выбирающий, отображающий») как способу игры «со всем универсумом». Анализируя исторические события, архитектор выстраивает свои структуры, проявляя парадоксальность и нетривиальность в трактовке старого и нового.

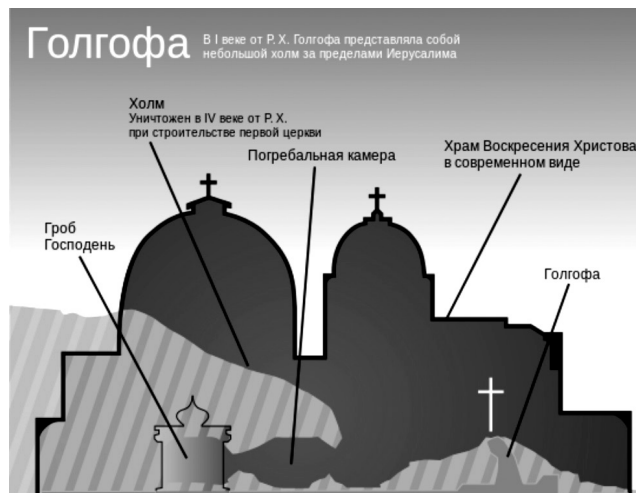

Рис. 5. Храм Воскресения Христова. Иерусалим, Израиль

Такой факт строительства объектов, с использованием древних «рисунков», следов, ландшафта, природных компонентов, мы наблюдаем в различные культурные периоды. Уникальная архитектурная фантазия, отсылающую нас к проектам Ханса Холляйна, – картина Питера Брейгеля Старшего (1525–1569) (Музей истории искусств, Вена) (рис. 4) [8]. Художник изображает башню не достроенной или разрушенной, включая в общую структуру фрагменты скалы. Широкий пандус спиралеобразно тянется по ней от долины до самых облаков, стремясь связать землю и небо – реальное и идеальное. Таким же образом создавался храм Воскресения Христова в Иерусалиме, который представляет собой сложный конгломерат элементов ландшафта (склон холма, Голгофа, древние пещеры, гроты, искусственные озера), инженерных коммуникаций и архитектуры (рис. 5) [9]. Наслаивание культур (языческой, мусульманской, христианской), языков, «текстов», форм послужило созданию сложного многозначного, пространственно развитого и богатого смыслами комплекса. Подобные «тексты» мы прочитываем в проектах постмодернистской трактовки Ханса Холляйна.

Интеграция в существующий контекст, использование топографии ландшафта как трехмерной матрицы были одной из основных задач при создании музея современного искусства в историческом центре Мёнхенгладбаха (рис. 6) [10]. Склон холма представляет собой основной композиционный элемент, включенный в структуру комплекса. Криволинейные пандусы соединяют главную площадь музея с городской территорией. Подпорные стены с кирпичной облицовкой, ограничивающие террасы подобно организации

Рис. 6. Музей современного искусства. Мёнхенгладбах, Германия, 1982 г.

Вавилонской башни и храма в Иерусалиме, объединяют природное с рукотворным. Кульминацией ансамбля является башня – своеобразная скала с обнаженными кристаллическими горными образованиями.

Основная идея торгово-офисного здания Naas Haus в центре Вены заключается в передаче значения места: современный дом построен на средневековых руинах (рис. 7) [11]. Это выражено в пространственной организации «массы старого» и «пустоты нового».

Большой радиальный в плане объем плавно переходит от каменной кладки, похожей на используемую в оформлении соседних исторических зданий, к нейтральным стеклянным фасадам, отражающим собор Св. Стефана и не контрастирующим с ним. Первые два этажа Naas Haus отступают от плоскости фасада и подчеркнуты пилястрами. Используются гипертрофированные эркеры в виде цилиндров разного диа-

метра, что отсылает зрителя к романтической архитектуре средневековья, барокко, модерна. Высота здания, горизонтальные и вертикальные членения, ритм и метрические построения, антропоморфная детализировка подчинены контексту. Отделка Naas Haus из камня теплых серых оттенков, стекла и металла выгодно подчеркивает историческую среду, показывая, что она является «фигурой», а новое здание – это только «фон».

Здание музея современного искусства Ханса Холляйна расположено на нерегулярном треугольном участке в старом районе Франкфурта-на-Майне на пересечении трех улиц (рис. 8) [12]. Концепция архитектора заключалась в создании объекта, представляющего собой коллаж пространств и эпох. Ханс Холляйн опирался на классические образцы архитектуры Вены, Венеции, а также традиционные архетипы индейских народов юго-запада США (рис. 9, 10) [13], [3].

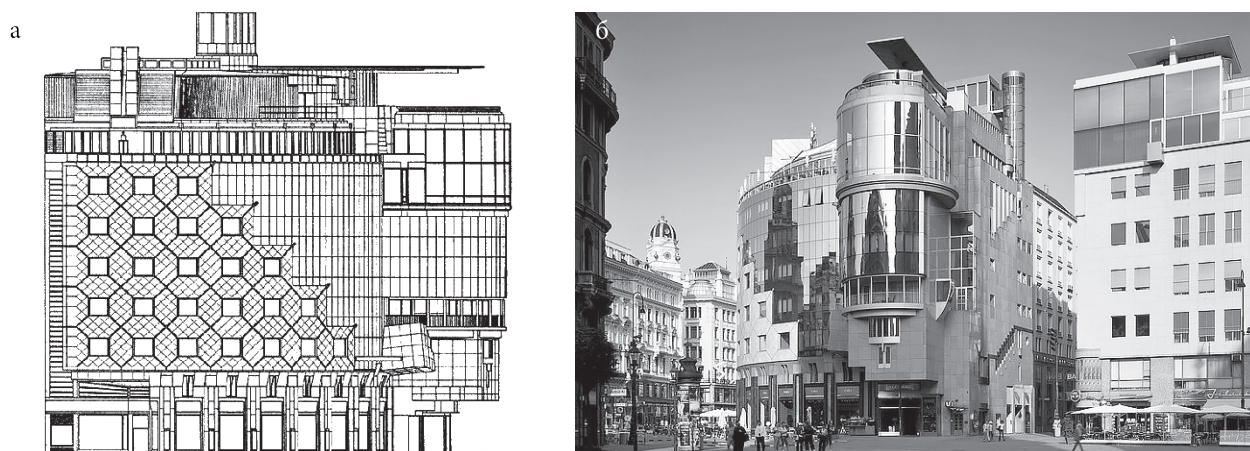

Рис. 7. Торгово-офисное здание Naas Haus: чертеж фасада (а) и общий вид (б). Вена, Австрия, 1990 г.

Рис. 8. Музей современного искусства. Общий вид (а), эскизный рисунок (б), виды с улиц Domstrasse (в), Brau-bachstrasse (г). Франкфурт-на-Майне, Германия, 1991 г.

Структура здания подобна городу, узкие улицы которого встречаются на главной площади. Решение музея радикально меняет концепцию: архитектура – не «объект» для созерцания, это «фон» при мощной целостной форме. Ощущение движения пространства подчеркнуто трехчастным членением общего объема. Историческая

преемственность выражена традиционным завершением скатной кровли с выступающим карнизом, антропометрией декоративных элементов, цветовой гаммой фасадов. Ханс Холляйн откровенно использует цитаты классической архитектуры Австрии, в частности Ольбриха и Хофмана: мощные нерасчлененные поверхности, сдержанная

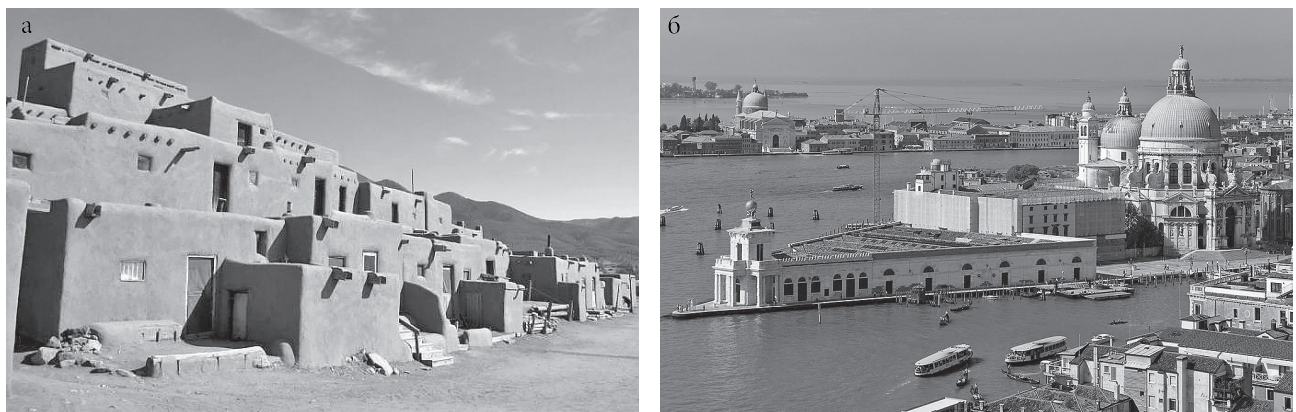

Рис. 9. Индейская архитектура Юго-Запада США (а), Пунта делла Догана в Венеции (б)

Рис. 10. Дворец Стоклет, арх. Хофман. Брюссель, Бельгия 1905-1910 гг.(а); «Свадебная башня» и выставочное здание, арх. Ольбрих. Дармштадт, Германия 1908 г.(б); здание Сецессиона, арх. Ольбрих. Вена, Австрия 1898 г.(в); дом Эрнста Людвига, арх. Ольбрих. Дармштадт, Германия 1908 г.(г).

детализовка, оконные проемы только по необходимости, гипертрофированные арки, характер соподчинения объемов, динамика форм (рис. 10). По словам представителей культурной элиты Германии, музей является «абсолютной архитектурой, выражением не только интеллекта, но и духа».

Музейно-исследовательский комплекс «VULCANIA» расположен в горной местности Франции в соседстве с потухшими вулканами

(рис. 11) [14]. Концепция Ханса Холляйна основана на метафорическом переосмыслении литературного сюжета «Божественной комедии» Данте с его «Адом» (рис. 12) [15].

Посетитель совершает движение внутрь здания по спиралеобразному пандусу, спускаясь в жерло вулкана, где человеку открываются тайны происхождения планеты. Рассеченный конусообразный объем, напоминающий вулкан, является

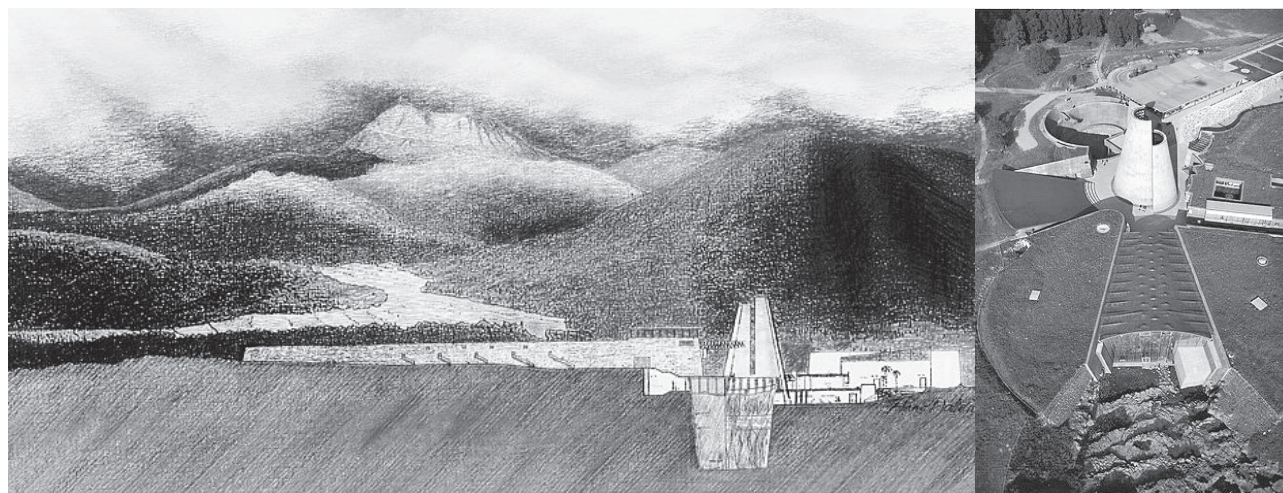

Рис. 11. Центр вулканизма «VULCANIA». регион Овернь, Франция, 2002 г.

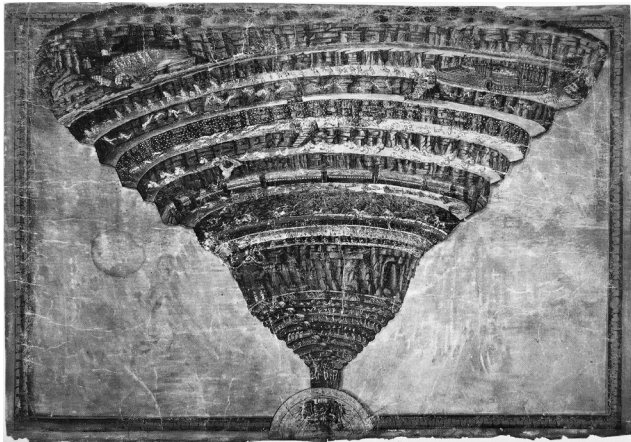

Рис. 12. Бездна Ада. Сандро Боттичелли. Флоренция, Италия, 1480-1490 гг.

доминантой ансамбля: грубая наружная отделка стен сменяется медными сияющими пластинами внутренней поверхности, создающими образ раскаленной магмы. Разделение общей формы на две части визуально четко артикулировано и говорит о смещении тектонических плит, процессов, связанных с формированием Земли. Основная идея находит свое продолжение во внутренних пространствах комплекса. В подземном кинотеатре мы видим «картины» и ощущаем реальные грандиозные преобразования. В данном объекте ирония маэстро достигла своей высшей точки: это последний жест свободы постмодернизма, культуры метафор, контекста, игры случайного, полутон, недосказанности.

Идеи архитектора дали импульс для освобождения профессионального языка. Его вклад в теорию и практику – нечто большее, чем некоторое количество построенных зданий по всему миру, каждое из которых прежде всего манифест. От проекта свечной лавки Ретти в Вене 1966 г., который принес мастеру первую профессиональную премию и признание, до объектов мирового значения пройден огромный путь [16, с.118]. Ханс Холляйн говорил: «Архитектура – это вам не в мастерской сидеть. Архитектура – это жизнь, в ней надо участвовать». И он участвовал: делил жизнь между городами мира.

Ханс Холляйн стоял у истоков смены архитектурной парадигмы. В отличие от своих выдающихся учителей – «апостолов веры», которые положили архитектуру на алтарь технического прогресса и всеобщей модернизации, ученики искали новые способы выражения, поддерживая плюрализм и ориентируясь на метафизические контексты.

Постмодернизм представляет собой доктрину, не исключаящую множественность позиций,

«случайных» конструктивных моделей, и не является набором стилистических характеристик и приемов, фиксированных жестких правил для всех. Критики определяют постмодернизм скорее как «modus operandi» (от лат. образ действий).

Благодаря венской культурной традиции, Ханс Холляйн не был ограничен в своем творчестве универсальными правилами и работал с «материалом» эфемерным, ускользающим, не поддающимся чистой логике. Свобода архитектора – это отказ от фиксированных предметов, объектов, целей в пользу самого процесса проектирования, беспредметного поиска на уровне элементарных форм, который предшествует появлению какой-либо новой структуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / пер. с англ. д-ра архитектуры А. В. Рябушина, М. В. Уваровой. М.: Стройиздат, 1985. С. 137.
2. Фрэмpton К. Современная архитектура: критический взгляд на историю развития / пер. с англ. Е. А. Дубченко; под ред. В. Л. Хайта. М.: Стройиздат, 1990. С. 535.
3. Architecture in Austria a survey of the 20th century. Barcelona: ACTAR, 1999. С. 334.
4. Ver Sacrum (журнал) / Wikipedia. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ver_Sacrum_\(%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ver_Sacrum_(%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB)) (дата обращения: 21.01.2018).
5. ÖSTERREICHISCHES VERKEHRSBÜRO URL: <http://www.hollein.com/ger/Architektur/Chronologisch/1970-1979/Oesterreichisches-Verkehrsbuero> (дата обращения: 20.01.2018).
6. STRADA NOVISSIMA URL: <http://www.hollein.com/ger/Ausstellungen/Strada-Novissima> (дата обращения: 20.01.2018).
7. Esin KÖMEZ DAĞLIOĞLU Reclaiming Context: Architectural Theory, Pedagogy and Practice since 1950 / Технический университет Делфта Нидерланды, 2017. С. 219.
8. История одного шедевра: «Вавилонская башня» Брейгеля-старшего [Электронный ресурс] // Diletant.media [Сайт] URL: <http://diletant.media/articles/30171786/> (дата обращения 21.01.2018).
9. Храм Гроба Господня [Электронный ресурс] // Wikipedia URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D1%80%D0%B0%D0%BC_%D0%93%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%B0_%D0%93%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8F (дата обращения: 20.01.2018).
10. STÄDTISCHES MUSEUM ABTEIBERG. URL: <http://www.hollein.com/ger/Architektur/Chronologisch/1980-1989/Staedtisches-Museum-Abteiberg> (дата обращения: 20.01.2018).

11. HAAS HAUS. URL: <http://www.hollein.com/ger/Architektur/Chronologisch/1990-1999/Haas-Haus> (дата обращения: 20.01.2018).

12. MUSEUM MODERNER KUNST. URL: <http://www.hollein.com/ger/Architektur/Chronologisch/1990-1999/Museum-Moderner-Kunst> (дата обращения: 20.01.2018).

13. Museum für Moderne Kunst. Artsy URL: <https://www.artsy.net/artwork/hans-hollein-zeichnung-salute-slash-dogana-museum-fur-moderne-kunst-frankfurt-drawing-of-santa-maria-della-salute-slash-the-dogana-in-venice-italy-museum-of-modern-art-frankfurt-germany> (дата обращения: 21.01.2018).

14. MUSEUM VULCANIA. URL: <http://www.hollein.com/ger/Architektur/Chronologisch/2000-2009/Vulcania> (дата обращения: 21.01.2018).

15. «Бездна Ада», Сандро Боттичелли — описание картины [Электронный ресурс] URL: https://muzei-mira.com/kartini_italia/2282-bezdna-ada-sandro-botticelli-opisanie-kartiny.html (дата обращения: 21.01.2018).

16. L'ARCHITECTURE D'AUJOURD'HUI / Bijouterie Schullin Vienne Hans Hollein, 1980. С.146.

REFERENCES

1. Jencks C. A. The Language of Post-Modern Architecture, Rizzoli, 1977. 104 p.

2. Frampton K. Modern architecture: a critical history. 3rd edition. Thames & Hudson, 1992. 376 p.

3. Steiner D. Architecture in Austria: A Survey of the 20th Century. Barcelona, ACTAR, 1999. 334p.

4. Ver Sacrum. Available at: [https://en.wikipedia.org/wiki/Ver_Sacrum_\(magazine\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Ver_Sacrum_(magazine)) (accessed 21 January 2018).

5. ÖSTERREICHISCHES VERKEHRSBÜRO. Available at: <http://www.hollein.com/ger/Architektur/Chronologisch/1970-1979/Oesterreichisches-Verkehrsbuero> (accessed 20 January 2018).

6. STRADA NOVISSIMA. Available at: <http://www.hollein.com/ger/Ausstellungen/Strada-Novissima> (accessed 20 January 2018).

7. Komez-Daglioglu E. Reclaiming Context: Architectural Theory, Pedagogy and Practice since 1950. Nederland, Delft University of Technology, 2017. 219 p.

8. The story of one masterpiece: The Tower of Babel by Brueghel the Elder. (in Russian) Available at: <http://diletant.media/articles/30171786/> (accessed 21 January 2018).

9. Church of the Holy Sepulchre. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Church_of_the_Holy_Sepulchre (accessed 20 January 2018).

10. STÄDTISCHES MUSEUM ABTEIBERG.

Available at: <http://www.hollein.com/ger/Architektur/Chronologisch/1980-1989/Staedtisches-Museum-Abteiberg> (accessed 20 January 2018).

11. HAAS HAUS. Available at: <http://www.hollein.com/ger/Architektur/Chronologisch/1990-1999/Haas-Haus> (accessed 20 January 2018).

12. MUSEUM MODERNER KUNST. Available at: <http://www.hollein.com/ger/Architektur/Chronologisch/1990-1999/Museum-Moderner-Kunst> (accessed 20 January 2018).

13. Museum für Moderne Kunst. Available at: <https://www.artsy.net/artwork/hans-hollein-zeichnung-salute-slash-dogana-museum-fur-moderne-kunst-frankfurt-drawing-of-santa-maria-della-salute-slash-the-dogana-in-venice-italy-museum-of-modern-art-frankfurt-germany> (accessed 21 January 2018).

14. MUSEUM VULCANIA. Available at: <http://www.hollein.com/ger/Architektur/Chronologisch/2000-2009/Vulcania> (accessed 21 January 2018).

15. «The Abyss of Hell», Sandro Botticelli - description of the painting. (in Russian) Available at: https://muzei-mira.com/kartini_italia/2282-bezdna-ada-sandro-botticelli-opisanie-kartiny.html (accessed 21 January 2018).

16. Hollein H. Bijouterie Schullin Vienne L'ARCHITECTURE D'AUJOURD'HUI [ARCHITECTURE TODAY], 1980. 146 p.

Для ссылки: Вологодина Н.Н., Яруков В.Н. Ханс Холляйн городу и миру. Архитектура свободы // Innovative project. 2017. Т.2, №1. С. 25-33. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.3

For references: Vologdina N.N., Yarov V.N. Hans Hollein to the city and the world. Architecture of freedom. Innovative project. 2017. Vol.2, No 1. P. 25-33. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.3

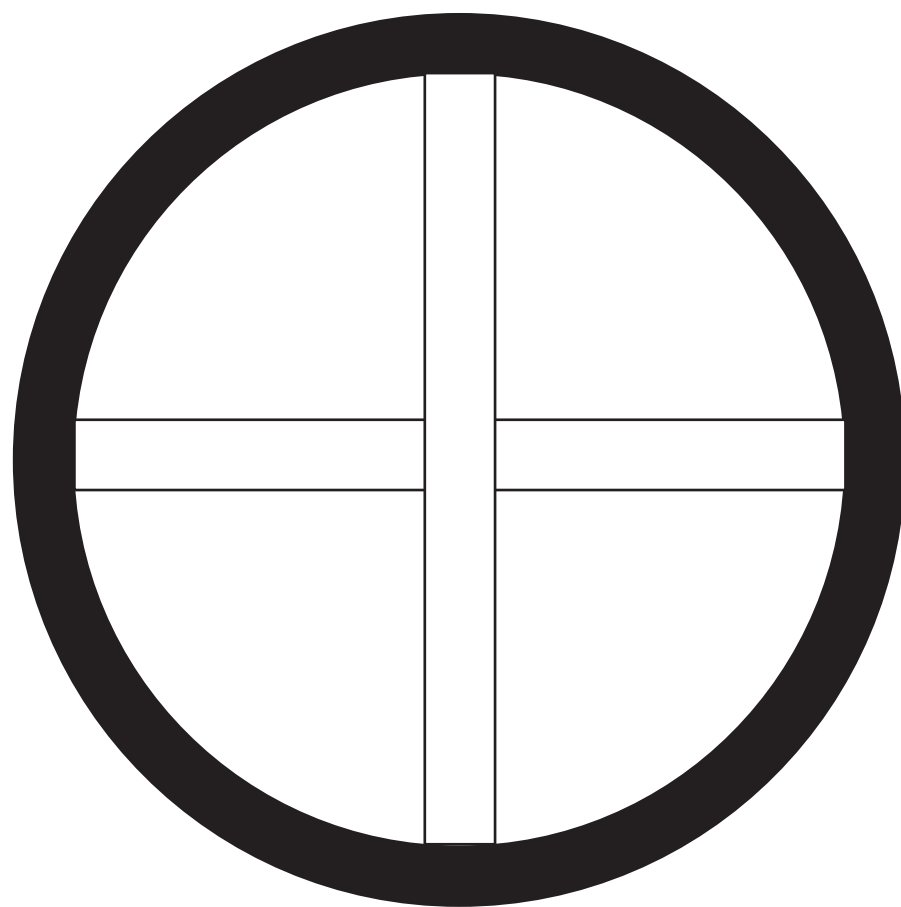

2

36-52

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА

URBAN SPACE

Лежень Михаил Юрьевич

Музей-резиденция «Арткоммуналка. Ерофеев и Другие», г. Коломна, МО

Lezhen Mikhail

Museum-residence «Artkommunalka. Erofeev and Others», Kolomna, MO

АРХИТЕКТУРА И КОНСОЛИДАЦИЯ: МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ARCHITECTURE AND CONSOLIDATION: MEGALYTICAL MATRIX

В статье представлена гипотеза происхождения символической пространственной формы как таковой: опровергая аксиому о жилищном происхождении зодчества, она усматривает потребность социальной консолидации в качестве объективного источника и движущей силы архитектурного формообразования. Семантический анализ простейших первобытных «психологических» камней (мегалитов) и логический метод «чёрного ящика» позволяют выявить уникальный механизм социального сплочения, эффективную духовную матрицу, воспроизводящую человеческое объединение на понятийном уровне, замещающем собой врождённый «социально-биологический» инстинкт. Возникающая при этом функциональная модель архитектурного формообразования даёт, с одной стороны, инструмент исторического анализа зодчества, а с другой – методические и профессиональные приложения в отношении актуальной архитектурной практики. Логическим выводом исследования является дефиниция архитектуры как социального института консолидации и, следовательно, основополагающего национального проекта.

The article presents the hypothesis of the origin of the symbolic spatial form as such: by contradicting the axiom about the housing origin of architecture, it considers the need for social consolidation as an objective source and driving force of architectural shaping. The semantic analysis of the simplest primitive «psychological» stones (megaliths) and the logical method of the «black box» make it possible to reveal a unique mechanism of social cohesion, an effective spiritual matrix that reproduces human unification at the conceptual level, replacing the congenital «social-biological» instinct. The resulting functional model of architectural shaping gives, on the one hand, the tool of the historical analysis of architecture, and on the other hand, methodical and professional applications with respect to actual architectural practice. The logical conclusion of the study is the definition of architecture as a social institution of consolidation and, consequently, of the fundamental national project.

Ключевые слова: символическое строительство, архитектурная форма, социальное конструирование, общество, национальная идея, культ, общественный центр, институт консолидации, мегалиты, менгир.

Keywords: symbolic construction, architectural form, social construction, society, national idea, cult, social center, institution of consolidation, megaliths, menhir

«Первой целью таких самостоятельных самих по себе сооружений является возведение здания, которое служит объединением для нации или наций; это место, вокруг которого они собираются» (Гегель [1]).

Очевидно, что архитектура создаётся обществом. Но не так очевидно, что само общество создаётся архитектурой. Так бывает, если вспомнить про птицу и яйцо...

Каменный монолит высотой с шестизэтажный дом, поднятый по человеческой воле тысячи лет назад, рухнул оземь, разлетевшись на атомы. Из них возникла архитектура всех времён и народов: под открытым небом на наших глазах работает удивительный механизм, превращающий живое чувство, химию личных эмоций в связующий элемент и ткань общественного объединения. Архитектура вмещает не людей, а их единомышленников. И сегодня её миссия неизменна: солидарность, а не кров!

Причиной падения величайшего из менгиров стала, возможно, строительная деятельность

неподалёку. Трудяга-сурок вырыл замысловатую нору, создавая многоэтажное жильё со множеством функций. Это и кров, и убежище, и спальные комнаты, и гнездо-роддом, и даже гигиенические залы... Никто уж не знает, как было на практике, но в теории одно строительство действительно подорвало другое. Сурок был понят и оправдан: человеку свойственны те же самые потребности и тот же – строительный – способ их удовлетворения. Но ни логические, ни археологические поиски не обнаружили потребность, породившую менгир. А вместе с ней – и потребность символического строительства в целом. Её стали объяснять эволюцией строительства сурка.

«С тех пор, как человеку понадобился кров, возникла архитектура» [2]. Вот от Витрувия

Рис. 1. Самый большой в Европе менгир Мен-ер-Нроеч (Menhir d'Er-Grah), Франция (фото: wikimedia.org)

до Ле Корбюзье фундаментальная аксиома архитектурной науки, фактически утверждающая, что символическая форма возникает из утилитарной потребности. Однако эта логическая конструкция построена на песке. Подобно мышцам языка, служащим как усвоению пищи, так и речеобразованию, строительство производит как утилитарные, так и символические формы – формы сознания. Использование одного инструмента в разных целях совсем не означает их родства. Никому ведь не придёт в голову сказать, что словесность возникает из пищеварения. Но никого не смущает подобный тезис, заложенный в качестве обоснования зодчества.

Не может быть! Однако, согласно «Десяти книгам об архитектуре», написанным ещё в I в. до н. э., после овладения огнём, начала «сходбища людей» и «взаимной речи», люди стали «делать шалаши из зелёных ветвей, другие – рыть в горах пещеры, а иные, подражая гнёздам ласточек и приёмам их построек, – делать себе убежище из глины и веток... наблюдая чужие жилища и прибавляя к своим выдумкам новые, они день ото дня строили всё лучшие и лучшие виды хижин... Постепенно восходя от постройки зданий к остальным искусствам и наукам, они после грубой и дикой жизни достигли мягкости нравов». И наконец, люди «получили вкус к изящному и, развив его искусствами, стали украшать жизнь роскошью» [3]. В сухом остатке – завет на две тысячи лет: архитектура возникает из строительства хижин как их украшательство и роскошь (со всеми её синонимами – причуда, расточительность, излишество).

«А хоть и так, – кто-то скажет, – в чём проблема? Вот сурок строил-строил и, наконец, пришёл к изяществу форм, которое и можно назвать архитектурой. И так ли уж важно, откуда она, собственно архитектура, происходит, или что есть она, когда для практики вполне хватает интуиции и прикладной науки о том, как её сделать? Какое дело земледельцу, собирающему хороший урожай, на каких слонах или китах стоит земля? Да и кита издревле добывали, принимая за рыбу». Действительно, пока заказ на *архитектурного кита* формируется интуитивно, он по умолчанию отражает потребность, в том числе, и другого, символического, строительства – даже если его истинный смысл никак не определён. Так, обращаясь к «божественному уму и воле императора», тот же Витрувий с чувством говорит о «строениях, соответствующих величию его деяний» [3]. А это, согласимся, а priori, задача не просто крова над головой! И не такую задачу решают престижные виллы Корбюзье, к которым, скорее, применима фраза Барбаро: «Более красивые, более обширные и удобные жилища даются тем, кто у этих народностей занимает высшее положение» [4].

Но однажды *бессмысленно чудесному*¹ приходит конец. Возмущённый разум, обнаружив, что формы зодчества затратны, закрепляет на уровне государственной политики понятия архитектурного излишества и даже извращения [5]. Архитектура в целом начинает восприниматься как

¹ «Я так бессмысленно чудесен, Что Смысл склонился предо мной!» (Слова и из стихотворения «Интродукция» И. Северянина).

Рис. 2. Менгир Шан-Долан (*menhir de Champ-Dolent*), Бретань, Франция (фото: [pinterest.com](https://www.pinterest.com))

необязательная роскошь и блажь – хотя именно это и следует из её жилищно-витрувиевской трактовки. И тогда обнажаются ступор и крах академических теорий, несостоятельность всей этой «пользы-прочности-красоты», всей «застывшей музыки». И тогда сурки начинают учить: «Вместо двух красивых домов мы построим три типовых, и заселим больше людей. Спрашивается, на каком основании социум может (и тем более должен) жертвовать, отрезать от себя во имя каких-то психологических задач?»

Всё дело в том, что сам социум для начала должен быть. И за это отвечает архитектура, тот самый красивый дом. Забегая вперёд, к такой логике приводит выдвигаемая здесь гипотеза. Однако, оглядываясь назад, – государство, упразднившее архитектуру, само разваливается на части, как упавший менгир... Кто-то скажет – простое совпадение... Однако, прецедент – исторический – создан, и вызов – теоретический – брошен: архитектуру, как понедельник в известной песне, можно взять да отменить?

Беспомощность жилищной концепции архитектуры, проявившая себя с такой наглядностью, возвращает нас к феномену другого строительства, к практике весьма неудобной, непопулярной и часто опускаемой в книгах по архитектурной истории, к ритуальным сооружениям доисторической

эпохи, лишь снисходительно упоминаемым как «не имеющие почти никакого архитектурного значения» [6]. Многие из таких строений, хорошо сохранившиеся до наших дней, при всей очевидности их символического происхождения, кажутся почти неприступными в расшифровке заложенного в них смысла. Другие, частично или полностью разрушенные, несут, однако, бесценную информацию благодаря дошедшим до нас описаниям и преданиям.

Впечатляющим свидетельством такого рода является рассказ Геродота о скифских культовых захоронениях, в котором персидский властитель Дарий (522 – 486 г. до н. э.), тщетно преследовавший кочевников, предлагает их царю, наконец, сразиться или признать его власть. На что тот отвечает: «У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет» [7].

Вот где предел понимания сурка! Люди возводят сооружения, в которых не живут, но за которые готовы умереть. «В... обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши... После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причём наперерыв стараются сделать его как можно выше... 50 удушенных юношей сажают на коней следующим образом: в тело каждого втыкают вдоль спинного хребта прямой кол до самой шеи... Поставив вокруг могилы таких всадников, скифы уходят» [7].

Рождённые отнюдь не из вкуса к роскоши или мягкости нравов, а из жёсткого ритуала и какой-то сверхзадачи, поражающей своей обязательностью, эти обрядовые предметно-пространственные воплощения, сопряжённые с другими формами культа (жертвоприношение и прочие ритуальные действия, магические одеяния, утварь, танцы, песнопения, маски, татуировки и т.д.), оставляют всё же открытым вопрос об их объективной целесообразности. «Самые варварские или диковинные обряды, самые странные мифы выражают какую-то человеческую потребность, какой-то аспект жизни, либо индивидуальной, либо социальной. Причины, которыми обосновывает их сам верующий, возможно, а чаще всего и действительно,

ошибочны. Но истинные причины тем не менее существуют, и дело науки – раскрыть их», – писал Эмиль Дюркгейм [8].

Ключом рационального объяснения такого культового комплекса и, прежде всего, культового строительства служит, на наш взгляд, идея, высказанная Г.В.Ф. Гегелем в его «Эстетике». В разделе «Архитектурные сооружения, возведённые для объединения народов», он, опираясь на сказание о вавилонской башне, пишет: «...Люди возводят чудовищное по размерам архитектурное сооружение; они строят его сообща; общность, проявившаяся в его построении, становится вместе с тем содержанием и целью сооружения. И это возникновение общественного союза не носит характера чисто патриархального объединения. Напротив, чисто семенное единство как раз упразднило себя, и эта поднимающаяся в облака башня есть объективация этого распавшегося прежнего объединения и реализация нового, развитого объединения». И дальше: «Копание земли, складывание вместе каменных глыб и как бы архитектоническая обработка почвы играли такую же роль, какую играют у нас нравы, привычки и установленное законом государственное устройство» [1].

С такой целесообразностью трудно не согласиться. Общество – источник всей цивилизации и всего человека. Но оно, в отличие от биологических содружеств, не образуется само по себе. Постепенное с доисторических времён раскрепощение разума, нарастание броуновского движения мысли, связанное с развитием речи, приводит к потребности конструирования и строительства общественного объединения на новых основаниях, отличных от врождённого инстинкта и заменяющих собою последний. Как ответ возникают разнообразные религиозно-психологические практики, состоящие в принципе из двух элементов: объединительной идеи и культа, утверждающего её в головах людей. На правах консолидирующего инструмента культ получает исключительные полномочия на любые – абсолютно любые! – жертвы и издержки в свою пользу.

Таким образом, всё историческое разнообразие культовых форм, от первобытного шаманства до развитых религий и идеологий, находит своё атеистическое, научное объяснение. Они являются институтом общественного объединения, механизмом утверждения конституирующей идеи. И это психологическое (в широком смысле) строительство является отнюдь не надстройкой над *arbeiten*²,

² *arbeiten* (нем.) – работать, трудиться.

не факультативным мероприятием по достижении сытости, а базовым условием самого труда со всем его феноменальным продуктом. Отсюда вырастают цель и объяснение психологически направленной предметно-пространственной формы, потребность архитектурной деятельности, как разновидности культа объединительной идеи.

Но эта величайшая, как нам показалось, потребность, имеет, по мысли Гегеля, лишь эпизодический характер. Ибо от «сооружений, возведённых для объединения народов», через «промежуточные этапы» происходит переход к «зодчеству в собственном смысле, служебному зодчеству». И, взирая с позиций последнего на огромные египетские скульптуры, употребляемые в качестве колонн, автор «Эстетики» уже произносит: «Это излишняя роскошь, поскольку их назначением не является поддержание в собственном смысле» [1]. Как видно, сурок здесь опять побеждает, и целесообразность образной формы вновь измеряется утилитарной целью. Логически от такого Гегеля до советского разгрома «ничем не оправданных башенных надстроек, декоративных колоннад и портиков» рукой подать! Характерно, что слова об излишестве символических форм возникают сразу же при утере философом им же обнаруженного ключа – функции социального сплочения – для их толкования. Но разве бывает так, чтобы сущность вещи, в данном случае архитектуры, менялась в процессе её развития? Подобно тому, как наличие молочных желез образует единство всех млекопитающих от 3-сантиметровой летучей мышки до 200-тонного синего кита, мы полагаем здесь, что функция консолидации является неизменным атрибутом и сущностной константой всех архитектурных форм.

Консолидирующие камни? Но как вообще это можно вменить бессловесной предметно-пространственной форме? В поисках ответа обратимся к менгиру, отдельно стоящему колоссу, уже своей композицией отсекающему соблазн видеть во внутреннем пространстве атрибут зодчества³. Являясь наипростейшим строением в своем роде, он, пожалуй, лучше других подходит на роль модели-прообраза интересующего нас механизма. Из известных камней такого рода наибольшим является Мен-ег-Нроех (Камень Фей, Локмариакер, Франция). Распавшийся на куски в XVIII столетии, в целом виде он при весе 350 т достигал 20 м в высоту. Высота других выдающихся менгиров: 12 м

³ По выражению Гегеля, «это архитектурное сооружение... поскольку в нём существуют комнаты и залы...» [1].

(Керлоас в Финистере); 11,2 м и 10,3 м (менгиры в Каелонан и Пергаль). Не затрагивая подробной географии этих сооружений, выходящей далеко за мегалитические центры Бретани и Британии, отметим, что главной трудностью в объяснении этих камней, распространившихся, предположительно, с 4-5 тысячелетия до н. э., считается неизвестность тех смыслов и идей, которые в них вкладывали их создатели. И которые, как мы видели у Дюркгейма, являются лишь субъективным мотивом, но не истинной причиной.

Представляя себе усилия, необходимые для возведения таких мегалитов, можно сравнить их вес и размеры с 25-метровым стволом Александровской колонны в Санкт-Петербурге. Даже учитывая несомненный инженерный прогресс к 1832 году, возведение русской колонны потребовало, по свидетельству очевидцев, единовременного участия 2400 (!) человек. Говоря о менгире в этом контексте, – а так ли уж важно для нас знать содержание идеи, вдохновившей целое племя или несколько племён на столь грандиозное строительство? Позаимствовав у физиков логический метод⁴, мы можем обозначить всё разнообразие возможных мотивов – от поклонения умершему вождю до всякого рода тотемных, сакральных, культовых смыслов – обозначить их как неизвестное в чёрном ящике. Скажем, пусть это будет идея *i*.

Отметим, что главным внешним атрибутом этой идеи при любом её субъективном содержании является её общезначимость – качество, объединившее психологически и как следствие физически участников строительства. Подобно преобразованию теплового, хаотического, движения в направленное кинетическое, общая идея превращает сознание индивидов в фактор сложения сил, в материальную энергию, буквально сдвигающую гору у них на глазах и позволяющую им ощутить себя частью могучего организма. Воплощая собой такую идею, поднятый исполнители обретает сакральный, почти волшебный статус первопричины социального объединения.

Через камень субъективная идея *i* возвращается в сознание человека как новая грандиозная реальность, магический смысл и его собственная первопричина – в той мере, в которой он сам является производным от социального объединения. Субъективная *i* превращается в объективную, объективированную и чудотворную.

С семантической точки зрения менгир представляет собой камень-текст. Это условно-договорное,

⁴ Метод чёрного ящика

понятное всем содержание (*i*), воплощённое, однако, не в звуках, буквах, или иероглифах, а в мону-ментальном предметно-пространственном знаке. Именно в силу своей колоссальности он способен не только обозначать этот текст, но и воздвигать его рейтинг на верхнюю полку сознания. Перед нами – абстрактная сама по себе форма престижа, смысл которой раскрывается из контекстного знания. Посредством такой формы любая в принципе идея-мотивация способна обретать исключительный – сакральный – статус, создавая ориентированную на неё смысловую иерархию и образуя таким образом семантическое поле человеческого содружества.

$$i > \dot{i} > 1 \dot{1} 1 1$$

Очевидно, чем внушительнее место занимает эта идея (система идей) в головах людей, тем сильнее сплочение коллектива вокруг этого центра (центра общества = общественного центра), тем стабильнее это общество изнутри, и тем сильнее оно вовне. В свете таких результатов на выходе из *чёрного ящика*, менгир предстаёт уникальным изобретением – действенной машиной социального сплочения, духовной матрицей, воспроизводящей человеческое объединение на новом, понятийном, уровне. И эта символическая, архитектурная машина начинается не там, где кончается «машина для жилья» [2], а там, где кончается машина биологического сообщества. Историческое значение такого ноу-хау трудно переоценить! Однако, на наш взгляд, обнаруженный здесь механизм представляет собой и функциональную модель архитектурного формообразования в целом. Она может быть выражена следующей формулой:

идея-камень-ИДЕЯ.

Теперь, когда кажется уже, что само слово «архитект-ура» говорит «ура!» содружеству созидающих её людей, а «главный строитель» звучит как «строитель глав» – общественного сознания... теперь, убедившись в существовании собственной миссии символической формы, мы должны объяснить, каким образом она способна сожительствовать с формой утилитарной в одном и том же сооружении. Возвращаясь к нашей аналогии с языком, строительный процесс можно сравнить с беседой во время застолья. Иногда трапеза – только повод

для общения и разговоров. Иногда – «когда я ем, я глух и нем». Но чаще – это совмещение... причём, даже не приятного с полезным, а полезного с *необходимым*.

По сути, первый элемент нашей формулы (*идея*) берётся утверждать, что для запуска социально необходимой архитектурной машины нужен своего рода строительный стартёр – ясная для всех мотивация, идея *i*, практический повод, который на поверку оказывается той или иной социальной функцией, жизненным процессом или явлением. Субъективный смысл этих потребностей и есть та валентность, то психологическое начало, которое дальше через пространственные формы престижа превращается в клей и цемент социального объединения.

Так, потребности жилья, здравоохранения, образования, переправы через реку, отправления культа, памятника, захоронения, зрелищ, спорта, гигиены, производства, отдыха, дороги и т.д., образуют строительную-утилитарную типологию, которая имеет шансы стать типологией архитектурной – в зависимости от их идейно-культурного статуса. Последний определяется или даже распределяется сверху содержанием ИДЕИ (третьего элемента формулы). Например, потребность жилья, сама по себе безыдейная, так или иначе, способна удовлетворяться обычным (не психологическим) строительством. Это относится к жилищам животных – термитникам, муравейникам, птичьим гнёздам, бобровым хаткам, медвежьим берлогам и т.д. А также – к внестатусному жилью человека, зачастую ютящемуся в трущобах, хижинах, шалашах, бараках, бытовках, временках, а также в домах, вполне пригодных, чтобы называться машиной для жилья, но обойдённых заботами архитектора. Такую машину (например, дома серии К-7) в состоянии создать инженер-строитель.

Однако, попадая в пространство престижей, жильё становится лифтом социального статуса и, как магнит, притягивает архитектурный аппарат. И на свет появляются дворцы и виллы, усадьбы и особняки, пентхаусы и просто апартаменты со скромным обаянием роскоши. В зависимости от конкретики, предложенная выше формула может наполняться различным содержанием.

Например: {жильё} - {дворец} - {ЦАРЬ, обожествлённый правитель}. По этой же логике распространение божественного статуса на весь столичный город превращает его в архитектурный мегаобъект (например, город святого Петра).

В свою очередь смена конституирующей идеи приводит к изменению архитектурной типологии. Так, весь восхитительный арсенал строений, воплощавших ценности древнегреческой демократии, все эти украшенные статуями мраморно-ордерные эkkлесиастерии и булеветерии, гимнасии и стадионы, пинакотеки и мусейоны – все они не только исчезают как архитектурный тип в средние века, но уже в эпоху римской империи с запретом языческих культов (в том числе, олимпийских игр) постепенно замещаются христианскими храмами, зачастую подвергаясь намеренному разрушению. Можно даже сказать, что практика уничтожения культовых (в широком смысле) строений является оборотной стороной их идейности.

Хотя и в прямом смысле (подобно металлу, дереву, стеклу и т. д.) слово *камень* отражает материал и хлеб зодчества, в нашей модели оно означает нечто гораздо большее. А именно – архитектурную форму во всей ёмкости этого понятия: совокупность психологически направленных предметно-пространственных овеществлений, выражающих социальный статус той или иной строительной потребности.

И здесь красота, даже понятая как гармония гармоний и дисгармоний, – только одна из возможных стратегий, в которых зодчество и реализуется как искусство. Нежнейшие поэтические проявления или концептуальный юмор зачастую конкурируют в наши дни с арсеналом проверенных и надёжных средств (объёмно-пространственная композиция, качество работ, роскошь материалов), или разные подходы сочетаются в поисках новой выразительности. Архитектурная форма следует не функции, а престижу функции: в зависимости от величины последнего её – как психологической материи – может быть больше или меньше... или не быть совсем.

ИДЕЯ – это то самое «святое», которое, по словам Гёте, «связует много душ», и содержание которого исторически меняется, как голова на римском памятнике. Раньше культ, теперь культура воспитывают в сознании людей объединяющую их систему ценностей, так называемую национальную идею. Предметно-пространственной формой такого воспитания является архитектура. Слово ИДЕЯ, выделенное шрифтом при написании нашей формулы, требует, однако, синонимов для устного применения. Пожалуй, лучше других для этого подходят словосочетания, уже употреблённые ранее: ИДЕЯ = национальная идея = общественный центр.

Эмиль Дюркгейм, говоря о том, что «религия – это единая система верований и действий... объединяющих в одну нравственную общину... всех тех, кто им привержен» [8], и о том, что практический анализ этой системы зачастую не так прост, восклицает: «Возьмём религии Египта, Индии или классической древности! Это запутанное переплетение многочисленных культов, меняющихся в зависимости от местности, храмов, поколений, династий, вторжений и т. д.» [8]. В наши дни государственные религии на карте мира едва заметны, но вряд ли можно усомниться в существовании альтернативной – светской – системы идолов и кумиров.

Эпоха кино и автомобиля, названная Бастером Китом «age of speed, need and greed»⁵, ещё откровеннее предстаёт в словах Ле Корбюзье: «Свобода! 1919 год. В Париже занялась заря новой великой религии: бизнес! Добывать деньги, побольше денег – всё к этому сводится...» [2]. Его сарказм по поводу ветшания лозунгов Французской Республики имеет свои основания: «Свобода, Равенство и Братство», сменившие девиз самодержавия «Бог, Король и Отечество», сами сменяются новым поверьем: *money makes the world go round*⁶. Город-казино, торговый центр, растворяющийся в небе – вот храмы консолидирующей мечты с обширной прихрамовой территорией.

Но нельзя, конечно, не видеть проявления и другого, более доброжелательного, культа: «Искусство... делает своим новым святым *Человека* (Humanus), глубины и высоты человеческой души как таковой, общечеловеческое в его радостях и страданиях, в его стремлениях, деяниях и судьбах» [9]. В проекции на зодчество это означает почти безграничное расширение статусных потребностей: вся среда жизнедеятельности становится культовым (религиозным в новом смысле слова) поводом для архитектурного формообразования: {среда} – {архитектура} – {человек}.

Однако, приняв это, мы должны принять и обратное. Нетронутость обширных территорий в части архитектурно-средового подхода говорит о том, что гуманизм не является ещё мерой всех вещей и материализованной в этом пространстве объединяющей ценностью. Но что является? Продолжающиеся поиски национальной идеи оставляют простор для фантазии...

Попытка футуристического приложения ис-
5 «Век скорости, нищеты и жадности». Титры к фильму Бастера Китона Три эпохи (Three Ages), 1923.

6 «Деньги вращают мир», англ., слова из песни Money, к/ф Кабаре, 1972.

следуемой архитектурной модели позволяет – чисто теоретически – представить в роли такой идеи поэтические слова о том, что наша «земля – это наша душа»⁷. Понятные и близкие каждому, они передают ощущение своей территории, своей земли как сакрального объекта, того самого скифского центра самоидентификации, который почти сразу обнаруживает себя в момент внешней опасности. Но, видимо, это исконное чувство в мирные времена может и, прагматично рассуждая, должно попадать в зону культовых устремлений, включая культ предметно-пространственный, архитектуру. В результате – страшно подумать! – реки и поля могут стать чистыми, а поселения – благоустроенными... метр за метром, улица за улицей, дом за домом. Конечно, это большая работа. Но игра стоит свеч, когда общество строит себя.

Такую логику вселяет приведённая здесь концепция. Оппонируя расхожей и, было дело, узаконенной фразе об архитектурном излишестве, она усматривает в зодчестве фундаментальное общественное учреждение и, говоря современным языком, важнейший национальный проект. Архитектура – это институт консолидации, воплощённый в предметно-пространственной форме. Это строительство общественного центра – объединительной идеи – в головах людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гегель. Эстетика. Т. 3. М.: Искусство, 1971.
2. Ле Корбюзье, Архитектура XX в. М.: Прогресс, 1977.
3. Витрувий. Десять книг об архитектуре. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1936.
4. Барбаро Даниеле, Комментарий к десяти книгам об архитектуре Витрувия. – М.: Изд-во Академии архитектуры, 1937
5. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года №1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве».
6. Флетчер Банистер. История архитектуры, составленная по сравнительному методу. Вып. I. Древняя архитектура. С.-Петербург: Бекеръ, 1913.
7. Геродот. Истории в девяти книгах. Книга IV. Мелопомена. К.: Наукова думка, 1993. 576 с.
8. Дюркгейм Эмиль. Элементарные формы религиозной жизни. Антология Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. М.: Канон, 1998
9. Гегель. Сочинения, том XIII, Лекции по эстетике. Книга вторая. Третий отдел. Романтическая форма искусства. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940.

7 Владимир Высоцкий. Песня о земле. 1969.

REFERENCES

1. G.W.F. Hegel, *Aesthetics*, vol. 3. – Moscow: Iskusstvo, 1971 (in Russian)
2. Le Corbusier, *Architecture of XX century*. – Moscow: Progress, 1977 (in Russian)
3. Vitruvius (Marcus Vitruvius Pollio). *De architectura* (Ten Books On Architecture). – Moscow: Publishing House of the Academy of Architecture, 1936 (in Russian)
4. Daniele Barbaro, *Commentary on the ten books of Vitruvius architecture*. - Moscow: Publishing House of the Academy of Architecture, 1937 (in Russian)
5. Resolution of the CC CPSU and the USSR Council of Ministers, 1955. *The removal of extravagances in design and construction* (in Russian)
6. *A History of Architecture on the comparative method, for the student, craftsman, and amateur*. Fifth edition, revised and enlarged by Banister F. Fletcher. London, B.T. Batsford, 1905.
7. Herodotus, *The Histories*. Book 4: Melpomene. NY: Simon and Shuster, 2015.
8. Emile Durkheim. *The Elementary Forms of Religious Life* (French: *Les formes élémentaires de la vie religieuse*), 1912.
9. G.W.F. Hegel. *Aesthetics. Lectures on Fine Art* (German: *Vorlesungen über die Ästhetik*) trans. T. M. Knox, 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1975.

Для ссылок: *Лежень М.Ю.* Архитектура и консолидация: мегалитическая матрица // *Innovative project*. 2017. Т.2, №1. С.36-43. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.4

For references: *Lezhen M.Yu.* Architecture and consolidation: megalithic matrix // *Innovative project*. 2017. Vol.2, No 1. pp. 36-43. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.4

Данилова Элина Викторовна, Вальшин Расим Мунирович, Крестинина Ирина Николаевна
Самарский государственный технический университет
Danilova Elina, Valshin Rasim, Krestinina Irina
Samara State Technical University

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО УРОВНЯ В ГОРОДЕ САМАРЕ НА ОТМЕТКЕ +/- 0.000 THE EVOLUTION OF A PUBLIC LEVEL ORGANIZATION IN A CITY SAMARA AT THE MARK OF +/- 0.000

Статья посвящена историческому анализу общественных пространств Самары на уровне +/- 0.000. Наш город сегодня представляет собой коллекцию фрагментов различных эпох. Они сильно отличаются друг от друга типами планировочной организации общественного уровня, функциональным насыщением и масштабом застройки. От пешеходного исторического компактного города был совершен переход к модернистскому типу с микрорайонной монофункциональной застройкой. Городская среда стала разрозненной. В нулевом урбанистическом уровне возникли разрывы, связанные с отсутствием в пешеходной доступности открытых пространств и недостаточной концентрацией общественных составляющих. Сегодня Самару продолжают застраивать микрорайонами с преобладанием жилой функции, не обращая при этом внимания на организацию публичных пространств. Решением данной проблемы станет подход, основанный на создании пешеходного города на отметке +/- 0.000, который сможет образовать непрерывную связующую сеть общественных пространств в нижнем уровне и качественно преобразует урбанистическую ткань. В статье рассматривается историческая эволюция публичных пространств Самары как необходимое предварительное условие будущего проекта.

The article is devoted to the historical analysis of Samara's public spaces at the level of +/- 0.000. Today our city is a collection of fragments from different eras. They differ greatly in the types of planning organization of the public level, the functional saturation and scale of development. From the pedestrian historical compact city, the transition to a modernist type with a micro-district mono-functional building was made. The urban environment has become disparate. In the zero urban level, gaps emerged associated with the lack of open spaces in pedestrian accessibility and inadequate concentration of public components. Today Samara continues to be built up with neighborhoods with a predominance of residential functions, while not paying attention to the organization of public spaces. The solution to this problem will be an approach based on the creation of a pedestrian city at the level of +/- 0.000, which will be able to form a continuous network of public spaces in the lower level and qualitatively transform urban fabric. The article considers the historical evolution of public spaces in Samara as a necessary precondition for the future of the project.

Ключевые слова: общественное пространство, пешеходная доступность, городской центр, градостроительство Самары

Keywords: public space, pedestrian accessibility, urban center, urban planning of Samara

Самара расположена в междуречье рек Волга и Самара. Природные факторы оказали огромное влияние на конфигурацию города. Она представляет собой треугольник, образованный слиянием рек Волга и Самара, один из углов которого ориентирован на юго-запад. Именно здесь, на Стрелке, было положено начало развития города в 1586 г. Современный город включает в себя застройку различных периодов: исторического, характеризующегося квартальной застройкой конца XVIII-XIX вв. (так называемый «центр города»); модернистского, представленного микрорайонами советского периода (часть города, расположенная за улицей Полевой); постмодернистского [1].

Было проведено картографическое исследование города Самары, посвященное историческому

развитию планировочной организации общественного уровня, начиная с анализа губернского периода (1850 г.) и кончая современным состоянием города на отметке +/- 0.000 (2017 г.).

Самара развивалась как крупный экономический центр благодаря своему выгодному положению. В 1850 г. город был компактным, имел регулярную квартальную планировочную структуру. Общественный уровень организовывался площадями, являющимися основными коммерческими центрами [2]. На Хлебной площади торговали главным продуктом – зерном. Здесь же стояли два храма Смоленской и Казанской божьей матери. Торговая площадь (ныне площадь Революции) служила главным городским базаром. На Сенной располагались торговые и обжорные ряды. Открытые пространства находились на пешеходном расстоя-

нии друг от друга и являлись публичными местами, где происходила основная городская жизнь. В пределах доступности от площадей, равной 500 м, развивался уровень города на отметке + 0.000, благодаря расположению торговых лавочек и мастерских на первых этажах зданий.

Самара расширялась, и, соответственно, совершенствовалась организация публичной жизни горожан. В 1870 г. самарский общественный уровень продолжал подчиняться пешеходному движению в своем планировочном развитии. Площади играли важную роль при организации публичного уровня, его дополняли общественные сады, первыми из которых стали Струковский и Александровский. Хлебная площадь оставалась центром торговли зерном. Троицкая площадь стала основным местом торговли после пожара в 1856 г. на Алексеевском базаре. В пешеходной доступности этих публичных мест продолжали развиваться первые этажи с коммерческой функцией. Появились новые общественные пространства: Полицейская, Острожная (позже Ильинская), Вознесенская и Петропавловская площади. Религиозные сооружения в центре площадей являлись главными центрами публичной жизни, радиусы пешеходной доступности которых равномерно охватывали почти весь город [1,2].

Но все же имелся разрыв на месте сегодняшней площади Куйбышева, который устранили в 1886 г., когда было принято решение о строи-

тельстве кафедрального собора. Вокруг него благоустроили территорию и расположили четыре сквера, образовавших Соборную площадь. Общественная городская сеть стала непрерывной. Ее дополнили новые публичные пространства: Театральная площадь с Губернским театром и вокзал с площадью при нем. Коммерческий первый уровень также продолжал развиваться и охватывать весь город. Так была сформирована система взаимосвязанных общественных пространств, расположенных в пешеходной доступности.

На карте Самары 1916 г. мы можем увидеть, что город с 1890 г. сильно увеличился. На границе улицы Полевой помимо дач появились Мещанский и Монастырский поселки, Солдатская слобода и поселения возле кирпичных заводов в юго-восточной части. При довольно высокой плотности населения возникла необходимость в новых общественных пространствах. Ими стали парковые зеленые территории, бывшие частные владения с фруктовыми деревьями, такие как Вокзальный сад и Аржановский сад [3,4]. Построили новые общественные сооружения: цирк Олимп, Пушкинский народный дом, Самарский городской музей. На периферии, в местах поселения рабочих, общественный нулевой уровень города отсутствовал.

В 1917 г. в Самару пришла советская власть. Произошли большие изменения, коснувшиеся планировочной и функциональной организации

Рис. 1. Схема планировочного развития Самары. Дореволюционный период

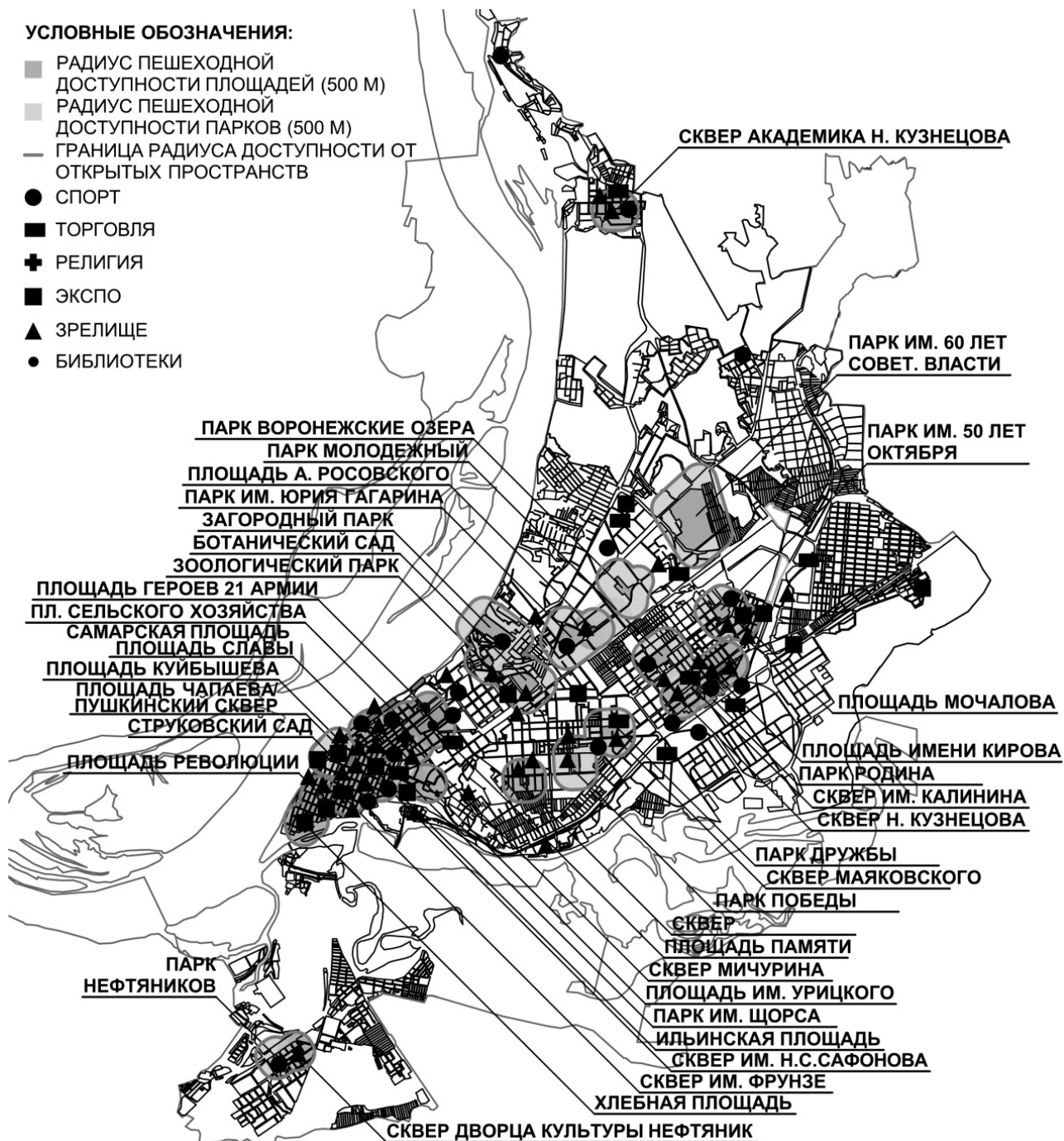

Рис. 2. Схема планировочного развития Самары. 1960 год.

уровня города на отметке +/- 0.000. В 30-е гг. XX в. религиозные учреждения закрывались, менялась их функция, некоторые из них даже намеренно разрушали. Такие общественные пространства, как Петропавловская и Хлебная площади, Александровский, Покровский и Аржановский сады были утрачены. Самара развивалась, подчиняясь требованиям индустриализации, и представляла собой фрагменты сред с различными планировками, которые плохо связывались между собой и

с историческим городом. Новые районы представляли собой селитебные территории при промышленных предприятиях. Как видно на карте 1940 г., общественный уровень на отметке +/- 0.000 в таких районах полностью отсутствовал. Публичная жизнь города сохранялась лишь в исторической части, где город был пешеходным. Среда там функционально обогащалась, появлялись новые дома культуры, кинотеатры, музеи, спортивные стадионы городского значения. На периферии

города располагались озелененные рекреационные территории: Загородный парк и Ботанический сад.

В годы Великой Отечественной войны из-за эвакуации в Самару важных для страны производств и расположению их вдоль железной дороги, город сильно вырос за счет жилых районов при заводах. После победы также продолжалось развитие промышленных территорий и шло большое жилищное строительство. Анализ карты (рис. 2) 1960 г. показывает, что, несмотря на появление новых публичных пространств, принципы планировки основной части города подчинялись требованиям транспортных коммуникаций. Отдельные районы плохо связывались между собой, и радиусы доступности к открытым пространствам не покрывали планировочную сеть города. Но следует отметить застройку Безымянки, которая начала формироваться во время военной эвакуации и резко отличалась от остального послереволюционного строительства регулярной квартальной структурой и ансамблевым типом застройки. На пересечении двух главных магистралей (проспект Кирова и улица Победы), связывающих район с остальными частями города, располагалось главное публичное пространство — площадь имени Кирова, которую дополнили скверы Калинина, Н. Кузнецова, Маяковского, площадь Мочалова, парк Родина, расположившиеся вдоль улицы Победы [5,6]. Были построены две очереди набережной, которые дополнили пешеходную сеть исторического города рекреационными пространствами. В 50-х гг. оформился ансамбль Самарской площади — общественный узел в городе на месте опустевшей Вознесенской площади. Он состоял из двух площадей окруженных сталинской парадной жилой застройкой [7]. В пределах пешеходной доступности впоследствии появились новые центры общественной жизни: цирк, театр «Самарская площадь», кинотеатр «Волна», бассейн ЦСК ВВС и Ледовый дворец.

К 1987 г. сформировались новые районы города: Промышленный и Железнодорожный, заполнившие пустоты в городской застройке. У них имелись свои открытые пространства, представленные площадями, скверами и парками [8]. Однако разрывы в публичном нулевом уровне так и не были устранены. Общественные функции, такие как музеи, дворцы культуры, спортивные комплексы, продолжали развиваться преимущественно в радиусе пешеходной доступности от открытых пространств, равном 500 м.

В 80-х гг. XX в. сложилось новое публичное рекреационное пространство, образованное парком им. Ю. Гагарина и бульваром Стара-Загора с кинотеатром Шипка и рынком, ставшее общественным центром для 10, 9 и 6 микрорайонов.

После перестройки город был трансформирован новой точечной застройкой и новыми жилыми районами, лишенными общественных функций. Сегодня город имеет большие разрывы в общественной сети (рис. 3). Культурная жизнь продолжает сосредотачиваться в Старой Самаре, характеризующейся пешеходным масштабом, функциональной насыщенностью общественными функциями, высоким эстетическим потенциалом. Модернистская часть города трудно срастается с ней из-за удаленности и отсутствия связующих элементов в нижнем уровне [9]. Но и в исторической части распространение общественных функций неравномерно. Активными являются кварталы, расположенные вдоль главных улиц (Ленинградская, Куйбышева, Молодогвардейская и др.) и площадей города. Преимущественно первые и вторые этажи здесь заняты магазинами, кафе и ресторанами, выставочными пространствами, офисами, гостиницами, обслуживающими и развлекательными учреждениями и характеризуются относительно плотным функциональным насыщением. В кварталах периферии центральной исторической части город на отметке +/- 0.000 не развит. Там преобладает монофункциональная ветхая жилая застройка. Набережная вдоль Волги сохранила прерывистость своей структуры.

Функциональная насыщенность общественными учреждениями в остальной части города Самары по-прежнему очень мала и не обеспечивает пешеходную доступность [10]. Однако мы наблюдаем некоторые изменения, связанные с встраиванием магазинов, кафе и предприятий обслуживания в первые этажи зданий, построенных в советский период. При этом образуются новые торговые зоны, являющиеся горизонтальными районными центрами, где проходят большие потоки людей. Примерами можно назвать улицы Стара-Загора, Победы, проспект Ленина и др. Однако функциональная насыщенность таких мест очень мала и касается только коммерческой составляющей городской жизни [11]. По сравнению с 1987 г. в Самаре резко увеличилось число торговых центров, расположение которых, однако, обусловлено не человеческим, а автомобильным масштабом. Если рассматривать пешеходную доступность, можно заключить, что

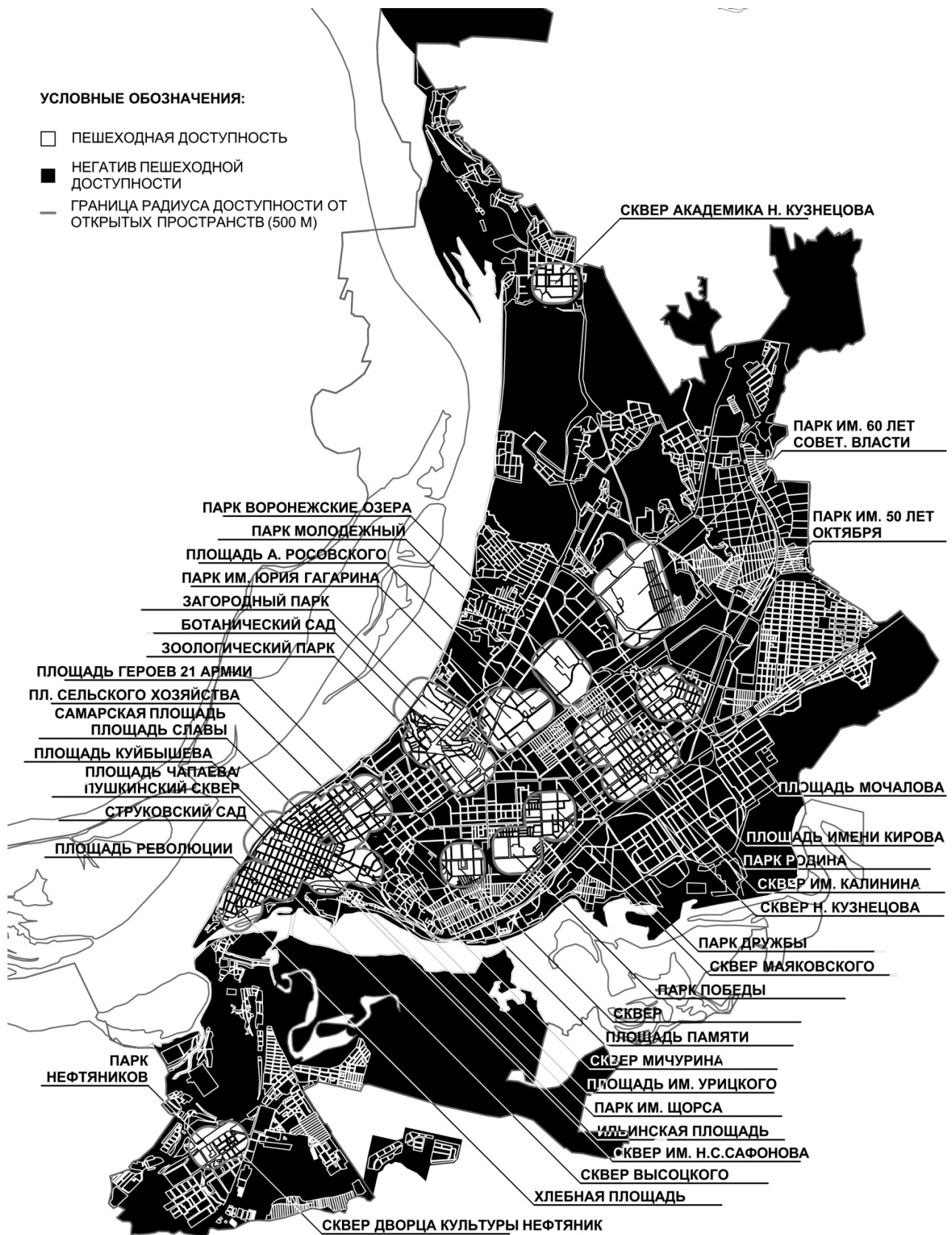

Рис. 3. Схема планировки Самары с радиусами пешеходной доступности от открытых пространств. 2017 год

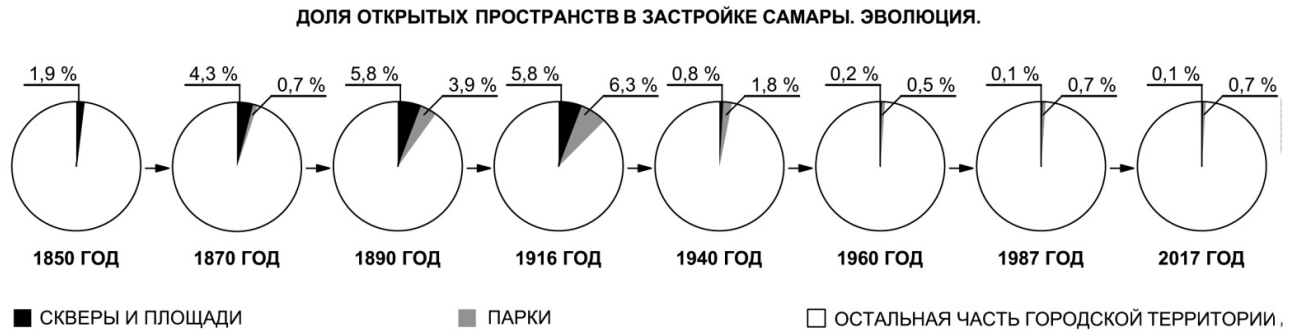

Рис. 4 Доля открытых пространств в застройке Самары. Эволюция.

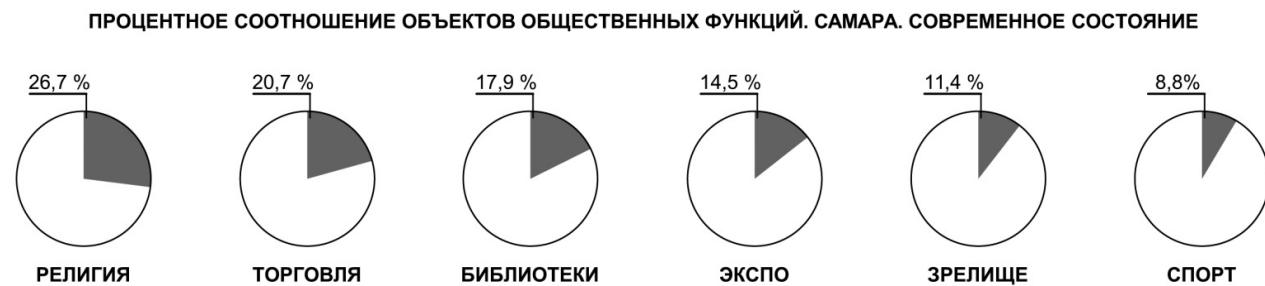

Рис. 5. Процентное соотношение объектов общественных функций. Самара. Современное состояние.

их распределение не покрывает ткань города на отметке +/- 0.000. Также дело обстоит с другими общественными культурными функциями, участвующим и в анализе: спортивные комплексы, зрелищные сооружения (театры, дворцы культуры, кинотеатры), музеи и выставочные площадки, библиотеки. Немного лучше обеспечивают городскую публичную сеть религиозные сооружения, которые начали активно строиться после 90-х гг. XX в. (рис. 4,5)

Был проведен исторический анализ города Самары на отметке +/- 0.000, который позволил заключить ряд выводов:

1. Исторический город, в отличие от современного, характеризовался человеческим масштабом, вследствие чего публичные пространства находились в пешеходной доступности друг от друга. И благодаря этому развивался +0 уровень, представленный общественными функциями. В советский период с переходом на транспортный масштаб Самара приобрела большие разрывы в общественном уровне, сохранившиеся и сегодня.

2. До 1916 г. одновременно с ростом Самары формировался публичный уровень города, представленный площадями, скверами и общественными садами, число которых увеличивалось со временем. При этом процентное соотношение открытых пространств по отношению к террито-

рии города также росло. В модернистский период наряду с бурным ростом территории Самары доля городских общественных пространств напротив резко уменьшилась.

3. Сегодня разрозненность отдельных фрагментов города, возникшая в советское время, сохраняется. В постмодернистский период город продолжает расти за счет новых территорий, не производя качественных преобразований культурной сферы, расположенной в нулевом публичном уровне.

4. Плохое состояние транспортных и пешеходных коммуникаций делает некоторые районы города малодоступными, в результате чего наблюдается их деградация (ярким примером служит Запанское).

5. Современная ткань города насыщена общественными функциями, такими как театры и кинотеатры, музеи, религиозные объекты, библиотеки, торговые учреждения, спорт и др., лишь в историческом городе. В остальных районах мы наблюдаем малое число культурных объектов, которые не обеспечивают пешеходную доступность для всех районов.

6. Рассматривая процентное соотношение объектов общественных функций в городе, можно увидеть, что объекты религиозного назначения стоят на первом месте

и составляют 26,7 %. Следом идут торговые центры (20,7 %), библиотеки (17,9 %), музеи и выставочные площадки (14,5 %). Театры, дворцы культуры и кинотеатры насчитывают 11,4 %. А спортивные комплексы и стадионы по количеству объектов занимают последнее место, и их доля от общего числа культурных сооружений составляет 8,8 %.

Таким образом, публичный уровень на отметке +/- 0.000 в Самаре плохо развит. Общественная сеть не образуется из-за фрагментарности среды и отсутствия человеческого масштаба на основной территории города. Подход, основанный на горизонтальном росте города, только усиливает существующие проблемы [12,13]. Сегодня очевидно, что нам необходимы качественные преобразования. Решением данной проблемы может стать создание единой урбанистической структуры, захватывающей весь нижний уровень города. Она должна состоять из открытых пространств и общественных объектов, примыкающих к ним. При этом необходимо, чтобы радиусы пешеходной доступности охватывали всю ткань города. Чтобы создать урбанистический стилобат, объединяющий город, необходимо усилить насыщенность культурными функциями уже сформировавшиеся центры районов и добавить новые места активности на территориях, в радиусе 500 м от которых отсутствуют публичные пространства. Для создания непрерывной рекреации вдоль реки Волги требуется устранить разрывы набережной и сделать ее более протяженной. Во избежание деградации территории вдоль реки Самары, надлежит провести мероприятия по берегоукреплению и созданию новых пространств для отдыха и досуга, а также улучшить коммуникации. При этом такие общественные структуры должны располагаться в уровне на отметке +/- 0.000 и служить «урбанистическим клеем», формирующим общественную сеть города.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Репинецкий А.И., Макитрин К.М., Репинецкий С.А. История Самары и Самарского края от первоначального заселения до современности. Самара: СФ МГПУ, 2011, 132 с.
2. Сысоева Е. А. Особенности деревянной архитектуры Самары конца 19 – начала 20 века // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. Томск, 2008. № 2. С. 65-78.
3. Бирюкова А.Б. К истории формирования рекреационных зон в дореформенной Самаре//Фундаментальные и прикладные науки в современном мире. Санкт-Петербург, 2014. № 6. С. 45-52.

4. Макеева Е. Д. Природоохранная деятельность в Самарской губернии во второй половине XIX начале XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара. 2014. Т. 16. № 3-1. С. 40-44.

5. Котенко И. А. Эволюция периметральной градостроительной композиции жилой застройки в Самаре // Градостроительство и архитектура. 2012. № 4. С. 25-31.

6. Стадников В. Э. Город Куйбышев: Безымянка - градостроительный прагматизм в рамках доктрины «города-ансамбля» сталинского времени//Архитектон: известия вузов. Екатеринбург, 2011. № 33. С. 11.

7. Котенко И. А., Сержантова А. В., Харитоновна А. С. История создания первого градостроительного ансамбля Самарской площади//Градостроительство и архитектура. Самара, 2015. № 3. С. 41-46.

8. Бальзанникова Е. М. Градостроительное формирование Самары и развитие промышленности города в конце XIX - начале XX в//Градостроительство и архитектура. Самара, 2011. № 1. С. 44-48.

9. Мельникова В. М., Ксенофонтова Е. А. К проблеме формирования пешеходных пространств в городе Самаре//Градостроительство и архитектура. Самара, 2012, № 3. С. 27-29.

10. Масталерж Н. А. Формирование концепции общественного пространства как структурного элемента городской среды//Архитектон: известия вузов. Екатеринбург, 2013. № 43. С. 6.

11. Филанова Т. В. Локальные центры в структуре крупнейшего города, специфика их формирования и особенности функционирования (на примере г. Самары) //Градостроительство и архитектура. Самара, 2012. № 1. С. 41-48.

12. Каясов А. А. Архитектурно-планировочные принципы формирования регионального делового центра в структуре крупнейшего постсоветского нестоличного города (на примере города Самары) //Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. Самара, 2012. Т. 14. № 2-3. С. 822-825.

13. Малахов С. А., Репина Е. А., Никонов К. Е. Альтернативный взгляд на состояние современного российского города и перспективы градостроительного прогноза (на примере г. Самары) //Инновационные технологии в сфере сервиса и дизайна: материалы I Международной научно-технической конференции. Самара, 2014. С. 50-53.

REFERENCES

1. Repinetskii A. I., Makitrin K. M., Repinetskii S. A. The history of Samara and Samara region from the initial settlement to the present. Samara Branch of Moscow City Pedagogical University, 2011, p. 6 (in Russian).
2. Sysoeva E. A. The features of the wooden architecture of Samara in the late 19th - early 20th century. Vestnik of

Tomsk State University of Architecture and Building, 2008, no 2, pp. 65-78 (in Russian).

3. Biryukova A.B. To the history of the formation of recreational zones in pre-reform Samara. *Fundamental and Applied Studies in the Modern World*, 2014, no 6, pp. 45-52 (in Russian).

4. Makeeva E. D. Environmental activities in the Samara province in the second half of the XIX beginning of the 20th century. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2014, no 3-1, pp. 40-44 (in Russian).

5. Kotenko I. A. Evolution of perimeter urban planning composition of residential development in Samara. *Urban construction and architecture*, 2012, no 4, p. 25-31 (in Russian).

6. Stadnikov V. E. City of Kuibyshev: Bezymyanka-town-building pragmatism in the framework of the doctrine of the «city-ensemble» of Stalin's time. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 2011, no 33, p. 11 (in Russian).

7. Kotenko I. A., Serzhantova A. V., Kharitonova A. S. The history of the creation of the first town-planning ensemble of Samara Square. *Urban construction and architecture*, 2015, no 3, pp. 41-46 (in Russian).

8. Bal'zannikova E. M. Urban development of Samara and the development of the city's industry in the late XIX-early XX century. *Urban construction and architecture*, 2011, no 1, pp. 44-48 (in Russian).

9. Mel'nikova V. M., Ksenofontova E. A. On the problem of the formation of pedestrian areas in the city of Samara.

Urban construction and architecture, 2012, no 3, pp. 27-29 (in Russian).

10. Mastalerzh N. A. Formation of the concept of public space as a structural element of the urban environment. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 2013, no 43 p. 6 (in Russian).

11. Filanova T. V. Local centers in the structure of the largest city, the specifics of their formation and features of functioning (by the example of Samara). *Urban construction and architecture*, 2012, no 1, pp. 41-48 (in Russian).

12. Kaiasov A. A. Architectural and planning principles for the formation of a regional business center in the structure of the largest post-Soviet non-capital city (on the example of the city of Samara) *Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences scientific center. Social, humanitarian, medicobiological sciences*, 2012, no 14, pp. 2-3 (in Russian).

13. Malakhov S. A., Repina E. A., Nikonov K. E. Alternative view on the state of the modern Russian city and the prospects of the town-planning forecast (on the example of Samara). *Innovative technologies in the field of Service and Design: materials of the First International Scientific and Technical Conference*, 2014, pp. 50-53 (in Russian).

Для ссылок: Данилова Э.В., Вальшин Р.М., Крестинина И.Н. Эволюция организации общественного уровня в городе Самаре на отметке +/- 0.000 // *Innovative project*. 2017. Т.2, №1. С.44-51. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.5

For references: *Danilova E.V., Valshin R.M., Krestinina I.N.* The evolution of a public level organization in a city Samara at the mark of +/- 0.000. *Innovative project*. 2017. Vol.2, No.1. pp. 44-51. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.5

3

54-82

ЧЕЛОВЕК И ГОРОД

THE CITY & PEOPLE

Кияненко Константин Васильевич
Вологодский государственный университет
Kiyanenko Konstantin
Vologda State University

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ SOCIAL STRATEGIES OF ARCHITECTURAL PROGRAMMING

И двух лет не прошло с тех пор, как появились первые русскоязычные публикации о феномене «архитектурного программирования», эволюционирующем в зарубежье более полувека [1,2]. Являясь по сути социальным программированием архитектурных решений, эта деятельность может быть поучительно разнообразна, обеспечивать разные социальные цели, содержание и результаты проектирования. Используя метод кейсов, автор рассматривает в данной статье три встречающиеся в архитектуре стратегии программирования из широкого спектра возможных. Тема затронута с намерением актуализировать гуманистическую этическую повестку в обсуждении современной российской архитектуры и соответствующие подходы к программированию.

Less than two years have passed since the first papers about the phenomenon of “architectural programming”, which evolves abroad for more than half a century, were published in Russian [1,2]. Being actually the social programming of architectural solutions, this activity can be instructively varied and aimed at diversified social objectives, design content and effects. The author applies case study method in order to analyze three strategies of architectural programming out of endless spectrum of the others. This subject is being addressed with the final intention to actualize humanistic ethical agenda and discuss contemporary Russian architecture and appropriate programming approaches.

Ключевые слова: архитектурное программирование, социальные стратегии, метод кейсов
Keywords: architectural programming, social strategies, case study method

Один из ведущих экспертов по рассматриваемой теме Роберт Хершбергер определил архитектурное программирование как «первую стадию в процессе архитектурного проектирования, на протяжении которой идентифицируются относящиеся к делу ценности клиента, пользователя, архитектора и общества (К – окружающего территориально-сообщества), вскрываются факты, касающиеся проекта, проясняются требования к проектируемому объекту». Таким образом, подчёркивает он, архитектурная программа – это «документ, в котором представлены выявленные ценности, цели, факты и потребности» [3, с.5]. За рубежом видение предпроектного этапа и исследования как преимущественно социального по содержанию глубоко укоренилось в профессии. Например, в США оно воплощено в издаваемом Американским институтом архитекторов (AIA) «Справочнике архитектора по профессиональной практике» [4]. В современной архитектурной практике России понятия «архитектурное программирование» и «архитектурная программа» не получили распространения. Заменяющими их концептами являются «разработка заданий на проектирование», «техническое задание», где, как показывают исследования автора, акценты расставлены по-другому, а основное

содержание – инженерно-техническое [2]. В какой мере разная трактовка сути архитектурных программ, технических заданий может отразиться на стратегиях программирования и способна повлиять на социальное качество проектов? – Для ответа на этот вопрос автор обратился к трём известным русскоязычной аудитории примерам. Их архитектурные программы либо ясно эксплицированы авторами, либо могут быть достоверно реконструированы из представленных решений, а также имеются доступные материалы, позволяющие оценить социальное качество программ и проектов с позиций разных заинтересованных лиц. За рассмотрением кейсов следует их сравнительный анализ и вывод о возможных и предпочтительных стратегиях архитектурного программирования.

Пример первый: проект здания Центральной библиотеки, г. Сиэтл, США; архитекторы Loschky, Marquardt & Nesholm (NML) и Office for Metropolitan Architecture (OMA – Р. Колхаас), 2004 г. (рис.1).

Здание библиотеки подробно и в основном благожелательно описано в профессиональной литературе. Разумеется, главное внимание в архитектурных текстах уделяется формам, выразитель-

Рис. 1. Здание Центральной библиотеки, г. Сиэттл, США

ному языку, пространственным концепциям и их реализации. Они, как нам представляется, и были главной заботой авторов. Но значительный интерес вызывает архитектурная программа здания, разрабатывавшаяся авторами целенаправленно и подробно и ставшая сегодня одним из хрестоматийных паттернов продвинутого программирования. Среди ключевых программных установок сами авторы упоминают следующие: пересмотр концепции библиотеки в пользу мультимедийности и одновременности использования всех медиа ресурсов на фоне признания роли бумажных носителей в цифровую эпоху; вместо ставшей общим местом «гибкости» создание пространственных отсеков, посвящённых конкретным задачам; организация функционально адресных программных кластеров (платформ) для уникальных целей использования; чередование по вертикали «стабильных платформ» и «нестабильных промежутков (in-between); отказ от «плоскостной», дискретной группировки литературы в книгохранилище по десятичному классификатору Дьюи в пользу единого спиралевидного пространства («книжной спирали»), где ресурс отдельных рубрик может пе-

рераспределяться между ними в ходе эксплуатации – главный элемент пространственного решения библиотеки [5]. Авторы демонстрируют процесс разработки программы: начинают с функциональной модели, полученной от заказчика, преобразуют её путём группировки однородных функций (консолидация программы), а затем перегруппируют функции согласно программной концепции на пять «стабильных платформ» и четыре «нестабильных промежутка» (рис.2). Платформы живописно взгромождены друг над другом и свободно упакованы в стеклянно-металлическую обёртку внешнего ограждения (рис.3).

Такой концептуально острый и изобретательный по части формы проектный результат признанных экспериментаторов не мог не быть принят восторженно профессией, критикой и публикой, архитектура здания отмечена многими наградами, в том числе - Американского института архитекторов (2005), Американского совета инжиниринговых компаний (2004). Здание признано очень успешным аттрактором для туристов, повысившим прибыльность примыкающих территорий даунтауна Сиэттла, удостоено премии

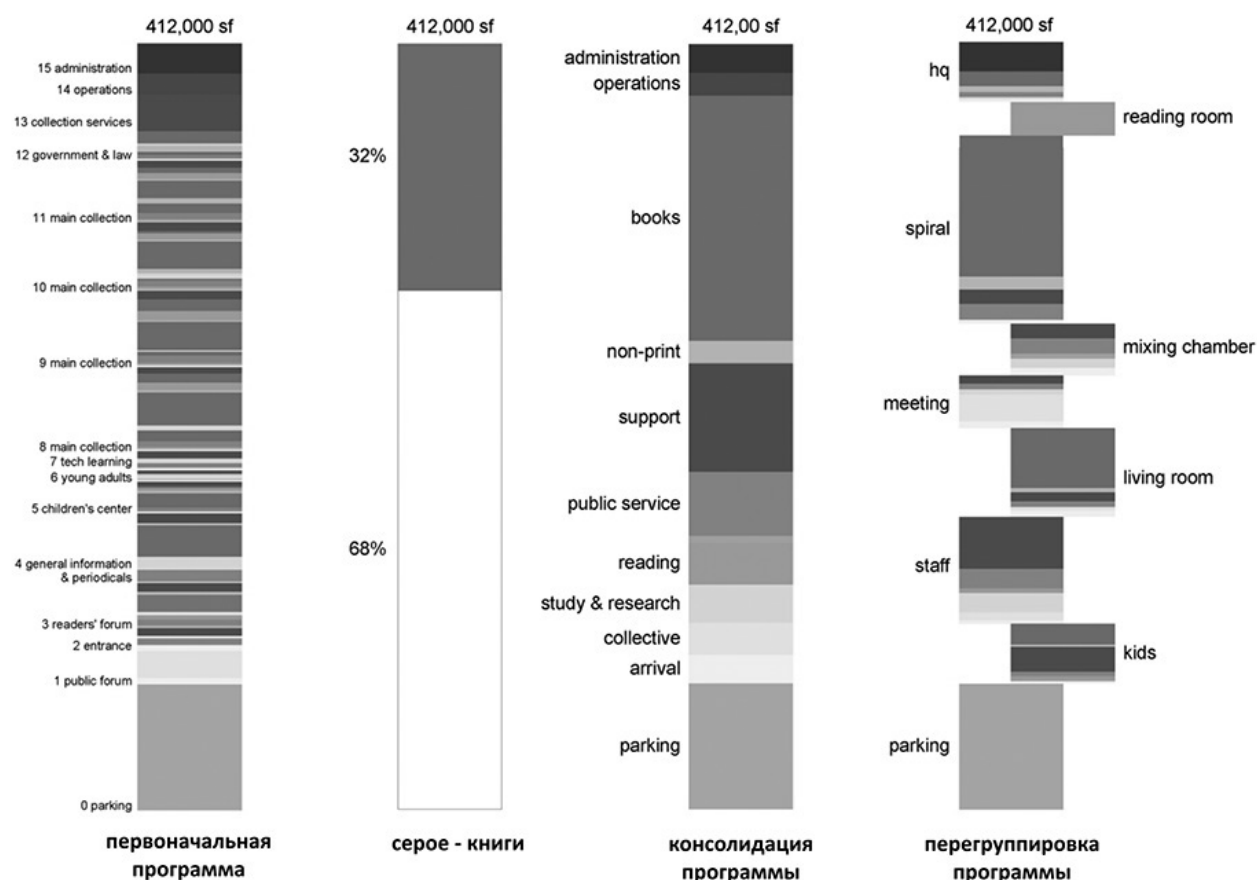

Рис. 2. Программная концепция Центральной библиотеки г. Сиэттла.

Time Magazine как «Здание года» (2004). Но по мере обживания библиотеки читателями, персоналом и горожанами стали всё чаще высказываться и оценки другого рода. Оставим за скобками претензии к форме, стилистике, образу здания и остановимся лишь на тех, что имеют отношение к программе.

Архитектурный критик Лоуренс Чик из местной газеты Post-Intelligencer отмечает, как хорошо документированный функциональный недостаток, интенсивный и беспорядочный вертикальный поток людей, а также неудобство библиотеки для чтения (!) из-за больших вертикально развитых пространств, где невозможно уединиться и слышно посторонние звуки, издаваемые множеством людей в сотнях футов от тебя (мобильные телефоны, разговоры...). Этот поток ещё увеличивается из-за острой нехватки туалетов (всего три на одиннадцатизэтажное здание (!)). «Книжная спираль» выглядит монотонно и ею неудобно пользоваться [6].

По данным специально предпринятого академического обследования с говорящим названием «Эстетическая и эмоциональная оценка публичной библиотеки Сиэттла и её связь с пространственной

конфигурацией» установлено, что в интерьерных пространствах библиотеки многим трудно ориентироваться и находить нужные направления. Вскоре после сдачи библиотеки в эксплуатацию администрация была вынуждена нанять компанию по разработке и установке системы указателей для облегчения навигации. Опрос читателей показал, что главное изобретение архитекторов – «книжная спираль» - оценивается как пространство «запутанное», где «легко потеряться», «самое узкое место библиотеки», «самое закрытое из всех помещений» (?!), «монотонное», «пустое», «немного разочаровывающее», которое «особенно трудно понять». На предложение выбрать шесть слов, характеризующих библиотеку, 70 % респондентов обратились к позитивным эпитетам («креативное», «стимулирующее», «инновационное»), а 30 % – к негативным («сложное», «непоследовательное», «обезличенное»). Похоже, что первая группа понятий относится к визуальным образам, получаемым при восприятии здания извне, а вторая – изнутри. Отмечается «отсутствие единого центрального пространства, откуда удобно добраться на любой этаж»; примечательно, но именно эту

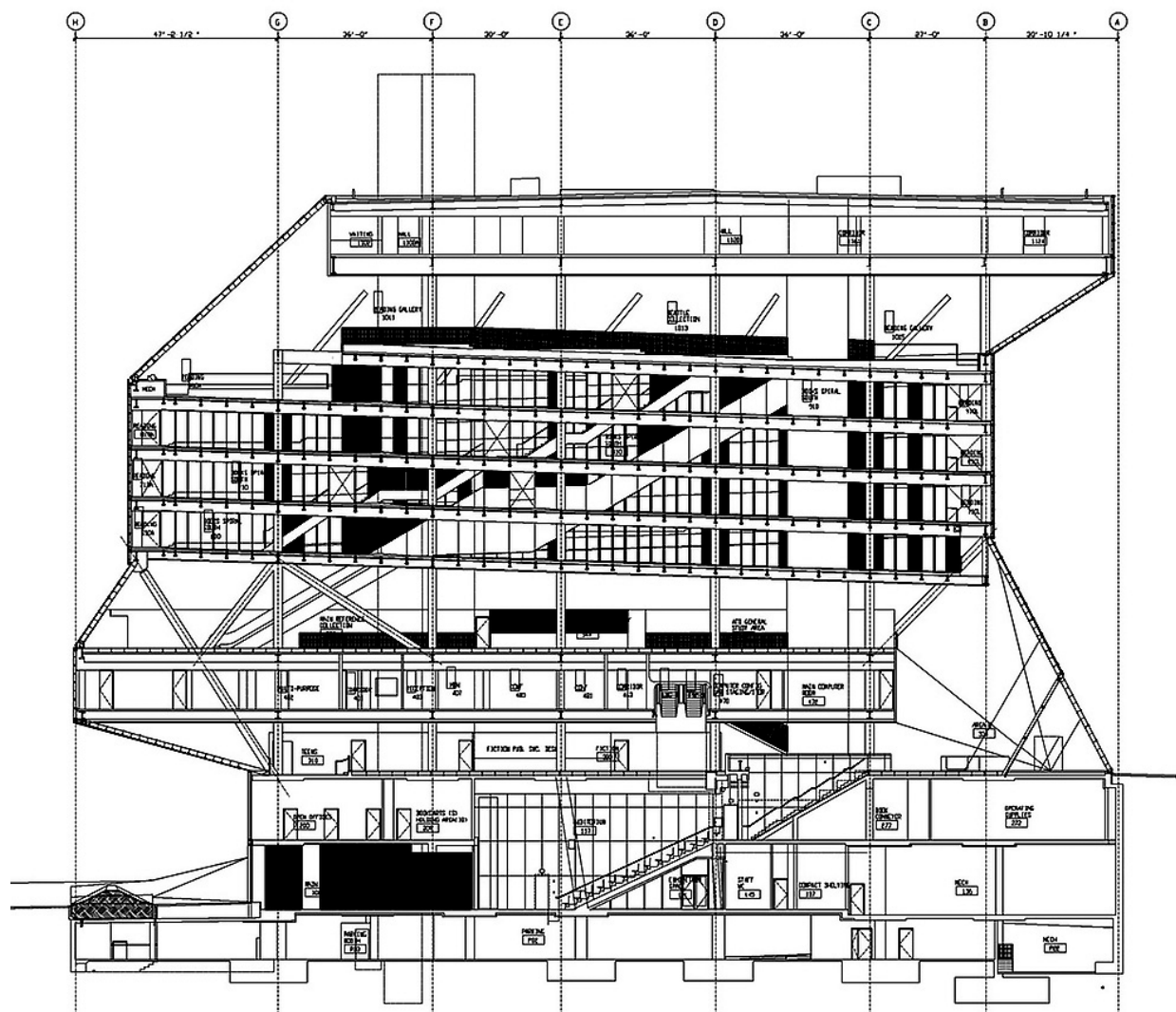

Рис. 3. Здание Центральной библиотеки г. Сиэттла. Разрез

роль архитекторы отводили уровню, названному «смесительная камера» (mixing chamber, см. рис.2) [7].

Нам удалось обнаружить интернет-ресурс, на котором посетители библиотеки оценивают её и обмениваются своими впечатлениями о ней. Общая оценка по итогам 466 суждений очень высока – примерно 4,5 по пятибалльной шкале. Но есть и «уды», и «неуды». Вот краткое резюме претензий, многие из которых не отмечены в профессиональном социологическом РОЕ (post-occupancy evaluation – «оценке здания после заселения»):

- библиотека – «клёвое» место, множество книг (но только, если вы сможете отыскать то, что вам нужно);
- «крутой» читальный зал на десятом этаже, если вас не беспокоят посторонние звуки и очень некомфортные кресла;

• очень гулкое покрытие полов, резонирующее громкий стук каблуков и подошв прохожих;

• хранилище книг (К – та самая «книжная спираль») – наименее приятное пространство библиотеки, где легко потеряться и трудно найти то, что нужно;

• «это отличное место, – полагает один посетитель, – где убить время, правда не уверен, что здесь можно найти конкретную книгу»;

• «это место должно рассматриваться как туристический аттрактор, а не как библиотека, – пишет другой, – оно слишком отвлекает, чтобы заниматься здесь серьёзной работой» [8].

Но самая неожиданная претензия к зданию, которая вполне может не возникнуть у случайного туриста, ненадолго забежавшего в библиотеку, чтобы «отметиться», восхититься и сделать «селфи», заключается в том, что она фактически

Рис. 4. Посетители библиотеки г. Сиэттла

превратилась в дневное пристанище для бездомных, с характерными визуальными сюжетами, функциональными проблемами и... запахами. Перед открытием у здания выстраивается очередь страждущих, которые быстро заполняют упомянутые три туалета для утреннего омовения, а затем растекаются по читальным залам, коротая время в дневной дрёме, играя в шашки и шахматы, плуруя по закоулкам, сидя за компьютерами (рис. 4).

То, что общедоступные американские библиотеки часто становятся приютами для лиц «б.о.м.ж.», – факт известный. Некоторые заведения нанимают специальный персонал – социальных работников, санитарок для контактов с бродягами. Библиотеку трактуют как узел, где можно концентрированно заботиться об этих людях, решать вопросы медицинского и санитарного ухода, предоставления им жилищ, обеспечения работой, привития полезных навыков и обучения [9]. Авторы библиотеки в Сиэттле не пошли этим путём. Есть лишь косвенное свидетельство того, что, возможно, фактор бездомных был принят ими во внимание, но по-своему. Одна из первоначальных социальных целей архитекторов декларировалась как популярное нынче превращение библиотеки в социальный фокус местного сообщества. Однако после пуска здания в эксплуатацию достижение именно этой цели было поставлено под сомнение. Архитектуру библиотеки резко осудила организация Проект для общественных пространств, отметившая, что «будь библиотека истинным общественным центром, ее наиболее активные внутренние зоны соединялись бы непосредственно с улицей, распространяя свою деятельность вовне во всех направлениях. Именно в этом отношении библиотека Колхааса, запечатанная вдоль тротуаров и улиц вокруг нее, провалилась полностью» [10].

Рискнём предположить, что данный пункт программы мог быть проигнорирован авторами проекта сознательно, это и был их способ «решения проблемы» бездомных.

Итак, здание центральной библиотеки в Сиэттле, – весьма успешное как объект для привлечения туристов, как экстравагантная форма, любимое многими поклонниками звездитектуры (starchitecture), – оказывается заметно менее успешным с точки зрения реализации социально-пространственных установок, инспирированных самими авторами проекта. И происходит это, по нашему мнению, потому, что социальные цели были транслированы авторами в формат навязчивых архитектурных идей, концептуальных пространственных установок, которые сложились не на основе осмысления социально-культурных предпосылок и проблем, а сами по себе, как это нередко и происходит в архитектуре.

Пример второй: жилой район «Крутые ключи» («Кошелёв-проект»), г. Самара, застройщик – корпорация «Кошелёв», 2010 – 2025 гг. Расположен район примерно в десяти километрах к северо-востоку от Самары. Фото «Гугл планета Земля» от августа 2017 г. показывают в плане пятно застройки, близкое по очертаниям к прямоугольному треугольнику с катетами по 1,5 км и гипотенузой около 2,1 км примерной площадью в 110 га (рис.5). Всё это пространство освоено жилыми зданиями одного типа в нескольких внешне неотличимых вариантах – секционными домами в три этажа с семью – десятью квартирами на этаже, группируемыми вдоль межквартирных коридоров с преобладанием жилых ячеек односторонней ориентации (рис.6). Особого рода

известность в профессии и обществе Ключи получили благодаря пространственной модели освоения территории – сверхъестественно однообразной и плотной, в основном меридиональной строчной застройке с одинаковыми «разрывами» между длинными фасадами зданий в 12,5 – 15 м, по четыре секции в «строчке» и до двадцати пяти зданий, одинаковых как питомцы инкубатора, в параллельном ряду (рис.7). Это дежавю самых мрачных прототипов раннего индустриального градопланирования заслуживает отдельного обсуждения в части своих композиционных решений, и такое обсуждение в профессии ведётся см., напр., [11, 12, 13]. Остановимся на особенностях социального содержания архитектурной программы Крутых ключей.

Признаемся сразу, что автор проекта и застройщик архитектурную программу, особенно в отношении социальных гипотез и намерений, в целостном и исчерпывающем виде не эксплицировали. Во всяком случае нам в общедоступных источниках её обнаружить не удалось. Вместе с тем гипотезой нашего исследования стало то, что за каждым рыночным «Кошелев-проектом» лежит своя «Кошелев-программа». И не одна, а, как минимум, две: явная – рекламируемая, продаваемая и скрытая – выполняющая роль реального ориентира девелоперской деятельности. Наши выводы о программе Кошелев-проекта базируются на двух источниках. Отдельные констатации явной программы можно услышать из уст владельца компании-застройщика в рекламном ролике, выложенном в Интернете, обнаружить на сайте девелопера, а элементы скрытой – декодировать из принятых и реализованных архитектурных и планировочных решений.

«Идея Крутых ключей, по словам В. Кошелева, была дать нужный продукт», «избавиться от спекулятивной цены на квартиру» [14]. Застройщик подчёркивает как цель — создавать жилище, доступное по стоимости, прежде всего, молодым семьям, не имевшим на момент инициации проекта никаких перспектив решения жилищных проблем, и при этом использовать исключительно рыночные механизмы продажи квартир по ипотечной схеме. По сути, речь шла в 2010 г. о создании не существовавшего тогда сегмента жилищного рынка самого низкого ценового сегмента (так называемого «эконом-класса»), определении и опробовании финансово-экономических, управленческих, строительно-технологических, градопланировочных и архитектурных принципов,

механизмов и стандартов его функционирования. Их воплощение в конкретные формы жилищ и городской среды стало настоящим социально-пространственным экспериментом. Этот крайне важный эксперимент, с социальными последствиями которого обществу ещё предстоит сталкиваться долгие годы, показал, на наш взгляд, весьма убедительно, что при нынешнем соотношении платёжеспособности населения, себестоимости строительства и алчности застройщиков рыночное жилище самого низкого ценового сегмента, без дополнительных дотаций и других форм помощи государства может быть только тем, чем оно и является в Кошелев-проекте, т.е. неприемлемой примитивизацией, обеспечением ценовой «доступности» путём потери уже привычного для обитателя массового городского жилища уровня «комфортности», качества среды.

Скрытой, но постоянно самопроявляющейся в архитектурно-пространственных формах социально-культурной повесткой Крутых ключей является триада, которая описывается взаимосвязанными понятиями: типизация, унификация,

Рис. 5. Жилой район «Крутые ключи» («Кошелев-проект»), Самара, 2010 – 2025 гг.

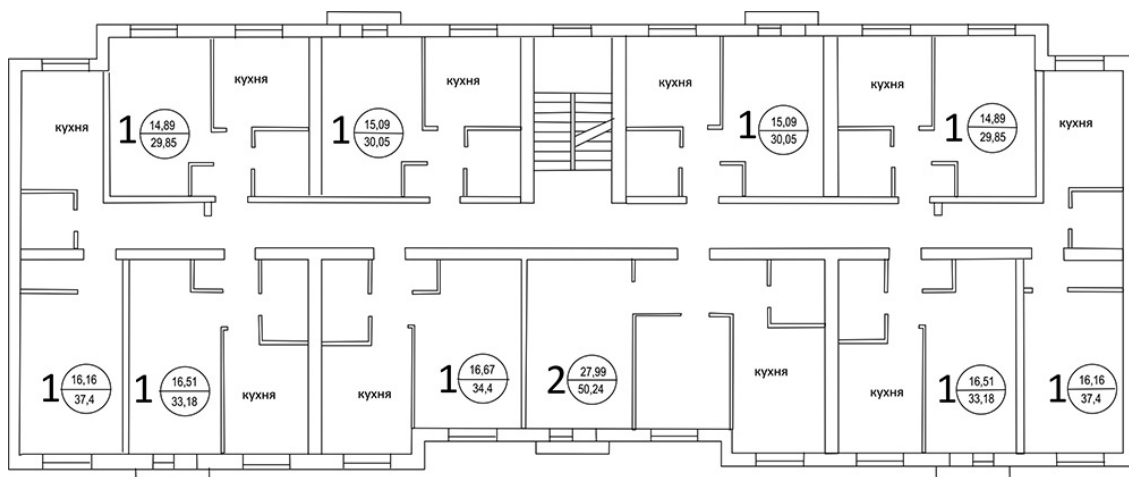

Рис. 6. Крутые Ключи. Планировка типового здания

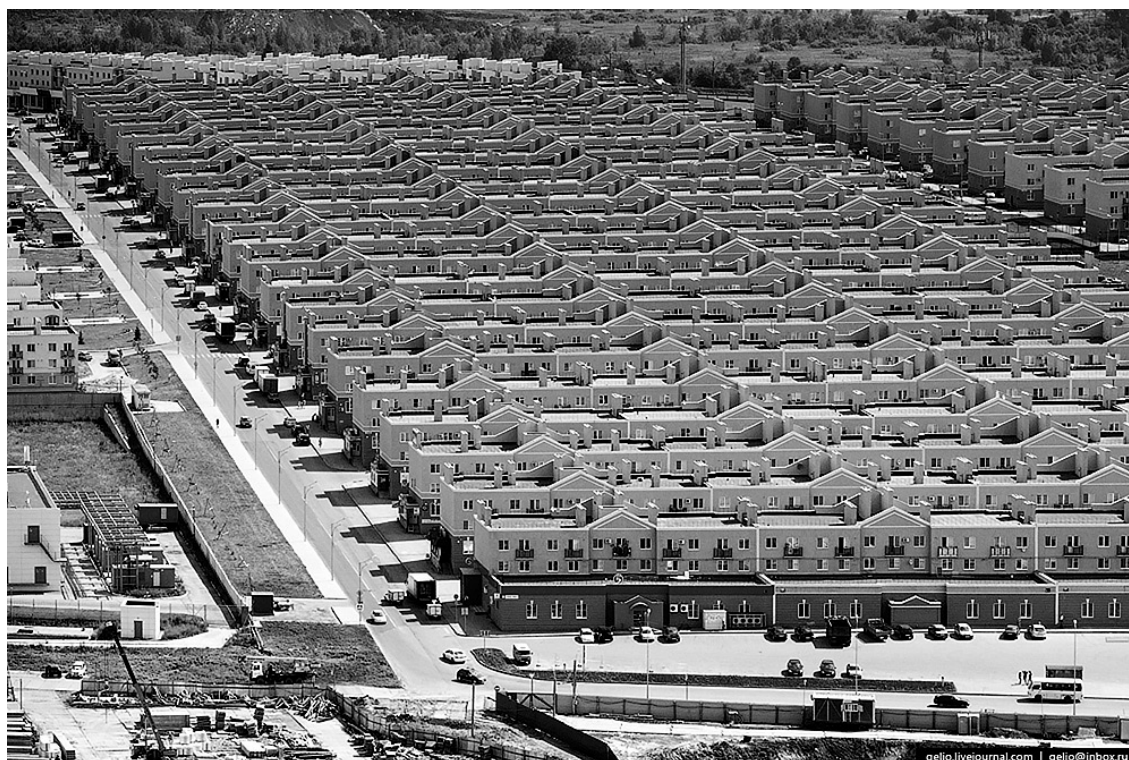

Рис. 7. Крутые Ключи. Панорама застройки

тиражирование — людей, семей, жизненных ситуаций и образов жизни, квартир, домов, дворов... Все эти понятия — из языка уходящей индустриальной культуры. Если верить идеологии постиндустриализма, они на наших глазах устаревают и должны уступить место индивидуализации, диверсификации и креативной инновационности. Но, как оказывается, — не в отношении эконом-жизни эконом-людей, населяющих эконом-жилище в эконом-районе. Здесь модернистские ценности ещё очень даже в ходу, пусть кто-то их разделяет и вынужденно. Собственно модель «эконом-жизни» людей является главным социо-

культурным продуктом Кошелев-проекта, вызывающим энтузиазм у политиков, власти, застройщиков, принявших как доказанное практикой, что людям нужно для счастья гораздо меньше, чем казалось ещё недавно, а значит, на них можно меньше тратить и больше зарабатывать. Этот же продукт инстинктивно или вполне осознанно отвергается людьми, способными разглядеть в нём инструмент угнетения естественного разнообразия человеческого рода со стороны имущих власть и ресурсы.

В массовом сегменте жилищного рынка, которому принадлежит рассматриваемый проектный

продукт, социальные стратегии архитектурных программ могут разрабатываться не архитекторами, а застройщиками. И даже не застройщиками, а обстоятельствами. Так, программа Крутых ключей стала продуктом стечения целого ряда внешних предпосылок, среди которых — появление в руках частных собственников крупных земельных участков, особенности Градкодекса, позволяющего не проходить государственную экспертизу при проектировании трёхэтажных зданий, проектные нормы на «разрывы» между зданиями, низкая покупательная способность населения, «сделавшая востребованными квартиры по минимальной стоимости» [12, с.17]. Сыграло роль отсутствие конкуренции в сегменте недорогой недвижимости, а также внятной государственной и муниципальной жилищной политики в поддержку качества и разнообразия жилой среды, низкий уровень притязаний покупателей жилищной недвижимости. Вот эти обстоятельства и были обозначены архитекторами и программистами Кошелев-проекта.

Мы уже дали ряд оценок социальному содержанию архитектурной программы проекта. Остаётся подкрепить их социологическим материалом.

Предсказуемо позитивна оценка застройщика, рассматривающего проект как «универсальную модель» для многократного тиражирования не только в Самаре, но и по всей России (этот процесс уже запущен в Калуге). Корпорация не жалеет лестных эпитетов, характеризуя район как «молодой, уютный, благоустроенный», «чистый», «дружный», «с характером маленьких европейских городков», как «полноценный город», где создана «атмосфера домашнего комфорта», реализована «продуманная организация внутриквартального пространства» и т.п. [15]. Для того чтобы усомниться в объективности некоторых оценок, достаточно просто освежить в памяти иллюстрации.

Отношение жителей района к собственному месту обитания может быть отчасти выявлено из публикаций Самарского фонда социальных исследований, проводившего анализ статистики, опросы и фокус-группы [16, 17]. Крутые ключи населяют люди преимущественно среднего и молодого возраста, с высоким уровнем образования, работающие, с более весомым, чем по городу в целом, социальным статусом (13 % — менеджеры компаний высшего и среднего уровня, 39 % — специалисты с высшим образованием, творческие работники и индивидуальные предприниматели),

женатые (76 %), с вдвое более высокими доходами и более оптимистичным восприятием жизни. То есть это отнюдь не депрессивный район, как можно предположить по фотографиям застройки. По оценке социологов, в районе складывается благоприятная социальная среда, формируются новые территориальные соседские сообщества, «рождается особенная форма ... соседских связей, при которой соседи ближе, чем родственники» [17, с.38]. Но заметны и иные настроения. 31% жителей отмечают «монотонную жилую застройку, плохую архитектуру» [13, с.120]. В качестве причин приобретения жилища именно в данном районе только 4 % опрошенных отмечают качество жилищ, а 7 % — планировку и размер квартир (в другом новом самарском районе Южный город таких семей 19 % и 20 % соответственно). Есть сведения о том, что жители собирались организовать добровольную дружину для обеспечения безопасности на улицах» [17, с.39]. Торцы вновь строящихся домов индивидуализируют изображениями разных представителей фауны, чтобы хоть немного облегчить людям ориентацию в невероятно однообразной среде, «помочь определить /.../ местоположение» в районе» (!).

Анализ интернет-ресурсов, где активно общаются компьютерно продвинутые жители района, показывает, что общая эмоциональная атмосфера здесь скорее позитивная. Что можно объяснить и молодостью, и перспективами, и самим фактом недавнего жилищного обустройства в биографии этих людей. Но недостатки отмечаются здесь намного чаще, чем в отчётах социологов. Многие сообщают о проблемах, вызванных унификацией архитектуры и среды. «Два года уже как там (К — в Крутых ключах) тёща живет. Не могу даже визуалью запомнить расположение дома», — пишет один посетитель сайта [18]. Вот похожий пост на эту же тему: «Ирония судьбы» нервно курит. Два раза пытался там чувака найти, оба раза обломался» [там же]. Житель района описывает конкретный случай: «История со мной приключилась. Неделю как жил тут (К — в Крутых ключах), табличек ещё не было, все дома одинаковые. Отмечали что-то, приехал ночью /.../. Вышел на перекрёстке из такси и не пойму, где мой дом. Ходил полчаса, в двери стучался (домофонов не было). Нашёл, в общем, но было страшно» [там же]. О проблеме чрезмерной плотности застройки говорит, например, следующее сообщение: «В угловых квартирах вид красивый: кроме соседских окон (К - !!!) помещается в обзор ещё часть бульвара, детская

площадка /.../» [19]. Или такой текст: «... налепят вплотную друг к другу дома, повесят запрещающие знаки и паркуйся где хочешь...». В сходство Кошелева с «маленьким европейским городком» после этих строк верится как-то меньше.

Оценка района и условий жизни в нём населением остальной Самары в основном примечательно негативна. Большинство аутсайдеров видит и ощущает в нём, в первую очередь, то самое насилие над разнообразием человеческой природы, которое, по нашему мнению, и лежит в фундаменте скрытой программы, и является ценой, которую вынуждены платить люди за экономическую доступность. В среднем менее образованные, экономически благополучные и более возрастные жители города оказались восприимчивее к крайним формам типизации, унификации и тиражирования. В их отзывах Кошелев-проект сравнивают с «казармами», «тюрьмой», «гетто», «бараками», «курятниками», «резервацией», «концлагерем», именуют «патогенной зоной», «кладбищем», «матрицей». Как всё хорошее и всё плохое, Кошелев-проект обрывает в общественном сознании охотно воспринимаемыми и распространяемыми слухами и мифами. «А я вот слышал, что с третьего этажа ванна упала до первого», «говорят, чайник включаешь – отключается электричество», «через десять лет уйдёт всё под землю, куда-то поедет» и т.п. [17, с. 37-38]. Горожане с «большой земли» любят позлословить по поводу трудностей ориентации в пространстве района, крохотных «французских балконов», на которые только и входит, что четыре автомобильные покрышки, скверной звукоизоляции квартир, летнего перегрева помещений, отсутствия дворов, вытесненных транзитными проездами и другими нюансами эконом-жизни. Тем временем, в негативном внешнем фоне кто-то усматривает позитивные следствия. «Существующая асимметрия восприятия /.../, — пишут социологи, имея в виду оценки «своих» и «чужих», — порождает чувство сплочённости [у] жителей микрорайонов» [там же]...

Негативная оценка района архитекторами столь же предсказуема. Мало кто мог предполагать, что подвергавшиеся критике за свою запредельную экономичность, однообразие и негуманность посёлки строчной застройки 1920-х, кварталы 1950-х, микрорайоны 1960-х–1970-х гг., типовые меридиональные секции индустриального домостроения, модели «малометражных» квартир окажутся когда-нибудь (а это «когда-нибудь» наступило с реализацией Кошелев-проекта), чуть-

ли не светочами социально озабоченного проектирования, и уж точно – образцами профессионализма. В.П. Генералов и Е.М. Генералова нисколько не преувеличивают, когда утверждают: «Если сравнивать планировки типовых жилых серий советского периода и современного жилья эконом-класса, то, к сожалению, можно увидеть лишь деградацию планировочных решений, неумелое копирование старых планировок без адаптации к новым социально-экономическим условиям и технологиям строительства» [11, с.10]. Коллектив архитекторов СамГТУ выразил своё отношение к Кошелев-проекту через альтернативное предложение – Кошелев-2, позволяющее понять разницу социального содержания двух программ методом «от противного». Всё то, что принято за основу во второй версии Кошелева, отсутствует в первой: полноценная квартальная модель (Кошелев-1, строго говоря, не является ни кварталом, ни микрорайоном, ни комбинацией этих градопланировочных моделей); «горизонтальное взаимодействие проектировщиков и потенциальных покупателей» (ныне – это жёсткая модель корпоративного проектного патернализма); индивидуальная «сборка двора из элементов каталога» (вместо бесконечного клонирования нынешнего квази-двора – транспортного проезда); «компактная и разнообразная среда», «ясные границы локальностей» (вместо унифицированной линейности и смутности пределов строчных пространств) [20, с.42].

Кошелев-проект показывает, что официально провозглашаемые цели архитектурной программы (в данном случае - экономическая доступность жилищ) могут превращаться в непреодолимую преграду для реализации социально благоприятных решений (разнообразие, комфорт, социально-имущественная инклюзивность, интеграция жилища и работы, экологичность, безопасность, укрепление существующего города и связей с ним, соучастие населения в проектировании ...) и, напротив, становится проводником архаичных и бесчеловечных подходов, если на роль цели выдвинуто средство, а истинная цель либо не осмыслена, либо не афишируема.

Пример третий: проект реконструкции квартала Вудвордс (Woodward's), г. Ванкувер, Канада; девелоперы Westbank Projects, Peterson Investment Group, архитектурное бюро Henriques Partners Architects, 2010 г. (рис.8).

К востоку от делового центра Ванкувера, в районе, называемом Гастаун, находится историче-

Рис. 8. Квартал Вудвордс (Woodward's), г. Ванкувер, Канада

ский сотый квартал площадью 1,44 га (160x90 м). Его известность, посещаемость и популярность в городе в течение почти столетия была связана с построенным здесь в 1903 г. зданием крупнейшего универсального магазина Woodward's. К 1993 г. универсам обветшал и закрылся, некогда оживлённый квартал стал быстро деградировать – бегство обеспеченного населения и концентрация низкодоходных и проблемных групп – безработных, бездомных, больных, наркоманов – брошенная недвижимость и сплошные проблемы для муниципалитета. Было несколько попыток начать реконструкцию территории, но они оказались либо непривлекательны для инвесторов (когда в основу программы принимались проблемы бедного населения), либо нереализуемы из-за противодействия

этой бедноты (когда программа нацеливала на радикальное повышение стоимости недвижимости). Последней каплей, заставившей власть действовать решительно, стало создание населением стихийной организации сквоттеров (незаконных захватчиков недвижимости), обосновавшейся в 2002 г. в пустующем универсаме и организовавшей общегородскую компанию против бегства из квартала бедных семей и за развитие здесь социального жилища. В 2003 г. участок выкупила муниципальная власть и объявила конкурс на проект редевелопмента квартала. Одно из десятка предложений поступило от группы, в составе которой было известное в городе архитектурное бюро Грегори Энрикеса (Gregory Henriques). Именно архитектор выступил инициатором проектной

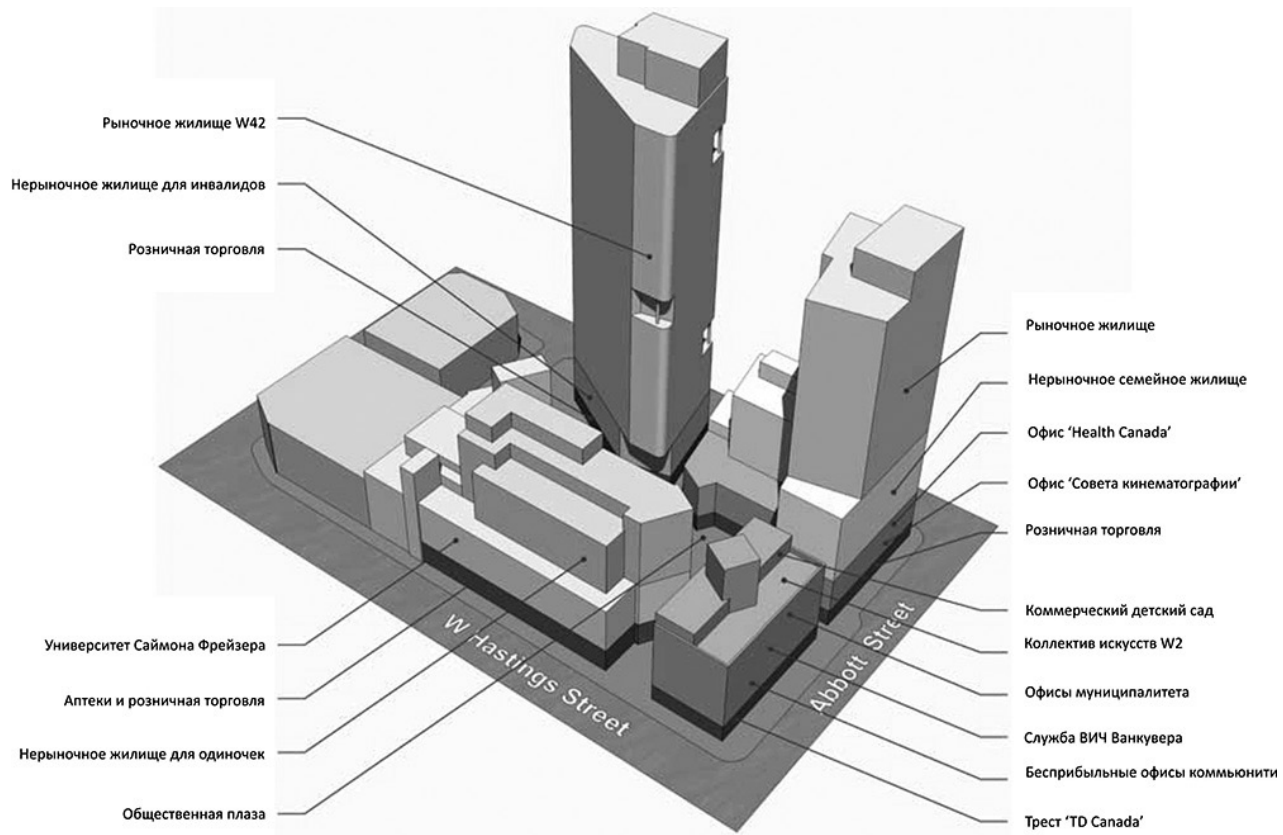

Рис. 9. Квартал Вудвордс. Смешивание социальных и рыночных форм

программы, которая полностью соответствовала полученному от муниципалитета «приглашению к разработке заявки» (request for proposal – RFP) и должна была решить проблему, несравнимую по сложности с двумя описанными выше кейсами. Архитектор смог заинтересовать своей идеей компанию-девелопера и получить от неё 50 тыс. долларов на разработку концепции. Каково же главное содержание программы?

Существует две традиционные стратегии обращения с деградированными бедными районами в Северной Америке – «оконтуривание красным» (redlining) и джентрификация. Первая предполагает негласный запрет на инвестиции в строительство и благоустройство территорий, пока всё не придёт в полную негодность, бедное население не покинет квартал полностью, после чего инвесторы реализуют рыночно привлекательную программу редевелопмента. Вторая стратегия – вытеснение бедного населения более обеспеченным за счёт дорогой реконструкции района, приводящей к непосильному для бедных повышению стоимости жизни и их вынужденному исходу. Программа Энрикеса оказалась уникальна тем, что она не предполагала ни один из этих путей [21].

В её основе – стратегия социально-имущественного смешивания домохозяйств с разными доходами и функций разной стоимости и прибыльности. Программа предполагала создание частно-общественного партнёрства с участием муниципалитета, двух инвесторов и местного университета. И бедные, и богатые должны были получить своё: широкий спектр форм социальных жилищ общим количеством двести квартир (для семей, для престарелых и инвалидов, для молодых одиночек), некоммерческие офисы для муниципальной власти, а также 536 рыночных квартир, объекты розничной торговли, общепита, аптеки, рыночные офисы, корпус университета, частный детский сад на крыше сохраняемого здания бывшего универмага. Муниципальная земля доставалась частным застройщикам бесплатно, но за это они обязались профинансировать снос и благоустройство, общественный атриум в центре квартала и строительство муниципальных офисов. Смешивание социальных и рыночных форм последовательно реализовано на уровне каждого из построенных объектов (рис.9).

Сегодня, вспоминая об этом проекте, архитектор подчёркивает, что созданная при его участии программа была большим профессиональным

и общественным риском. «Мы хотели, говорит он, собрать всех участников соседства вместе, объединяющим и инклюзивным способом. Но не было никаких гарантий, что это сработает. Это был настоящий эксперимент в социальном и пространственном смыслах» [22].

Реконструированный квартал привлекает большое внимание все семь лет своего существования. Общеизвестно, что в социальном плане его экспериментальная программа стала большим достижением. Об этом, в частности, говорится в специальном исследовании, предпринятом Институтом городской земли (Urban Land Institute) [23]. В основе успеха – кооперация усилий и согласование интересов всех стейкхолдеров: провинциальных и муниципальных властей, частных застройщиков, университета, организаций социального жилища, якорных торговцев, многочисленных групп местного сообщества и даже жителей частных кондоминиумов. Особо отмечается роль архитектора как координатора усилий, трепетный диалог с представителями местных сообществ и сохранение историко-культурного наследия – здания универмага Вудвордс. Отмечается также как важная предпосылка успеха очень высокая плотность застройки, которая позволила «вместить» все интересы на небольшую территорию – ценой полного отказа от дворовых пространств, многоуровневого использования земли. До начала реконструкции квартал был одним из беднейших. По словам Энрикеса, «теперь, квартал превратился

в микрокосм города. Он включает богатых и бедных жителей, уличную культуру и высокую культуру, широкий спектр возможностей трудоустройства» [там же].

Пример Вудвордс свидетельствует, что архитектор может играть ключевую роль в разработке программы сложнейшего объекта, а сама программа – становится мостом, связывающим людей, людей с пространствами, более проблемное настоящее и менее проблемное будущее. Но это – особенный архитектор, без фанатизма относящийся к драматическим и острым архитектурным формам, искренне интересующийся проблемами людей, способный становиться координатором и лидером программной/ проектной команды.

В заключение сравним между собой три рассмотренных примера. Можно говорить о том, что каждый представляет определённый класс социальных стратегий архитектурного программирования (см. таблицу).

Стратегия типа «мясорубка», иллюстрируемая публичной библиотекой Сиэттла, широко распространена в сфере звездитектуры. На такое отношение к программированию нередко настраивают своих студентов и архитектурные школы, где, говоря «креативность» (ключевой критерий оценки программы), чаще всего имеют в виду не творческое решение человеческих проблем, а творческое самовыражение неповторимой личности автора (это и есть цель и программирова-

Сравнение социальных стратегий архитектурного программирования

Характеристики	Стратегии архитектурного программирования		
	типа «мясорубка»	типа «забор»	типа «мост»
Алгоритм программирования	Перемалывание всех социальных предпосылок в формат архитектурной идеи	Принятие социальных регламентов, предопределяющих решение	Переход от проблем и потребностей к социально значимым результатам
Цель программы	Творческое самовыражение автора	Легитимация априорного регламента	Идентификация социальных проблем
Стратегия действий	Художническая	Прагматическая	Гуманитарная
метод действий	Рефлексивный	Нормативный	Исследовательский
Критерий оценки программы	Креативность	Соответствие регламентам	Решение проблем
Учитываемая референтная группа	Профессия и критика	Все те, кто принимает решения	Все стейкхолдеры
Роль архитектора	Автор программы и решения	Технический разработчик, исполнитель	Лидер и координатор программной команды
Архитектурное решение	Формально-инновационное	Рутинное, тиражируемое	Социально-экспериментальное

ния, и проектирования). Проводя предпроектный социокультурный анализ здесь часто демонстрируют впечатляющую прозорливость и изобретательность по части добывания, осмысления и технической репрезентации жизненных фактов и обстоятельств в виде программ. Беда лишь в том, что художественная стратегия и рефлексивный метод действий, подспудная или явная, но непреодолимая жажда оригинальности, формальной оригинальности архитектурной идеи вынуждает авторов приходиться к этой идее независимо от исследования и, случается, вопреки его результатам. Но это и не важно, существенным считается лишь успех у критиков и признаваемых профессиональной элитой собратьев по профессии.

И в коммерческой, и в бюджетной сферах есть стимулы и соблазны реализовать стратегию программирования типа «забор». Пример Кошелёв-проекта показывает, к какой архитектуре приводит в массовом сегменте рынка изначальный приоритет одного, но решающего социального ориентира – достижения экономической доступности жилищ, практически, любой ценой. Эта установка является непреодолимым барьером на пути реализации социально-благоприятных результатов проектирования, но не ими здесь вдохновлена программа. Проблема и способ её решения заданы без всякого исследования, как аксиомы, не требующие доказательств в силу своей очевидности, и программа нацелена на узаконение этих «истин». Как любая прагматическая и нормативная деятельность программирование этого типа оценивается по достижению предустановленного регламентированного результата (максимизация прибыли, минимизация издержек, «выход общей площади», темпы продаж и т.п.). Конечному пользователю это всё не интересно, но он и не является референтной группой. В оценке результата важно мнение тех, кто принимает решения (девелопер, инвестор, власть). Архитектор играет в программировании скромную роль технического разработчика и рассчитывает не на профессиональный успех, а на достойную оплату труда за результат рутинный, но многократно используемый.

Архитектурная программа может быть «мостом» между исходной ситуацией, обременённой проблемами, и проектируемым будущим, в котором эти проблемы разрешаются. Идентифицируя проблемы и вырабатывая стратегии их решения, архитектор действует в составе большой группы заинтересованных субъектов, и в самых ярких примерах, подобных описанному Вудвордс, он

становится лидером, координатором и вдохновителем этой программной команды. Получаемое решение проблем не так уж часто попадает в топ-списки архитектурных критиков, но куда важнее, что оно высоко оценивается всеми стейкхолдерами и реально улучшает жизнь людей, пополняя опыт позитивных социально-архитектурных экспериментов.

Как показывает сравнительный анализ рассмотренных кейсов, само по себе выполнение процедуры архитектурного программирования и даже изобретательность, инновационность предпроектных исследований ещё не гарантируют высокого социального качества проектных решений. Стремление обуславливать архитектуру априорными формальными идеями или непреодолимой силы предварительными установками может приводить к спорным или откровенно негативным социальным результатам – пусть даже архитектурные критики, профессия, власти и/или застройщики окажутся вполне удовлетворены. Программа и проект как социально-культурные «проекции» в будущее, где все интересы сбалансированы, а проблемы и потребности социально ущемлённых категорий рассмотрены, как минимум, наравне с другими, требует не только правильных процедур, но и правильной этической позиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кияненко К.В. «Архитектурное программирование» как социальное исследование и предпроектный менеджмент [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. 2016. №2(54). URL: http://archvuz.ru/2016_2/1
2. Кияненко К.В. Стадия «предпроект» и проектное задание в архитектуре: статус и проблемы терминологии [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. 2017. №3(59). URL: http://archvuz.ru/2017_3/5
3. Hershberger R.G. Architectural Programming & Predesign Manager / New York: McGraw-Hill, 1999. 505 p.
4. The Architect's Handbook of Professional Practice, 13th edition, - American Institute of Architects (AIA); John Wiley & Sons, Inc. 2000. – 987 p.
5. Seattle Central Library / OMA + LMN [Электронный ресурс] // ArchDaily. 10 February, 2009. URL: <http://www.archdaily.com/11651/seattle-central-library-oma-lmn>
6. Cheek L. 2007. “On Architecture: How the new Central Library really stacks up // Seattle PI, 2007. URL: <http://www.seattlepi.com/ae/article/On-Architecture-How-the-new-Central-Library-1232303.php>
7. Kuliga S. Aesthetic and Emotional Appraisal of the Seattle Public Library and its Relation to Spatial Configuration [Электронный ресурс] // Proceedings of the Ninth International Space Syntax Symposium.

Edited by Y O Kim, H T Park and K W Seo, Seoul: Sejong University, 2013. URL: https://www.researchgate.net/profile/Saskia_Kuliga/publication/281839217_Aesthetic_and_Emotional_Appraisal_of_the_Seattle_Public_Library_and_its_relation_to_spatial_configuration/links/55faa59608aeafc8ac3e4c82.pdf

8. The Seattle Public Library - Central Library [Электронный ресурс] // YELP. – URL: <https://www.yelp.com/biz/the-seattle-public-library-central-library-seattle>

9. Public libraries: The new homeless shelters [Электронный ресурс] // ALTERNET. - <https://www.alternet.org/progressive-wire/public-libraries-new-homeless-shelters>

10. Freid B. Mixing with the Kool Crowd [Электронный ресурс] // Project for Public Spaces. - URL: <https://www.pps.org/reference/mixing-with-the-kool-crowd/>

11. Генералов В.П., Генералова Е.М. Проблемы формирования массового доступного жилья в России // Градостроительство и архитектура. 2014. №4 (17). С.10-18.

12. Орлов Д.Н., Орлова Н.А. Практические варианты решений градостроительной структуры массового жилья эконом-класса // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Градостроительство: Сборник статей. Самара, 2017. С.217-220.

13. Филиппов В.Д. Эволюция строчной застройки: Крутые ключи, Самара, 2010-2015 гг. // Градостроительство и архитектура. 2016. №4(25). – С.112-121.

14. Вся правда о Кошелев-проекта [Электронный ресурс]. – Опубликовано 14 марта 2013 г. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L2z0sn6etLA>

15. Корпорация «Кошелев» [Электронный ресурс. – URL: <http://кошелевпроект.рф/koshelev>

16. Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю., Соловьёва Ю.В. Жители новых российских пригородов: «чужие» или «свои»? // Социологический журнал. 2015. Том 21. №4. С.61-79.

17. Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю. Конкуренция и солидарность в новых территориальных сообществах // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. №2 (124). С.35-40.

18. Сайт HODOR [Электронный ресурс]. – URL: <https://hodor.lol/post/105778>

19. Кошелев Клуб [Электронный ресурс]. – URL: <http://koshelevclub.ru>

20. Репина Е.А., Малахов С.А., Гниломедов А.С., Малышева С.Г., Лашенко С.В., Захарченко М.А., Романова Д.Н., Лопатина Л.Е. Естественный город – опыт научно-проектных разработок // Innovative Project. 2016.Т.1. №2. С.24-45.

21. WoodWards: The Competition [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Xffj3ZWqsZw>

22. Henriques Partners Architects [Электронный ресурс]. – URL: <http://henriquezpartners.com/work/woodwards-redevelopment/>

23. Urban Land Institute: ULI Case Studies [Электронный ресурс]. – URL: <https://casestudies.uli.org/woodwards/>

REFERENCES

1. Kiyanenko, K. 'Architectural Programming' as Social Research and Predesign Management // Architecton: Proceedings of Higher Education. 2016. No 2(54). URL: http://archvuz.ru/2016_2/1

2. Kiyanenko, K. Pre-Design Phase and Design Brief in Architecture: Status and the Issues of Terminology // Architecton: Proceedings of Higher Education. 2017. No 3(59). URL: http://archvuz/2017_3/5

3. Hershberger R.G. Architectural Programming & Predesign Manager/ Robert G. Hershberger. – New York: McGraw-Hill, 1999. – 505 p.

4. The Architect's Handbook of Professional Practice, 13th edition, - American Institute of Architects (AIA); John Wiley & Sons, Inc. 2000. – 987 p.

5. Seattle Central Library / OMA + LMN // ArchDaily. 10 February, 2009. URL: <http://www.archdaily.com/11651/seattle-central-library-oma-lmn>

6. Cheek, L. 2007. "On Architecture: How the new Central Library really stacks up // Seattle PI, 2007. URL:

<http://www.seattlepi.com/ae/article/On-Architecture-How-the-new-Central-Library-1232303.php>

7. Kuliga, S. Aesthetic and Emotional Appraisal of the Seattle Public Library and its Relation to Spatial Configuration // Proceedings of the Ninth International Space Syntax Symposium. Edited by Y O Kim, H T Park and K W Seo, Seoul: Sejong University, 2013. URL: https://www.researchgate.net/profile/Saskia_Kuliga/publication/281839217_Aesthetic_and_Emotional_Appraisal_of_the_Seattle_Public_Library_and_its_relation_to_spatial_configuration/links/55faa59608aeafc8ac3e4c82.pdf

8. The Seattle Public Library - Central Library // YELP. – URL: <https://www.yelp.com/biz/the-seattle-public-library-central-library-seattle>

9. Public Libraries: The New Homeless Shelters // ALTERNET. - <https://www.alternet.org/progressive-wire/public-libraries-new-homeless-shelters>

10. Freid, B. Mixing with the Kool Crowd // Project for Public Spaces. - URL: <https://www.pps.org/reference/mixing-with-the-kool-crowd/>

11. Generalov, V.P. Problems of Large-Scale Housing Construction in Russia / V.P. Generalov, E.M. Generalova // Vestnik SGASU. Town Planning and Architecture. 2014. No 4. pp.10-18.

12. Orlov, D.N. Practical Solutions to the Urban Structure of Economy Class Mass Built Housing / D.N. Orlov, N.A. Orlova // Traditions and Innovations in Construction and Architecture. Samara State Technical University. 2017. pp. 217-220.

13. Filippov, V.D. Evolution of ribbon development: Krutye Klyuchi, Samara, 2010-2015 // Urban Construction and Architecture. No 4, 2016. pp. 112-121, doi: 10.17673/vestnik.2016.04.21

14. The Truth about Koshelev Project. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L2z0sn6etLA>

15. 'Koshelev' Corporation. URL: <http://кошелевпроект.рф/koshelev>

16. Zvonovsky, V.B. New Russian Suburban Settlers: 'Aliens' or 'Native'? / V.B. Zvonovsky, D.U. Merkulova, J.V. Solovieva // Sociological Journal. 2015. Vol. 21. No 4. pp.61-79.

17. Zvonovsky, V.B. Competition and Solidarity in the New Territorial Communities / V.B. Zvonovsky, D.U. Merkulova // Vestnik of Samara State University of Economics. 2015. No 2(124). pp.35-40.

18. HODOR. - URL: <https://hodor.lol/post/105778>

19. Koshelev Club. - URL: <http://koshelevclub.ru>

20. Repina, E.A. Natural City: An Experience of Research and Design Developments / E.A. Repina, S.A. Malakhov, A.S. Gnilomedov, S.G. Malysheva, S.V. Lashchenko, M.A. Zakharchenko, D.N. Romanova, L.E. Lopatina // Innovative Project. 2016. Vol.1. No 2. pp. 24-45.

21. WoodWards: The Competition. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Xffj3ZWqsZw>

22. Henriquez Partners Architects. - URL: <http://henriquezpartners.com/work/woodwards-redevelopment/>

23. Urban Land Institute: ULI Case Studies. - URL: <https://casestudies.uli.org/woodwards/>

Малахов Сергей Алексеевич, Боранов Сергей Сергеевич
Самарский государственный технический университет
Malakhov Sergey, Boranov Sergey
Samara State Technical University

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ АРХОФУНКЦИИ ВСЛЕДСТВИЕ ФОРМАЛЬНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ СТАНДАРТНОГО РАЗРЕЗА ОБЪЕКТА**
**ARCHOFUNCTION ARISING FROM THE FORMAL TRANSFORMATION
OF THE STANDARD SECTION OF THE OBJECT**

Рассматриваются архитектурные разрезы как специфический тип архитектурных моделей, существующих или как пассивный результат проведения сечения через готовую форму объекта, или как относительно независимый формальный эксперимент, инициирующий возникновение высшего «приключенческого» уровня архофункции. Выводятся принципы, позволяющие трансформировать стандартные решетки, лежащие в основе этого типа моделей. Обосновывается методологическая необходимость формального преобразования разреза с целью преодоления тупиковых ситуаций, когда проецирование разреза в пассивном режиме начинает свидетельствовать об увядании архитектурной интриги.

The author considers architectural cuts as a specific type of architectural models existing either as a passive result of a section through the finished form of an object, or as a relatively independent formal experiment that initiates the emergence of a higher «adventure» level of the arkho-function. The authors derive the principles allowing to transform the standard lattices underlying this type of models. The methodological necessity of the formal transformation of the section is justified with the aim of overcoming deadlocks, projecting the section in passive mode to testify the withering of the architectural intrigue.

Ключевые слова: Композиционный метод, архитектурный разрез, архофункция, принципы трансформации стандартной решетки

Keywords: Compositional method, architectural cut, arkhofunction, principles of transformation of standard lattice

Большинство реальных и учебных проектов обращаются с сечениями (планами и разрезами) так, как будто сечения не могут существовать в качестве самостоятельной формальной задачи. Планы в этой парадигме выполняют роль демонстрации функционального устройства, под которым подразумевается трансляция или даже воспроизведение двумерных функциональных «блок-схем». Разрезы, в свою очередь, сообщают о рациональности принятых конструктивных решений, и еще в меньшей степени, чем планы, выражают художественные идеи.

Процедурные обстоятельства возникновения этих двух типов сечений заключаются в следующих взаимобратных действиях: план в распространенной практике разрабатывается до того, как «возникнет» объем, — то есть с него как бы начинается проектный процесс. А разрез, наоборот, изображается «автоматически» — как следствие сканирования уже готового объема. Два типа сечений «конкурируют» между собой в аспекте культурной ценности архитектурной работы. В истории профессии план чаще всего становится свидетельством не только функционального устройства, но

и «архитектурного замысла», в то время как разрез практически не фигурирует в летописях и хрониках достижений. Разрез вторичен, — утверждает практика, — и нечего о нем особенно рассуждать.

Здесь есть два интересных варианта развития событий в сторону архитектурного качества: 1) сначала следует расширить эстетический дискурс плана и перевести его в трехмерное бытие, что означает попытку представить архитектурный объект как трехмерный пространственный концепт, или модель, и тогда план «заживет» иной жизнью; 2) представить себе, что у разреза есть такие же права на первичность, как и у других моделей: плана и аксонометрии. Теоретической основой предлагаемого дискурса является композиционный метод (КМ) архитектурного проектирования, предложенный одним из авторов настоящей статьи в качестве актуального компонента общей системы методов, образующих творческий метод архитектора в целом. Композиционный метод считает формальные преобразования естественной методологической потребностью и задачей архитектора, ориентированного на разработку гармоничной формы всех элементов среды, напол-

няя их не только пластическими и масштабными взаимосвязями, но концептуальным содержанием, приключениями и интригой [1].

Теперь обратимся к понятию «архофункция». В общих границах смысла этого понятия фигурирует связка форма-функция (Бакема так и производил, но без дефиса – «формофункция» [2]). Речь идет о том, что в архитектуре существует особое преимущество формы, позволяющее реализовывать множество сценариев для одного и того же функционального инварианта. То есть архофункция – есть специфическая «архитектурная функция», когда привычное становится необычным из-за разрыва со стереотипным (стандартным, нормативным пространственным паттерном). Еще более важно, что в отличие от простой констатации «обусловленности функции формой», как у Бакемы или Анвина [3], «архофункция» целенаправленно ранжирует несколько уровней «формофункции»: 1) ожидаемый; 2) роскошный; 3) парадоксальный. Интерес представляет именно третий уровень.

Третий уровень означает два варианта парадоксальной оппозиции формы и функции: 1) когда обычной функции придается необычная форма; 2) когда у обычной формы возникает необычная, или «институциональная» [4] функция.

Примеры третьего уровня архофункции

1) Обычная функция – необычная форма. Библиотека в Сиэтле, архитектор Рэм Колхас.

2) Обычная форма – необычная функция. Офис КБ «Стрелка» в здании фабрики «Красный Октябрь».

Как видим, в обоих примерах не возникает абсолютной уверенности в отношении таких определений, как «обычное» и «необычное», но существуют достаточные культурные «прообразы» (договоренности, архетипы и т.п.), которые позволяют что-то считать все же «более обычным», а другое – «более необычным». И, таким образом, когда мы попадаем, к примеру, в проектный офис, устроенный внутри старой фабрики, мы очаровываемся специфическим несоответствием современного проектного инструментария и исторического антуража: старых кирпичных стен, массивных дверей и полумрака.

Кроме этих специфических архитектурных продуктов, существует «не архитектурное» воплощение архофункции – то, что мы называем «приключением в пространстве», или «столкновением с необычным». Например, в исследовании

под названием «мой дома» рассказывается, как дом в виде «оболочки для ночлега» перемещается вслед за субъектом, проживающим жизненные эпизоды в разных точках урбанизированного ландшафта внутри его природных, архитектурных и механических компонентов: в своей квартире, в больничной палате, в проеме средневековой башни, в купе поезда, в военной казарме, в кемпинге, в студии художника, в хижине рыбака, в заброшенном доме, в собственном автомобиле. Архофункция возникает в этих примерах как процедура обживания «не своего».

Следует предположить, что если в такой проекции, как разрез, в основном реализуются прагматические представления о банальном наслоении этажей с соблюдением нормативов по высоте, конструктивным сечениям и пролетам, то ее естественным графическим кодом служит горизонтальная метрическая решетка; по крайней мере, так происходит в большинстве типологических репрезентаций: например, в разрезах многоэтажных жилых домах, школах, поликлиниках, офисных центрах. Соответственно этому коду возникает специфическая обусловленность функционального сценария; однородность пространства, монотонность и отсутствие «формальных жестов» приводит к разрушению игровой и функциональной иерархии, и, как следствие, исчезновению архофункции и деградации совокупной ценности сооружения.

Понятно, что разрез – всего лишь одна из возможностей репрезентации архитектурного замысла, но из-за того, что парадоксальное мышление если и интегрируется в модель, то далеко не в первую очередь в разрез, было бы интересным актуализировать действия с разрезом в рамках концепции возникновения третьего уровня архофункции – уровня парадоксального соединения привычного с непривычным.

Примеры из концептуальной архитектурной практики, свидетельствующих о возможном возникновении архофункции – приключения в пространстве – с опорой на репрезентацию замысла в виде разреза.

1. Дом в Рива-сан-Витале, Тичино. Швейцария. 1971-1973. Архитектор Марио Бота [5] (рис.1). Сечение демонстрирует интеграцию в решетку смещенных в шахматном порядке двухсветных пространств. Мост, ведущий со склона на верхний уровень дома, изменяет традиционное положение

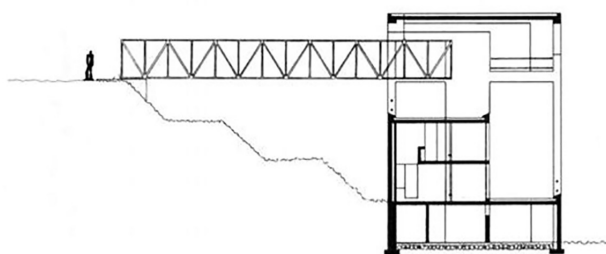

Рис. 1. Дом в Рива-сан-Витале, Тичино. Швейцария.
1971-1973. Арх. Марио Ботта

входа в дом, соответственно – всю картину «ознакомления» с домом. В результате, для дома «прихожей» становится открытая терраса с видом на горные вершины и долины. Сам мост выполнен в виде открытой металлической фермы, контрастирующей с «замкнутой» оболочкой-кубом. Движение по мосту напоминает священнодействие, своего рода – «вхождение во храм». С этого момента нашего анализа аналогия дома и храма, настойчиво артикулируемая Симоном Анвиним, получает полное право считаться не менее актуальной для архитектурной метафизики, что и бинарная формула «Дом-Город» [5].

2. Дом Дугласа. Харбор-Спрингс. Мичиган. США. 1971-1973. Архитектор Ричард Мейер (рис.2). Поразителен тот факт, что произведение Мейера возникает ровно в тот же момент времени, что и дом в Рива-сан-Витале Марио Ботты. И так же, как в швейцарском проекте, разрез демонстрирует аналогичный принцип попадания в дом по мосту на самый верхний уровень дома. Решетка, осходящая к прототипам, предложенным, по мнению А. Иконникова, – в концептуальных проектах Ле Корбюзье (Дом Ино, Дом-Ситроен, Вилла Савой) [5], – здесь насыщается изобразительными ссылками на язык «белых океанских лайнеров», так же инициированный Ле Корбюзье. Ричард Мейер фактически сводит иконографию разреза к смешению образов корабельной надстройки, крепостного донжона и некоего белого храма, погруженного в темные заросли леса. Возникает сказка (сказание) о путешествующем принце-капитане. В отличие от Марио Ботты, прямо интерпретирующего образы «независимой твердыни», Мейер скорее приближает зрителя к сценарию триллера за счет навязчивой прозрачности оболочки, что означает, в определенной степени, игру с идеей общедоступности, возможности внешнего проникновения – визуального и физического.

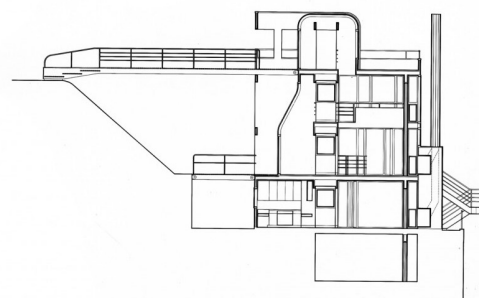

Рис. 2. Дом Дугласа. Харбор-Спрингс. Мичиган. США.
1971-1973. Арх. Ричард Мейер.

3. Здание «Matrex», Сколково, Москва. Архитектор Б. Бернасconi [6] (рис.3). Жесткая офисная решетка внутри трапециевидного сечения прерывается изъятной пустотой атриума, обведенной по периметру линией в виде силуэта русской матрешки. Зачем это сделано? – не совсем понятно. Метафизики в этом нет, хотя одновременные ссылки на фольклорные прототипы, музей Гутгенхайма, Булле и доисторические пирамиды привносят ощущения, будто вы, действительно внутри голливудской фантазмогории, внутри матрицы, где свобода выбора, к сожалению, исчезает. Но дело, в данном случае, не в следовании идеальному и духовному дискурсу, а в самом приеме противопоставления пустоты и решетки, причем пустота перефразирует телесную форму. И это было и остается важным принципом для создания эффекта архофункции в общем перечне возможных трансформаций «нормативных решеток» на основе креативных взаимоотношений автора и разреза.

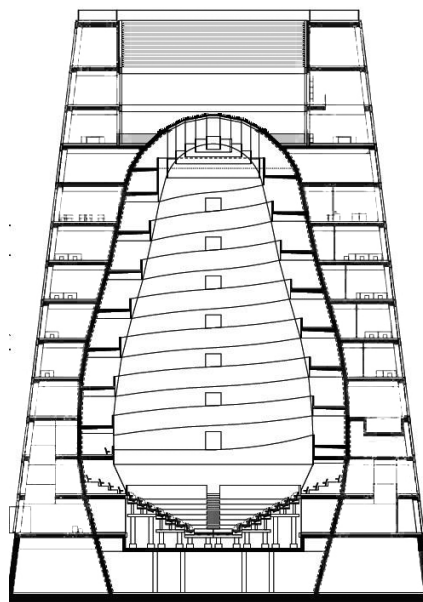
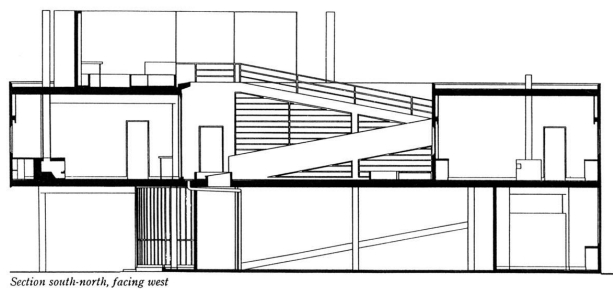

Рис. 3. Здание «Matrex», Сколково, Москва.
Арх. Б. Бернасconi

Section south-north, facing west

Рис. 4. Вилла Савой. Пуасси. Франция. 1928- 1930. Арх. Ле Корбюзье

4. Вилла Савой. Пуасси. Франция. 1928- 1930. Ле Корбюзье (рис.4). Во-первых, разрез демонстрирует знаменитые «пять принципов современной архитектуры», включая зависание над землей с помощью тонких опор; независимый каркас и — соответственно — самонесущие стены-ограждения; плоская эксплуатируемая крыша-сад. Но здесь, кроме выше перечисленного, активизируется наклонная форма пандуса. В результате диагональ привносит динамичную оппозицию в ортогональную решетку каркаса [7]. «Дом Ино» — общепризнанный генотип современной архитектуры, стартовав с ортогональной «решетки железобетонного каркаса», провоцирует многочисленные модификации (рис.5). К этому актуальному действию причастен во многом концептуально-теоретический эксперимент Питера Айзенмана, о чем свидетельствует Роберт Сомол в процессе дискуссии с Джеффри Кипнисом в «Архитектурной ассоциации» в Лондоне в 2006 г. [4], [9].

5. «Коммунальный дом», проект. 1922. Архитектор Н. Ладовский (рис.6). Как сообщает М. Бархин, в этом необычном чертеже Николай Ладовский, хотел выразить «движение идей» с помощью «динамических» построений» [8]. Предъявляется, таким образом, пример презентации концепции сооружения без опоры на предшествующие типологические прототипы. Нам известно, что

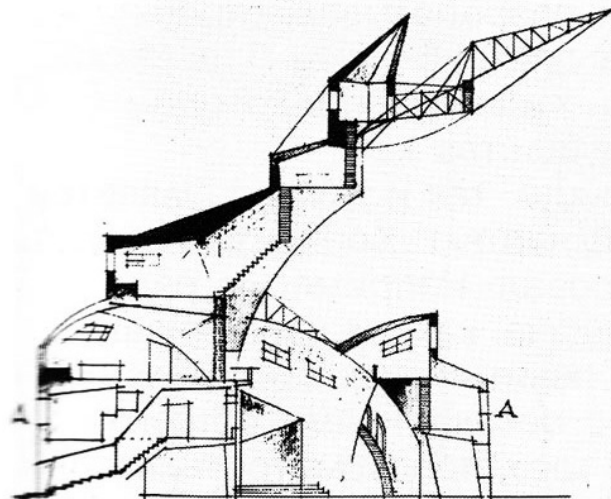

Рис. 6. Н. Ладовский. Коммунальный дом. Экспериментальный проект. 1920. Разрез

Н. Ладовский, а вслед за ним В. Кринский предложили (скорее всего – на основе идей В. Кандинского) связать архитектурные поиски с моделями т.н. «отвлеченной формы» (об этом сообщает Д. Мелодинский в своей работе, посвященной В. Кринскому [10]). Концепция «отвлеченной формы», по замыслу авторов, должна была служить основой лабораторных экспериментов, направленных на изучение формы. При этом не предполагалось, что эти же модели могут превратиться в проекты. И все же, как становится очевидным из приведенного примера, Ладовский предпринял попытку трансформировать «отвлеченную форму» в проектную, чему подтверждением служат изображенные окна, лестницы и двери. Примерно в это же время отвлеченная форма, порожденная живописью Мондриана, преобразуется Ван Дуйсбургом в аксонометрическую модель под названием «Дом Художника» [11]. Скульптурные и живописные приемы, далекие от типологий жилого дома, создают в этих проектах прецедент архофункции в виде воображаемого обитания внутри экспрессивной или неопластической скульптуры.

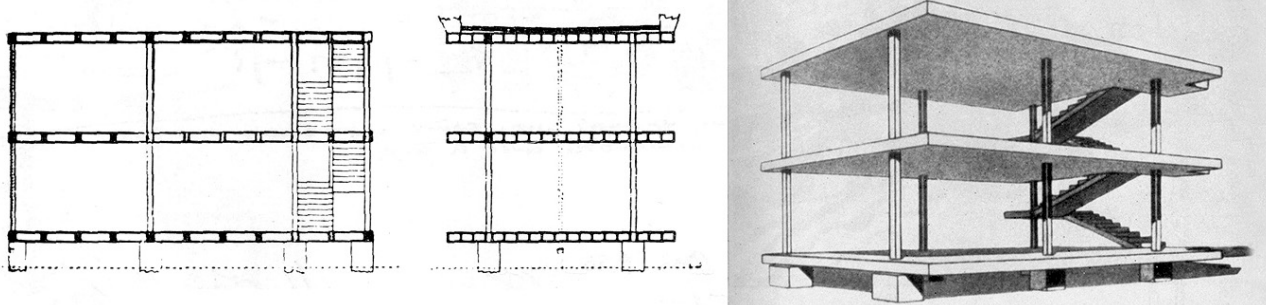

Рис. 5. Дом Ино, Ле Корбюзье. Сечения и авторская аксонометрия

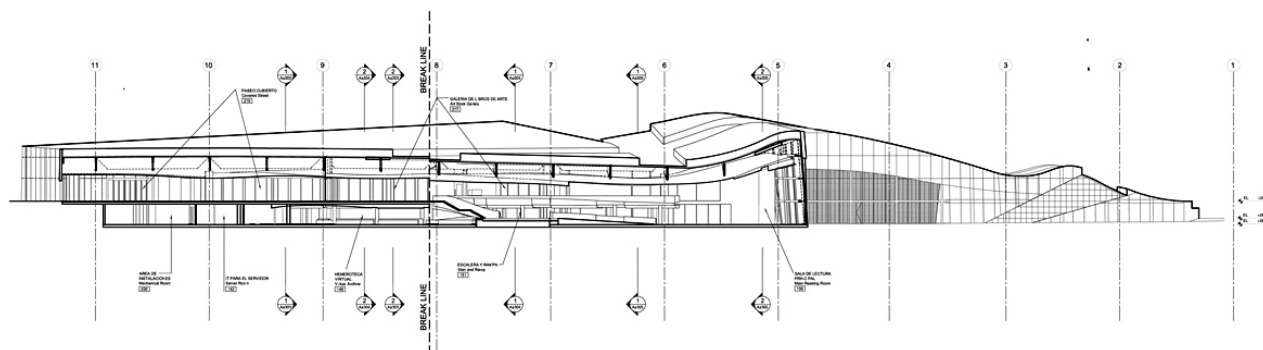

Рис. 7. Города Культуры Галисии, Арх. П. Айзенман

Нарушение решетки

Теперь следует перейти к примерам, где с большей очевидностью производится нарушение решетки, лежащей в основе «стандартных разрезов». Вопрос об устойчивости решетки актуален для апологетов упрощенных подходов к конструктивным и функциональным сценариям. В случае с развитием сценария архофункции, решетка должна быть трансформирована. Для трансформации решетки существуют сознательные и случайные воздействия. К случайным можно отнести нарушения решетки в связи с возникшими прагматическими обстоятельствами: неравносью поэтажных высот, преодолением нормативных несоответствий, непредвиденным контактом с внешними элементами территории, и как бы навязанной интеграцией общественных зон-пустот.

К сознательным воздействиям на решетку следует отнести или аналитически выстроенные концепты, или интуитивные скульптурные жесты и композиционные перестроения. Например, разрезы объектов Города Культуры Галисии (рис. 7), или кампуса в Иллинойсе, прежней вотчине Мис ван дер Роэ, выполненные Айзенманом в как будто бы странном подвешивании или втаскивании внутрь решетки «натуральных пещерных сводов».

Рассмотрим ряд примеров с нарушением решетки, а затем подведем итоги, касающиеся общих принципов этого типа действий с разрезами.

1. Большая Арка, Париж, 1982-1983. Архитектор Йохан Отто фон Шпрексен (рис.8). Разрез многоэтажного офисного здания, интерпретирующего концепцию триумфальной арки. Решетка, структурирующая две симметричные «опоры арки», могла бы соединить обе части, но она прерывается в проекте Шпрексена гигантской пустотой. Эта пустота в форме зияющего квадрата играет роль гигантской картины, а небоскребы-

опоры арки фактически становятся рамой небесного пространства Парижа. Легкие паутинообразные наполнения проема искусно имитируют наброшенный на изображения неба графический образ мистической взаимосвязи с главной осью Парижа [13].

2. Метрополиан Холл, Токио, 1986, Арата Исозаки, конкурсный проект (рис.9). Решетка продольного разреза делится на квадратные модули, которые вновь расчлняются на квадраты, чередуя эффекты тяжелой конструктивной решетки с легкой решеткой-сеткой, передающей изображения огромных витражей ограждающей оболочки. Весь объект интерпретирует типичный японский геометрический принцип – фрактала, когда одна простая геометрическая фигура затем мультиплицируется во множестве конструктивных

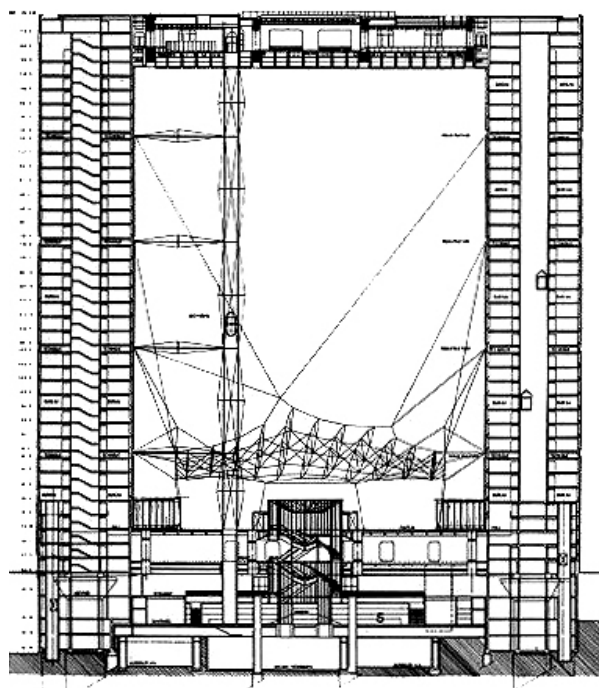

Рис. 8. Большая Арка, Париж, 1982-1983. Арх. Йохан Отто фон Шпрексен

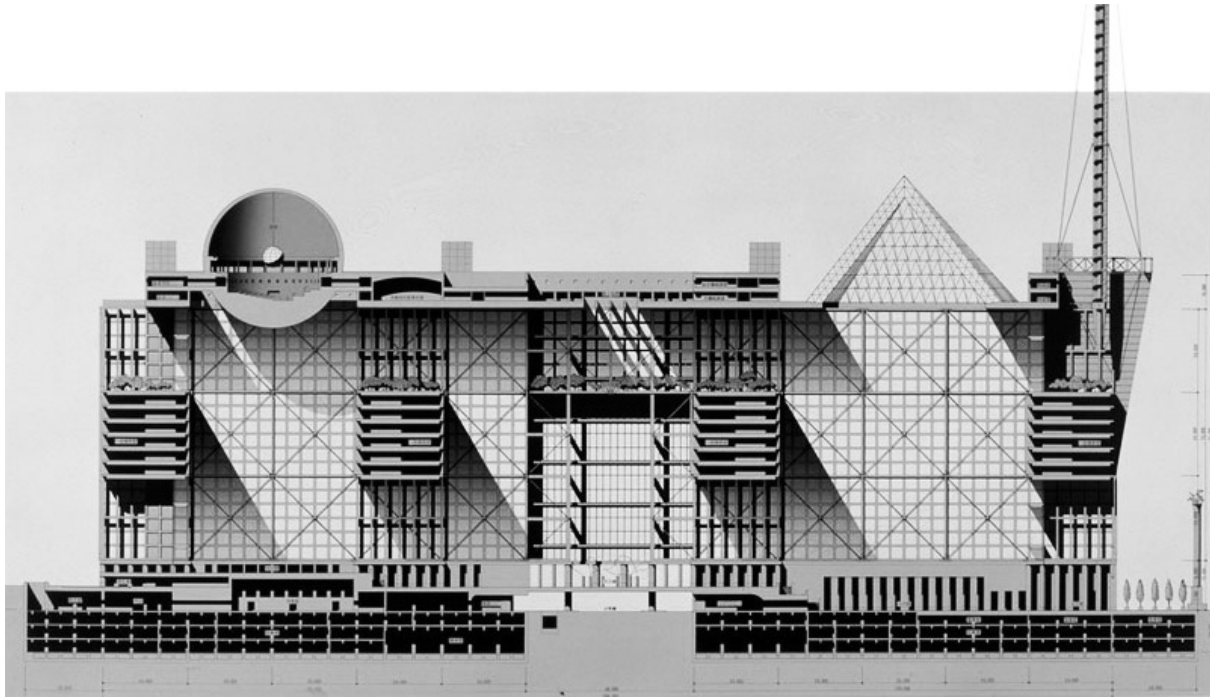

Рис. 9. Метрополиан Холл, Токио, 1986, Арх. Арата Исозаки

и масштабных воплощений. Но здесь Исозаки усиливает контраст «тяжелой, «материальной» части решетки» и легкой «воздушной» решетки-сетки. Плюс – он добавляет массивное геометрически выверенное тело – «аудиторию-шар», и прозрачную пирамиду. Шар уравнивается мачтой и своего рода форштевнем. Ясно, что перед нами разрез очередного «океанского лайнера» [13].

3. Пик Гонг-Конг. Партнерский клуб семьи Альфреда Сиу. Конкурсный проект. 1982. Архитектор Заха Хадид (рис.10). Разрез с перспективой. Деконструктивистский эксперимент. Разрушение решетки на пределе вероятности ее существования. Нижние и верхние элементы зрительно сдавливают и конструктивно обеспечивают воплощение промежуточных элементов,

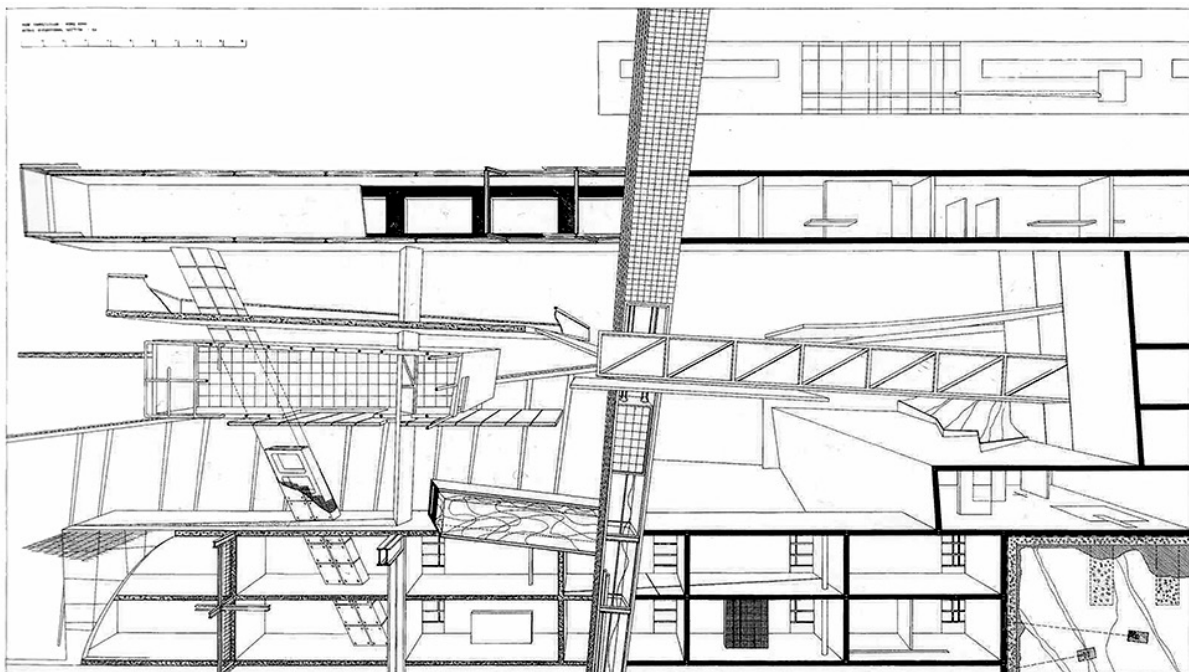

Рис. 10. Пик Гонг-Конг. Партнерский клуб семьи Альфреда Сиу. 1982. Арх. Заха Хадид

как бы лишенных всякого геометрического порядка. Спонтанные элементы внутреннего слоя изображения дополняются пронизывающими форму пустотами, ничем не сдерживаемого проникновения окружающего горного ландшафта и воздуха сквозь тело сооружения [13].

Представляют значительный интерес концептуальные проектные поиски и реализации Рема Колхаса, голландского архитектора, открывшего, по его мнению, специфический мир американского небоскреба. История его «открытия» берет свое начало в описании The Downtown Athletic Club the Skyscraper (рис.11), приведенного в знаменитой работе «Delirious New York» [14], где он на примере разреза высотного объекта сообщает о возникновении феномена «Конструктивистского Социального Конденсора» как «машин, генерирующей разные типы возделенной человеческой активности».

И, в самом деле, разрез небоскреба напоминает техническое устройство, образ которого воплощается с помощью решетки этажей, состоящей из повторяющихся и уникальных модулей и «вставок» разного рода, что соответствует разнообразию деятельности внутри объекта. Колхаса поразила странная и интересная идея перемещения городской улицы в гигантскую вертикальную коробку. По сути, феномен небоскреба сближается тем самым с феноменом города, понятого как перемещение, путешествие в пространстве с многообразными целями. С того момента Колхас вообще переносит город внутрь «дома», а тот город, что остается снаружи, его как бы перестает, как проблема, волновать. На этой парадигме основаны его игры с решетками, которые, в свою очередь, еще являются репликами на тему неких аналитических диаграмм. Сами «дома» становятся для Колхаса индифферентными оболочками, «конвертами», внутри которых существуют «внутренние города»: 1) European Central Bank, 2003 (рис. 12); 2) Морской терминал в Зебрюгге, конкурсный проект, 1989 (рис. 13); 3) Посольство Голландии в Берлине, 1997-2003 (рис. 14); 4) Культурный центр TVCC в Пекине, 2002 (рис. 15); 5) Национальная библиотека в Париже, конкурсный проект, 1989 (рис. 16) и др. Оним из самых показательных проектов Колхаса в смысле трансформации регулярной решетки можно считать модель разреза конкурсного проекта для Национальной Библиотеки Франции в Париже, где он включает внутрь решетки замкнутые пустоты-коконы, специфическую телесного вида контрформу. В проекте реализуется идея внутреннего ландшафта, образующего в трехмер-

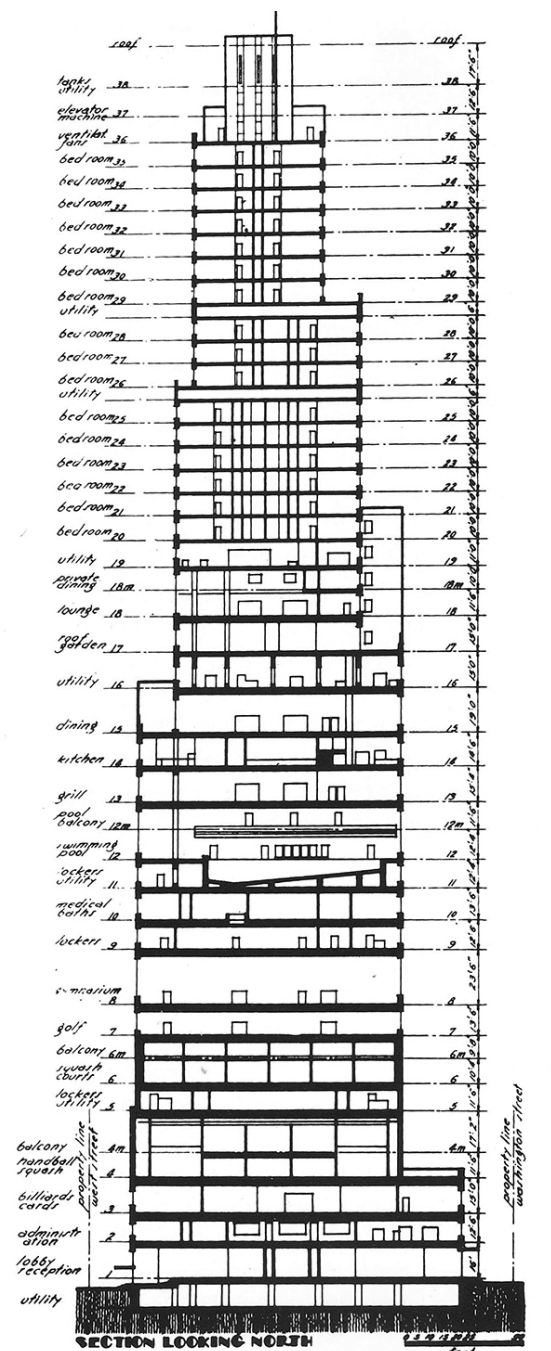

Рис. 11. The Downtown Athletic Club the Skyscraper [14]

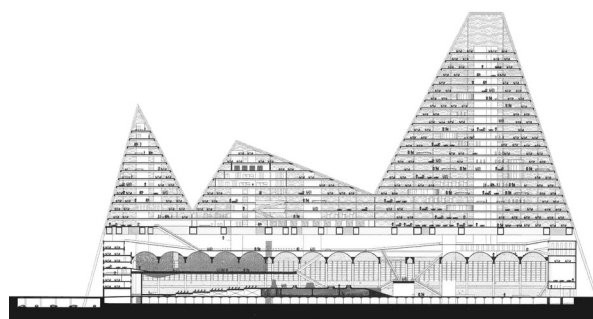

Рис. 12. European Central Bank, 2003

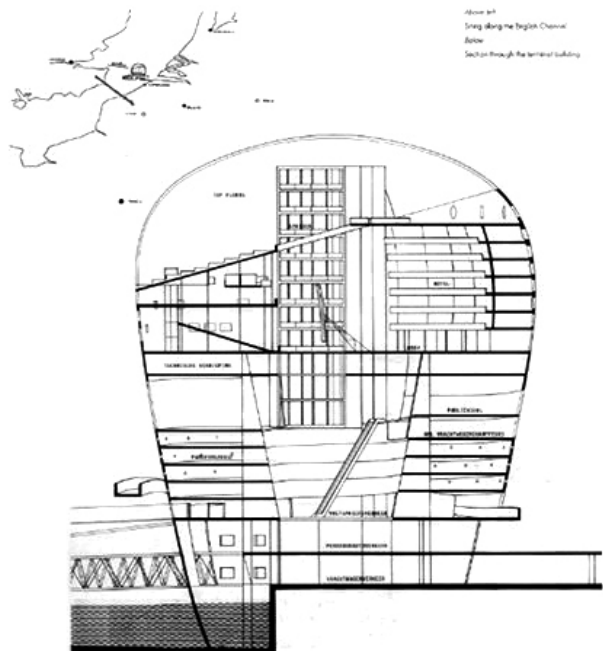

Рис. 13. Морской терминал в Зебрюгге, 1989

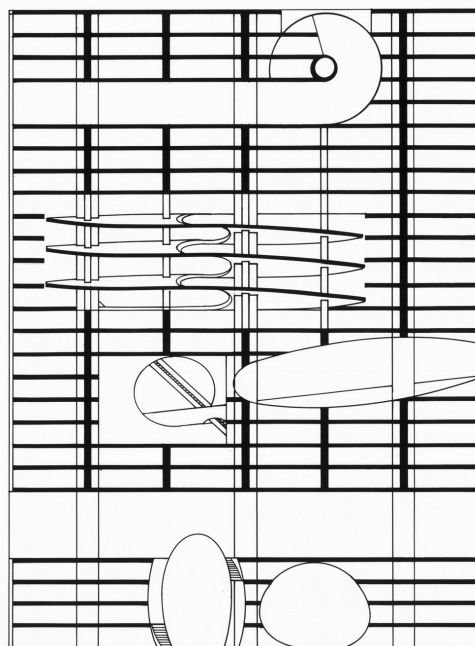

Рис. 16. Национальная библиотека в Париже, 1989

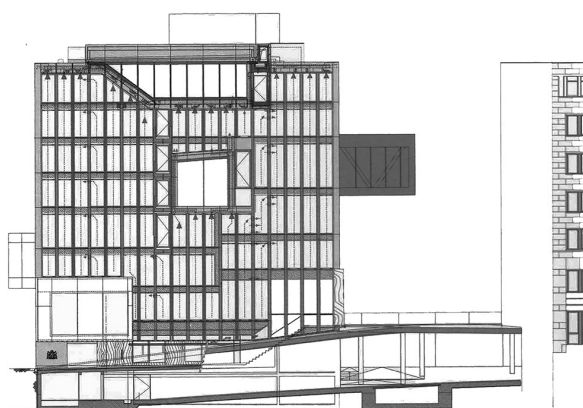

Рис. 14. Посольство Голландии в Берлине, 1997-2003

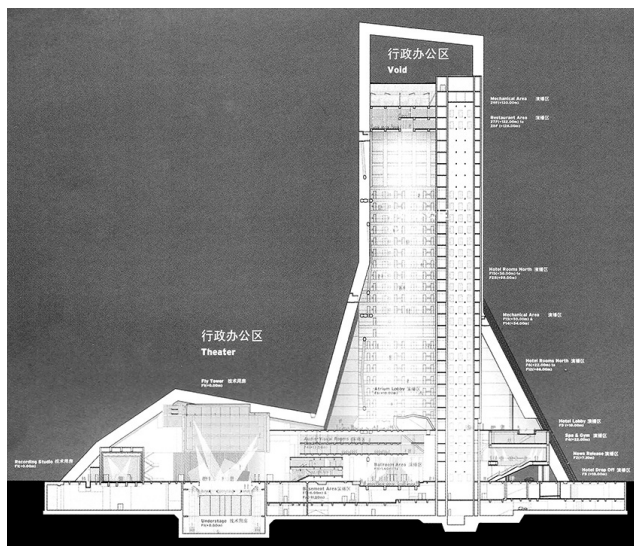

Рис. 15. Культурный центр TVCC в Пекине, 2002

ной модели непрерывное пространство странствия между уровнями объекта, но на разрезе все эти пустоты выглядят как независимые разбросанные внутри решетки «антитела. Идея внутреннего города – как пространства странствия – реализуется Колхасом в гигантском прямоугольном бруске культурного центра для Кордовы (рис. 17), который можно интерпретировать как тот же самый небоскреб, но уложенный набок, в абсолютном тождестве с линией горизонта [15].

Рассмотрим два других примера, где Рэм Колхас экспериментирует с периметром решетки, интерпретируя идею «внешнего», или «внутреннего конфликта».

1. Whitney Museum of American Art in New York (рис. 18) - здание, полностью меняющее представление об образе традиционного городского объекта общественного назначения. Решетка, представленная в разрезе, обрамляется внешним контуром, напоминающим живое существо, приподнявшееся над землей и застройкой с целью захватить пространство над соседним зданием, не прикасаясь к нему. Внешняя форма границы – традиционный «конверт Роэма Колхаса»: оболочка, никак не транслирующая типологические признаки внутренней решетки [15].

2. Комплекс Koningin Julianaplein (рис.19) – многофункциональный высотный общественно-жилой комплекс, расположенный на границе исторического центра, и опирающийся на образ городской стены. Именно эта ассоциативная по-

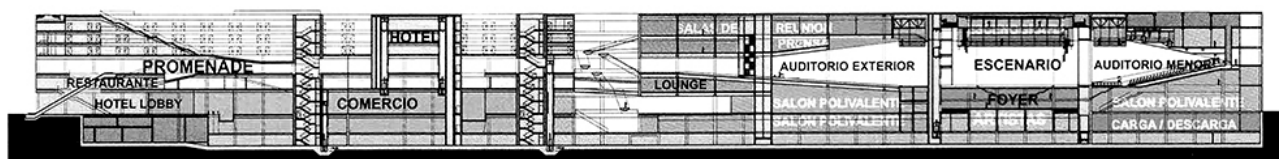

Рис. 17. Культурный центр Кордовы, Арх. Рэм Колхас.

допускает настаивать на сохранении прямоугольного периметра по внешнему контуру, а весь «конфликт с решеткой» переносится внутрь и оформляется в виде огромных треугольных проемов – еще одной версии триумфальных арок, открывающих виды (перспективы) на сюжеты городской панорамы [15].

Общие принципы трансформации решетки разреза

Итак, следуя задаче формирования архофункции, следует признать целесообразным применение следующих общих принципов «нарушения» решетки разреза:

1. Отделение Структуры от Оболочки (Города от Дома) за счет концентрации внутренней формы и создания интервала между этой формой и линией периметра.

2. Совмещение Города и Решетки в виде артикуляции специфической диаграммы – «пространства странствия».

3. Контраст сложного периметра (природоподобная линия) и простой метрической решетки.

4. Контраст простого (геометрически определенного) периметра и сложной формы решетки.

5. Включение в решетку контрастных пустот.

6. Интеграция решетки и природного рельефа.

7. Фрактальная организация решетки.

8. Метафоризация решетки как системы элементов Городского Кода (мосты, триумфальные арки, башни, храмы, дома, гнезда и др.).

9. Анимация разреза за счет включения «неархитектурных» элементов: людей, деревьев, природного ландшафта, вещей, «театральных декораций».

10. Включение ассоциативного образа.

11. Парение на опорах

12. Каскад

Роли разреза как формообразующего типа архитектурных моделей посвящено также специальное исследование: P. Lewis, M. Tsurumaki, D. Lewis. MANUAL OF SECTION, опубликованное в Принстоне в 2016 г. Авторы целенаправленно и углубленно акцентировали и исследовали наиболее оригинальные модели разрезов, прибегнув к единой условной системе их репрезентации [19].

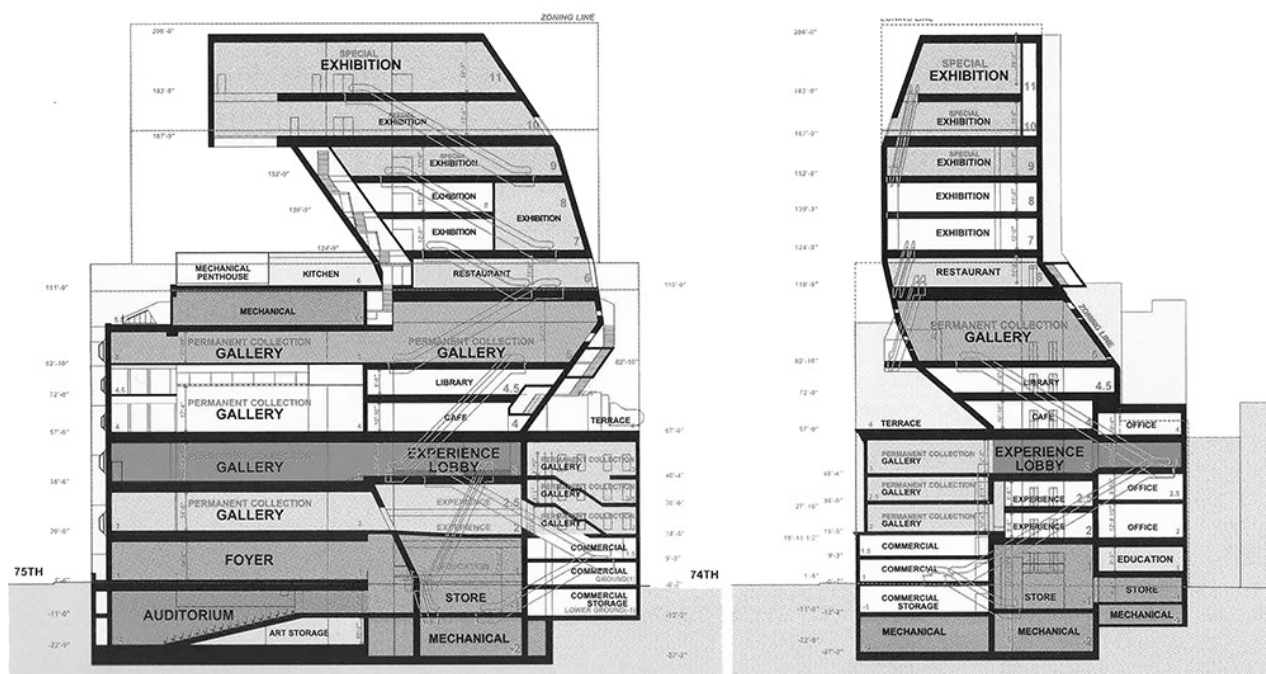

Рис. 18. Whitney Museum of American Art in New York, Арх. Рэм Колхас.

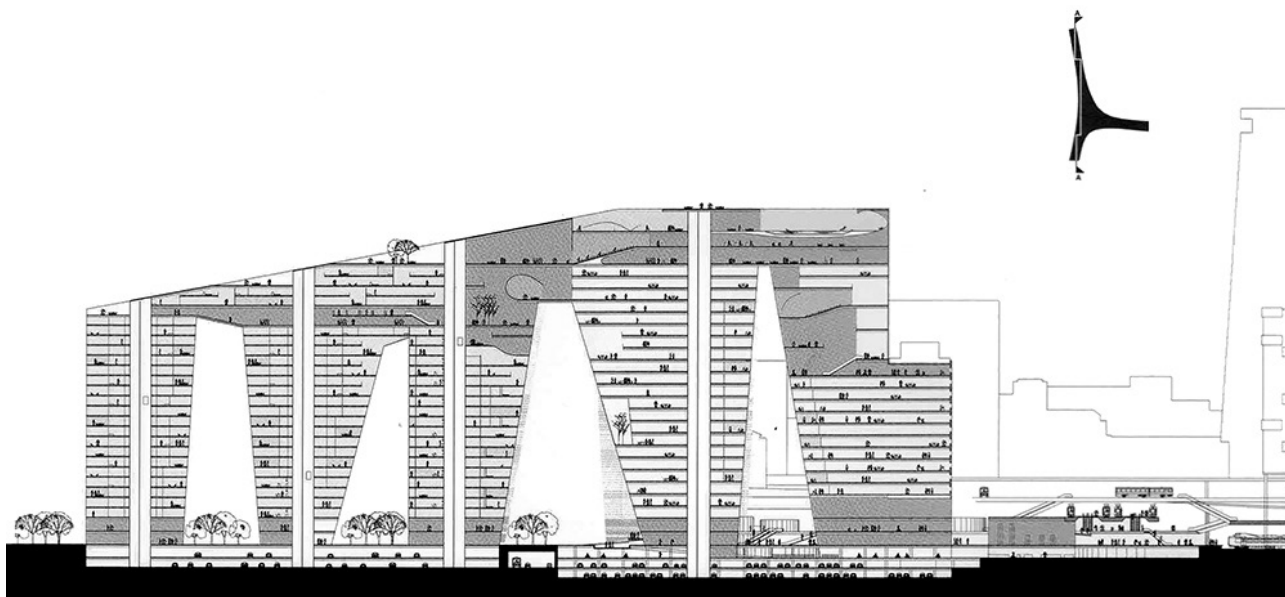

Рис. 19. Комплекс Koningen Julianaplein, Арх. Рем Колхас.

Из серии экспериментов, воплотивших перечисленные выше принципы в концепциях и на практике, назовем следующие проекты:

1. Экологическое поселение Дэй Гилберт. 2011-13. Сергей Малахов, Кирилл Никонов, Дмитрий Макаренко (рис.20). Разрез подчиняется логике ассоциативного образа – субмарины на стапелях. Линия силуэта крыши - наклон, следующий линиям пологого ландшафта. Четкой горизонтали первого уровня контрастно противопоставлена природная линия склона. Архофункция – переживание переформанса «команда субмарины», непрягая трансляция идеи движения. В то же время деревянные стены сближают с образом «большого

живого существа», и одновременно – форта первых американских переселенцев [16].

2. Небоскреб «Зеленый Завод» (рис. 21). Тольятти, прибрежный парк Автограда. 2016-2017. Дипломный проект. Сергей Боранов. Руководитель – Сергей Малахов. Решетка разреза делится на три элемента: 1) решетка оболочки; 2) решетка внутренней структуры – вертикальный город «Зеленый Завод»; 3) интервал между двумя решетками. Намеренная однородность внешней решетки соответствует идее обитания «офисного планктона» - системе стандартных офисных и гостиничных помещений. Внутренняя структура – вертикальный город» - стала результатом

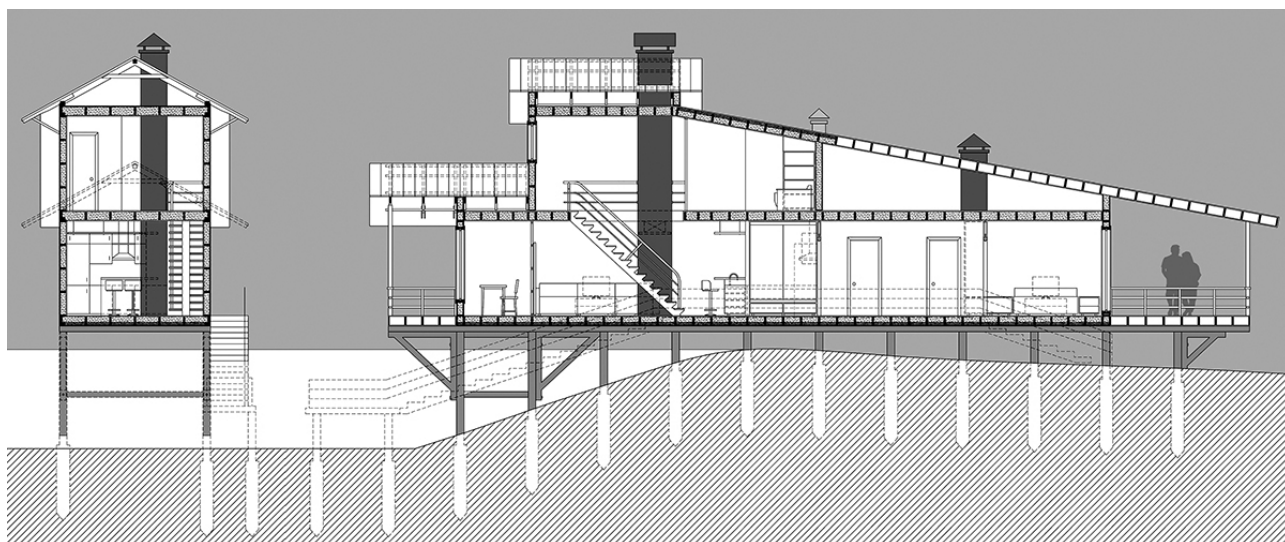

Рис. 20. Экологическое поселение Дэй Гилберт. 2011-13. Сергей Малахов, Кирилл Никонов, Дмитрий Макаренко.

формального эксперимента. Эксперимент основывался на соединении «элементов города» вокруг вертикального ствола, независимого от внешнего объема. Скульптурная пластика и соответствующие приемы «телесного формообразования» усилили независимость вертикального города от оболочки. Объемы – элементы города – образовывали собственную «диаграмму странствия», дублируя простое перемещение вверх-вниз по коммуникационным шахтам центрального ствола. Весь разрез небоскреба построен на чередовании секций, разделенных пространственными решетками «технических этажей», прерывающими атриумное пространство – пространствами фантастических ландшафтов. Архофункция – контраст двух состояний офисного обитания: работа и взгляд вовне на «привычную красоту» далеких панорам и вне-

запное перемещение в оазисы, освещенные электрическим светом, наполненные странствующими группами экскурсантов, рабочих и лаборантов, специфическая аура климатрона: синтез образов планеты Аватара и межпланетного корабля.

3. Дома-архетипы. Эксперимент “Architypes on the Shelf”. 2001-2003. Творческий коллектив. Руководители – Сергей Малахов и Евгения Репина. Серия концептуальных объектов с ярко выраженной ориентацией на архофункцию. Большинство сюжетов продиктованы необычной формой разреза. Серия «гостиная и гнезда» показывает контраст взаимоотношений гостиной как пустого пространства дома-куба и гнезд – персональных микро-домов, по-разному соотносимых с гостиной: или внутри куба, или снаружи. Серия «Дом-Город»

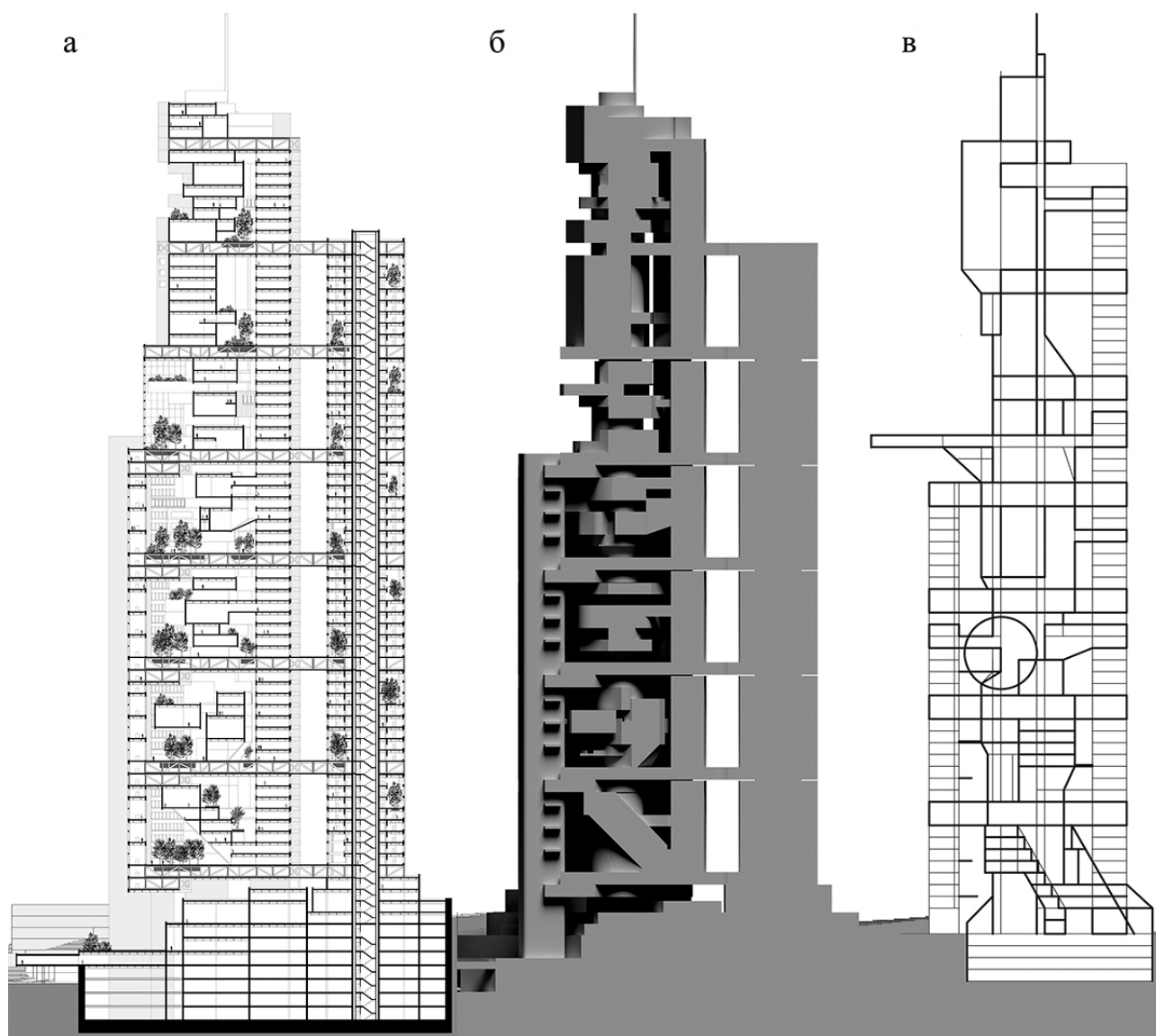

Рис. 21. Небоскреб «Зеленый Завод». Дипломный проект. Сергей Боранов. Руководитель – Сергей Малахов: а-разрез 1-1; б- пластическое сечение; в- эскиз сечения.

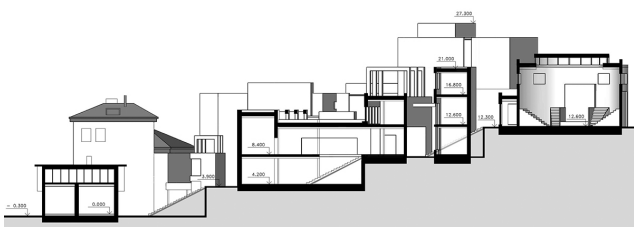

Рис. 22. Школа в 21-ом квартале в Самаре. Курсовой проект. 2015. Елена Скрынникова. Руководитель – Сергей Малахов

демонстрирует сюжет с независимым обитанием внутри Структуры (города) и в «пространстве конфликта» (пространстве границы) – интервале между оболочкой и структурой. «Дом-кольцо» демонстрирует «странности обитания» вокруг изъятой пустоты круглой формы. «Дом-лестница» выявляет сценарий взаимоотношений обитателей дома, собственные гнезда которых вторичны по отношению к собственному пространству лестницы, связывающему комнаты и этажи.

4. Школа в 21-м квартале в Самаре (рис. 22). Курсовой проект. 2015. Елена Скрынникова. Руководитель – Сергей Малахов. Каскадная организация разреза в соответствии со спецификой рельефа и намерением преобразовать типологические стандарты городской школы. Архофункция – соединение идеи небольшого города с античными реминисценциями и отказом от идеи школы как общего массивного блока.

5. Университет-квартал в исторической застройке Самары (рис. 23), 2005. Алексей Сорокин, Анна Зарубина, курсовой проект. Руководители Сергей Малахов и Евгения Репина. Исторический квартал становится вмещителем университетского кампуса. Центральное пространство – решетка преобразованных этажей. Искусственно созданная крыша-ландшафт рассекает продольную форму разреза в виде плавной «зеленой линии», разделяя решетку на две части – нижнюю с этажами и верхнюю – со стеклянной кровлей [17].

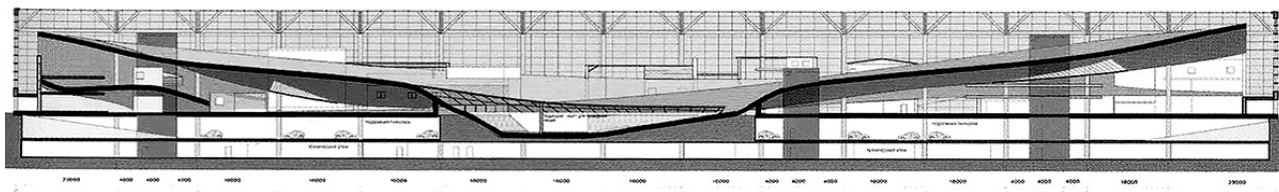

Рис. 23. Университет-квартал в исторической застройке Самары. 2005. Алексей Сорокин, Анна Зарубина, курсовой проект. Руководители Сергей Малахов и Евгения Репина

6. Объект многофункционального назначения (рис. 24). 2004. Ольга Власенко. Курсовой проект. Руководители – Сергей Малахов и Евгения Репина. Применен принцип контраста между наружной оболочкой высотного здания с «нормативной офисной решеткой» и абсолютно своеобразной формой внутренней структуры – башни многофункционального назначения с ярко выраженными пластическими характеристиками. Между внутренним и внешним элементами перекинуты многочисленные мосты, зависающие в пространстве интервала под самыми разными углами. Внутри центрального пластического тела образованы залы-пустоты овальной формы: большие и маленькие. «Контраст ритуализирует типологические различия. «Нахождение в залах» теперь сопоставимо с внутренностями голема. Множественность офисных ячеек провоцирует драйв одинаковости: «все как у всех». Процедура перехода по мостам дает минут для осмысления различия архофункций» [17].

7. Публичная библиотека «Книжный транзит» (рис. 25). 2004. Николай Алексеев, курсовой проект. Руководители – Сергей Малахов и Евгения Репина. «Чтение встраивается в путешествие, путешествие в чтение» [17]. Ортогональная решетка, встроенная в «правильную» геометрическую форму, рассекается формой-поток, своего рода волной, проносающейся сквозь пространство библиотеки.

8. «Green Tower» – вертикальные сады в типовой застройке микрорайона (рис.26). 2005. Дипломный проект. Мария Яшина. Руководители – Сергей Малахов и Евгения Репина [17]. Разрез интерпретирует идею обитаемого дерева, жители двора превращаются в команду Питера Пена, обживая собственные «гнезда» на ветках башни. Ассоциативный образ является ключевым мотивом и приемом преобразования решетки. Следующий важный момент изображения – анимация с помощью деревьев, человеческих фигур и вещей.

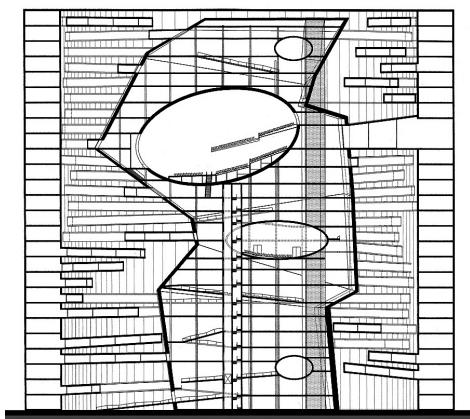

Рис. 24. Объект многофункционального назначения. 2004. Ольга Власенко. Курсовой проект. Руководители – Сергей Малахов и Евгения Репина

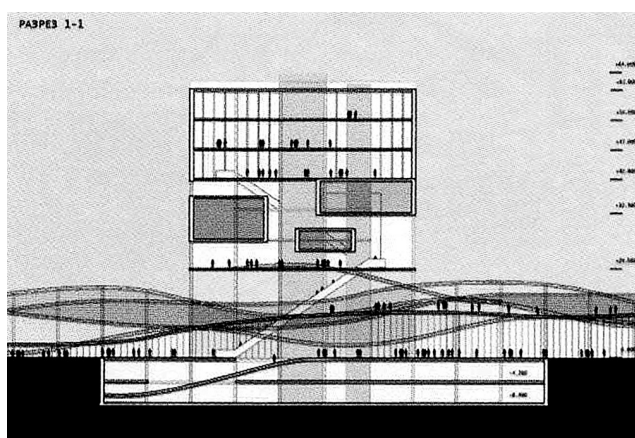

Рис. 25. Публичная библиотека «Книжный транзит». 2004. Николай Алексеев, курсовой проект. Руководители – Сергей Малахов и Евгения Репина

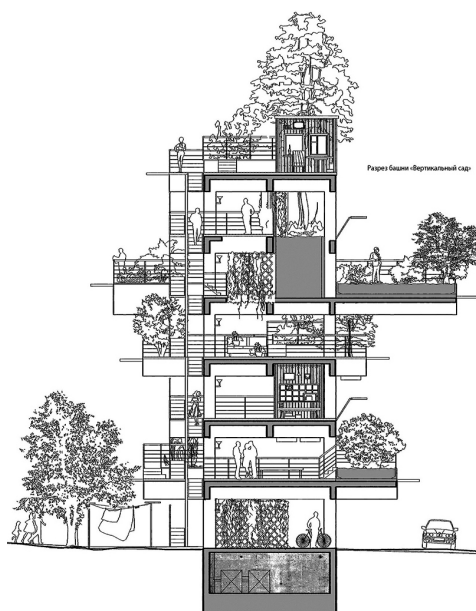

Рис. 26. «Green Tower»- вертикальные сады в типовой застройке микрорайона. 2005. Дипломный проект. Мария Яшина. Руководители – Сергей Малахов и Евгения Репина

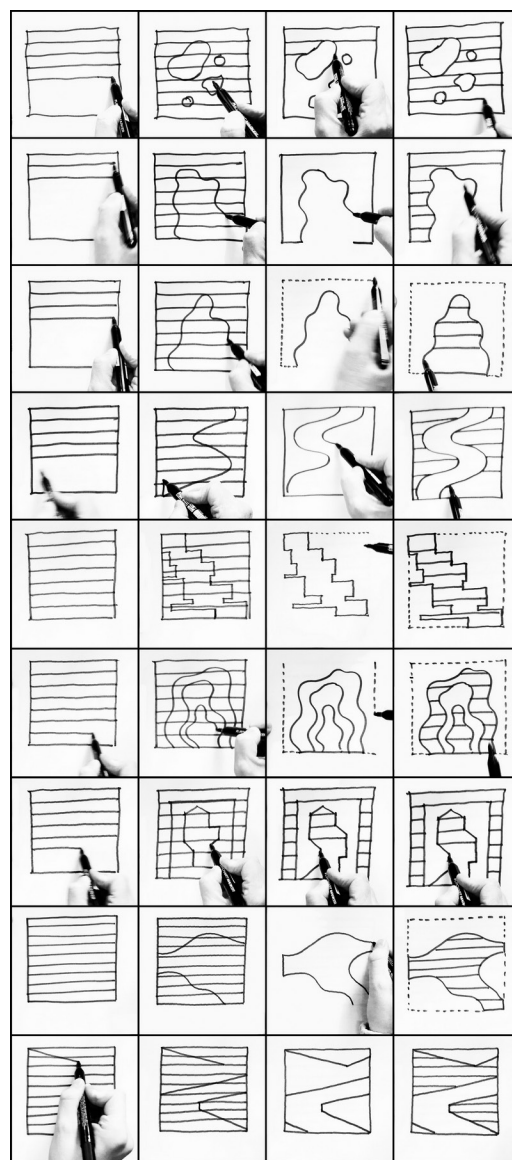

Рис. 27. Упражнение на преобразование типовой решётки разреза

Общие выводы:

Результатом представленного исследования следует считать:

- 1) общее определение архофункции как одной из важнейших задач архитектурного метода и композиционного метода архитектурного проектирования;
- 2) определение роли разреза – как проекции, способной задать уникальный сценарий архофункции;
- 3) выявление общих принципов непосредственной работы с разрезами на основе разных способов трансформации «стандартной решетки».

Предложенные принципы могут быть использованы как в практических, так и в учебных проектах. В отдельных случаях именно формальное преобразование решетки разреза способно сдви-

нуть с «мертвой точки» многие тупиковые ситуации проектной работы. Мы можем, не слишком опасаясь «функциональных несоответствий», переходить к своего рода формальной игре с разрезами (равно как и с другими проекциями), если способны поверить во всемогущество архитектурной формы вне ее зависимости от функции. Цена этим усилиям – увлекательность контакта с архитектурой, неповторимость пространственных переживаний, сближение архитектуры с современным художественным экспериментом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малахов С.А. Общая структура и принципиальное содержание композиционного метода проектирования // Градостроительство и архитектура. 2014. №3. С.31-36.
2. Зодчество-2. М.: Стройиздат, 1978.
3. Анвин, Симон. Основы архитектуры. Simon Unvin. Analysing Architecture. Third addition. Routledge. London and New York, 2009. Пер. на русский язык ООО Издательство «Питер», 2012.
4. Супер-критика. Айзенман П., Колхас Р. Strelka Press, М., 2017.
5. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Том II, М.: «Прогресс-Традиция» 2002.
6. Московская Биеннале Архитектуры. Тема: Квартиры. М., 2014.
7. Гидион З. Пространство, время, архитектура. М: Стройиздат, 1984.
8. Хан-Магомедов, С.О. Николай Ладовский. М.: «Архитектура-С», 2007.
9. Корбюзье Ле. Новый дух в архитектуре. Strelka Press, М., 2017.
10. Мелодинский Д.Л. «В.Ф.Кринский». М.: Издательство «Ладья», 1988.
11. Weston Richard. Modernism. New York, Phaidon Press Limited, 1996.
12. Бархин М.Г. Архитектура и человек. Проблемы градостроительства будущего. М.:«Наука». 1979.
13. Architectural Competitions 1960- Today. Benedikt Taschen, Koln, 1994.
14. Koolhaas, Rem. Delirious New York. A Retroactive Manifesto for Manhattan. Oxford University Press, New York, 1978.
15. Anoma Rem Koolhaas, 1996- 2006. El Crquis, 131\132, Madrid, 2006.
16. Малахов С.А., Никонов К.Н. Дэй Гилберт. Концепция эко-поселения. Екатеринбург, TATLIN, 2014.
17. Малахов С.А., Репина Е.А. Учебная мастерская Сергея Малахова и Евгении Репиной. 1999-2014. Екатеринбург: TATLIN, 2014.
18. A CONFEDERACY OF HERETICS edited by Todd Gannon and Ewan Branda. Southern California Institute of Architecture, 2013.
19. P. Lewis, M. Tsurumaki, D. Lewis. MANUAL OF SECTION, Princeton Architectural Press. New York, 2016.

REFERENCES

1. Malakhov S.A. General structure and principal content of the composite design method // Urban planning and architecture. 2014. №3, P.31-36.
2. Architecture-2. Stroiizdat, Moscow: 1978.
3. Simon Unvin. Analyzing Architecture. Third addition. Routledge. London and New York, 2009.
4. Super-criticism. Eisenman P., Kolhas R. Strelka Press, М., 2017.
5. Ikonnikov A.V. Architecture of the XX century. Utopias and reality. Volume II. Ed. «Progress-Tradition». Moscow, 2002.
6. Moscow Biennale of Architecture. Topic: Quarters. М: 2014.
7. Gidion Z. Space, time, architecture. М.; Stroiizdat, 1984.
8. Khan-Magomedov, S.O. Nikolay Ladovsky. М., «Architecture-C», 2007.
9. Corbusier, Le. A new spirit in architecture. Strelka Press, М., 2017.
10. Melodinsky D.L. «V.F. Krinsky.» М.: Publishing house «Ladya», 1988.
11. Weston, Richard. Modernism. New York, Phaidon Press Limited, 1996.
12. Barkhin M.G. Architecture and people. Problems of urban development of the future. «Science», Moscow: 1979.
13. Architectural Competitions 1960 - Today. Benedikt Taschen, Koln, 1994.
14. Koolhaas, Rem. Delirious New York. A Retroactive Manifesto for Manhattan. Oxford University Press, New York, 1978
15. Anoma Rem Koolhaas, 1996- 2006. El Crquis, 131 \ 132, Madrid, 2006.
16. Malakhov S.A., Nikonov K.N. Day Gilbert. The concept of eco-settlement. Yekaterinburg, TATLIN, 2014
17. Malakhov SA, Repina EA Training workshop of Sergei Malakhov and Eugenia Repina. 1999-2014, TATLIN, 2014
18. A CONFEDERACY OF HERETICS edited by Todd Gannon and Ewan Branda. Southern California Institute of Architecture, 2013.
19. P. Lewis, M. Tsurumaki, D. Lewis. MANUAL OF SECTION, Princeton Architectural Press, New York, 2016.

4

84-96

ГОРОД В ДВИЖЕНИИ

CITY IN MOTION

Борисова Елена Павловна

Самарский государственный технический университет

Borisova Elena

Samara State Technical University

ТРИ ВАРИАНТА РЕОРГАНИЗАЦИИ МАССОВОЙ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ САМАРЫ 1960-1970-х ГОДОВ THREE VARIANTS OF THE REORGANIZATION OF THE MASS HOUSING ESTATE OF SAMARA IN THE 1960-1970S

В статье описывается три варианта реорганизации жилой среды индустриальной массовой застройки на примере города Самары. Рассмотрена актуальная проблема повышения качества жизни граждан, создания условий для комфортного проживания и формирования благоустроенной среды обитания. Проанализирована сложившаяся градостроительная ситуация в рамках города, района, квартала, жилого дома и предложена концепция её реорганизации.

The article describes three reasons for reorganization of residential environment first series of larger scale industrial construction on the example of the city of Samara. The actual problem is to improve the quality of citizens' life creating conditions for comfortable living and a well-maintained environment's formation. The author has analyzed the existing urban development situation within the city, districts, quarter, residential building and offers the concept of reorganization.

Ключевые слова: реорганизация, реконструкция, модернизация, советская архитектура, массовая типовая застройка, жилой дом

Keywords: reorganization, reconstruction, modernization, Soviet architecture, large-scale standard construction, apartment building

Массовое индустриальное строительство жилья позволило улучшить условия быта сотен тысяч людей в Советском Союзе [1]. На сегодняшний день здания типового домостроения являются востребованными на рынке жилья, занимают большую территорию города, составляют значительный объем жилого фонда. В Самаре индустриальная застройка 1960-1970-х гг. занимает около 20 % жилого фонда (рис.1) [2].

Сегодня здесь наблюдается падение качества жилой среды, нарушение физических, теплотехнических, эстетических свойств ограждающих конструкций, различное (в пределах одного дома) остекление окон и балконов, «партизанское» благоустройство, в частности, неорганизованная парковка машин, произвольная расстановка гаражей-ракушек и сараев, низкое качество оснащения площадок для отдыха, покрытий дорог и пешеходных путей. К тому же пятиэтажная индустриальная застройка 1960-1970-х гг. морально устарела и во многом не соответствует современным требованиям к жилью, поэтому возникла насущная потребность в ее реконструкции (рис.2) [3].

Можно сформулировать следующие задачи реорганизации данной жилой среды: повышение эффективности использования земельных участков, продление жизненного цикла зданий индустриального строительства 1960-1970 гг., увеличение

объема жилищного фонда, придание жилому фонду массовой застройки современных потребительских качеств, повышение энергоэффективности жилых домов, улучшение внешнего вида застройки, гармоничное существование с окружающей средой, развитие социальной инфраструктуры, обустройство мест хранения автомобилей, учитываемая экологическую безопасность и экономическую целесообразность.

Проект реконструкции каждого дома должен начинаться с анализа района местности: в рамках квартала, микрорайона и города в целом. В ходе исследования необходимо взаимодействие градостроителей, архитекторов, конструкторов, экономистов, социологов, для обозначения и решения конкретных проблем и задач. На основе произведенного анализа прорабатываются проектные решения вариантов реконструкции зданий, развития транспортного каркаса, пешеходных коммуникаций, функционально-планировочного зонирования территории, ландшафтной организации.

Реновация жилой застройки индустриального строительства направлена на выбор типа реконструкции в зависимости от местоположения жилых объектов на территории города, близости к центру и общественным объектам (рис.3). В центральной части города, в условиях плотной застройки и высоких цен на земельные участки,

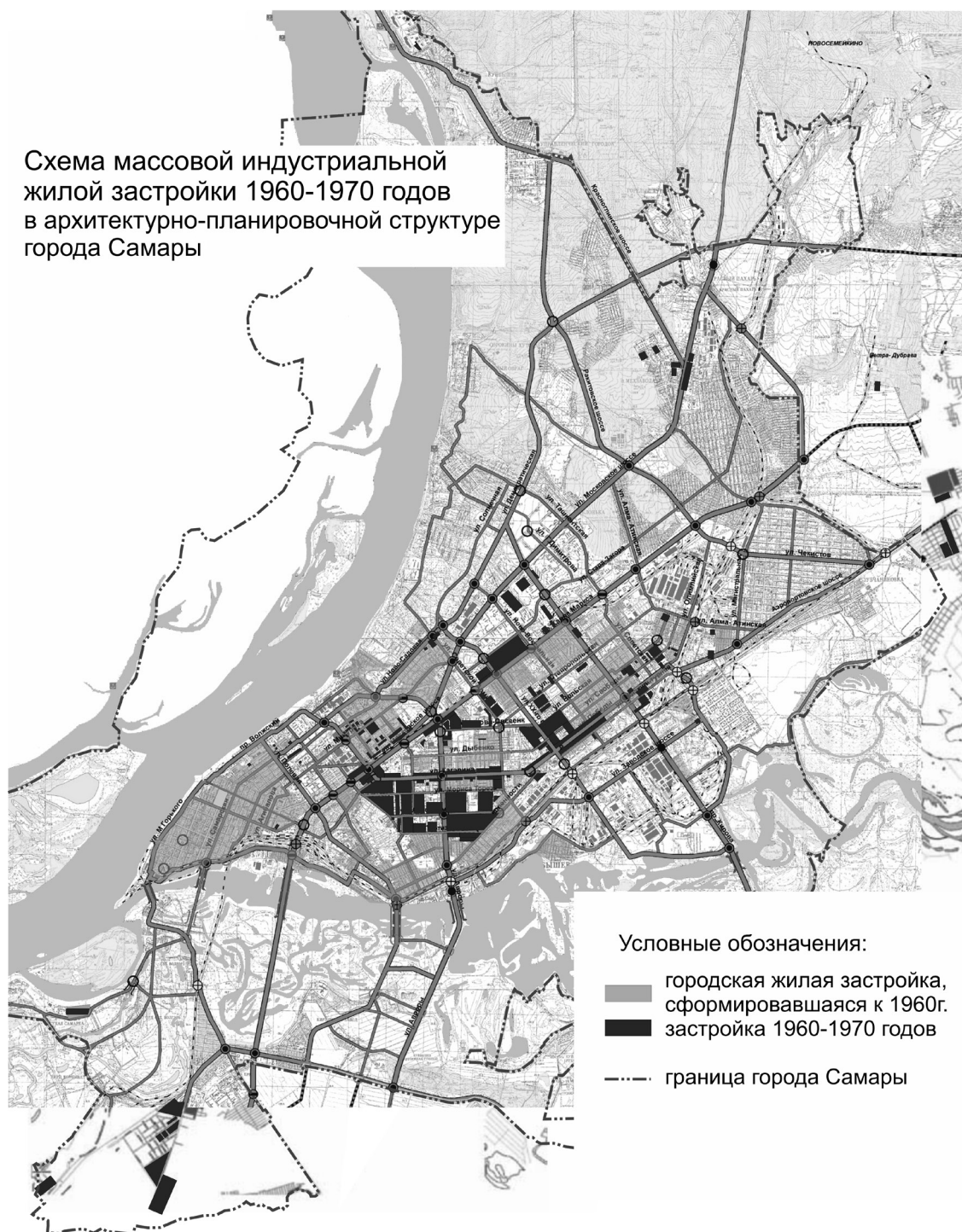

Рис. 1. Концентрация домов массовой индустриальной жилой застройки первых серий в Самаре

представляется целесообразным снос типовых жилых построек и строительство уникальных объектов. В срединной и периферийной зонах реновация и модернизация жилых объектов, уплотнение застройки [4].

На территории Самары был разработан экспериментальный проект реконструкции массовой индустриальной жилой застройки. Предлагается

три варианта реорганизации жилых зданий на участке в границах улиц Авроры, Мориса Тореза, Советской Армии и Дыбенко, с центральной осью – ул. Гагарина (рис.4, 5).

Исследование района проектирования показывает наличие здесь резервных территорий и возможность уплотнения типовой застройки 1960-1970-х гг.

Рис. 2. Массовая индустриальная жилая застройка первых серий в Самаре

Проектом заложена реконструкция существующих жилых домов, возведение новых жилых и общественных зданий с учётом очередности строительства, частичного сноса ветхих построек и частного сектора (рис.4) [5]. Согласно проекту, на жилые дома вдоль ул. Гагарина в Самаре надстраиваются от двух до пяти этажей, подобно первой и второй модели, также органично впишутся дома-вставки и пристройки. Вглубь квартала жилые дома уходят с понижением этажности, используя принципы первой и третьей модели. Третий тип реконструкции жилых домов с понижением этажности и переходу к малоэтажной застройке используется как жилье повышенной комфортности, причем первые этажи предназначены для граждан маломобильной категории.

Проектом предполагается преобразование транспортного каркаса, восстановление покрытия дорог, организация открытых автостоянок, гаражей и подземного паркинга для жителей микрорайона и для посетителей общественных центров. На застраиваемой территории планируется ряд пешеходных бульваров, существующие

зеленые аллеи вдоль улиц Гагарина, Советской Армии планируется подвергнуть реорганизации. Территорию при общественных объектах предлагается благоустроить, расставить лавочки и мусорные урны, малые архитектурные формы, композиции из цветов и растений. В основном применяется нерегулярная посадка низкорослых деревьев и кустарников. Визуальные эффекты достигаются за счёт использования различных почвопокровных растений, нерегулярных клумб, разнообразных по цвету и фактуре газонных покрытий. Проектом предусматривается использование эксплуатируемой кровли с интенсивным озеленением.

Технико-экономические показатели:

- Площадь участка – 19 га
- Население – 10 230
- Плотность – 538
- Средняя площадь на человека – 20 м²/чел.
- Этажность – 3-20

Выбор метода реконструкции для каждого здания зависит от месторасположения, конструктивной системы, степени изношенности несущих

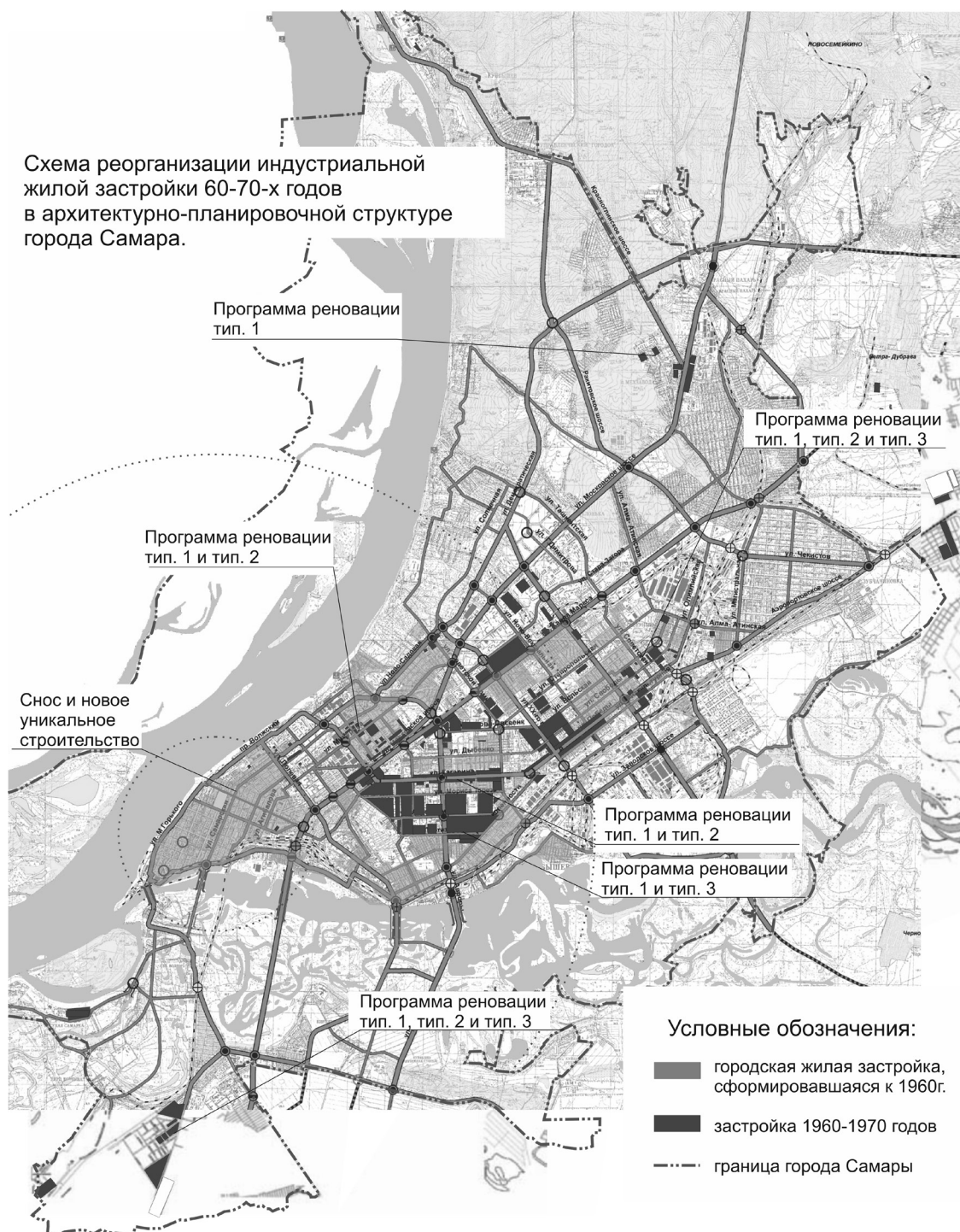

Рис. 3. Схема реорганизации индустриальной жилой застройки 1960-1970 гг. в Самаре

элементов, социальных потребностей жителей. Предложенный проект модернизации позволяет уйти от типовых решений индустриального строительства, придать жилым домам индивидуальный внешний облик, увеличить количественный и качественный состав квартир, разнообразить планировочные решения квартир и благоустроить территорию [5]. В ходе проектирования было

разработано архитектурно-планировочное решение трех вариантов реконструкции жилых домов:

- с надстройкой двух мансардных этажей (рис.6-8)
- с надстройкой пяти этажей (рис. 9-11)
- с переходом от среднеэтажной к малоэтажной застройке (рис.13-17)

Рис. 4. Схема сложившейся градостроительной ситуации

Рис. 5. Планировка реконструируемой и проектной застройки

Реконструкция с надстройкой мансардных этажей (серия 1-464)

На первом этаже находятся коммерческие помещения и объекты социального обслуживания при расположении жилого дома вдоль магистральной улицы, если дом стоит в глубине квартала, то на первом этаже –квартиры для маломобильных групп населения. Социальное жилье расположено на 2–5-ом этажах, жилье бизнес-класса – на 6 -м и 7-м этажах.

Подъезд к жилым квартирам осуществляется со стороны двора. Проект реконструкции предполагает развитие входной зоны: расширение холла и введение дополнительного пространства для консьержки или обустройства колясочной. В квартиры для маломобильных групп населения на первом этаже предусмотрен отдельный вход с пандусом и небольшой террасой. В проекте заложено преобразование лестнично-коммуникационного блока – к существующему зданию будет

Рис. .6. Реконструкция с надстройкой мансардных этажей

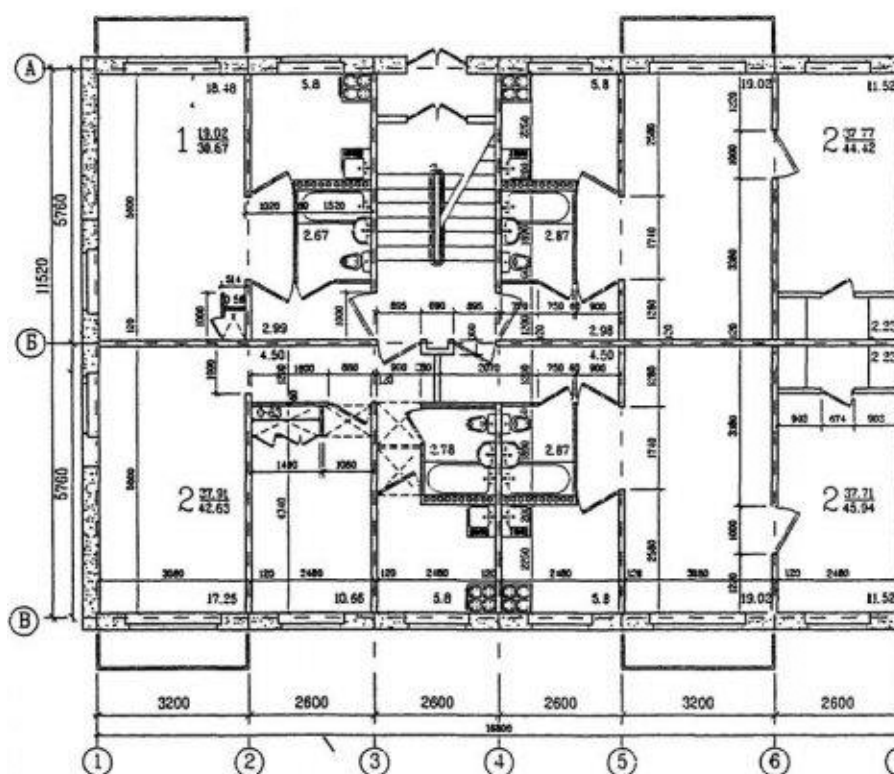

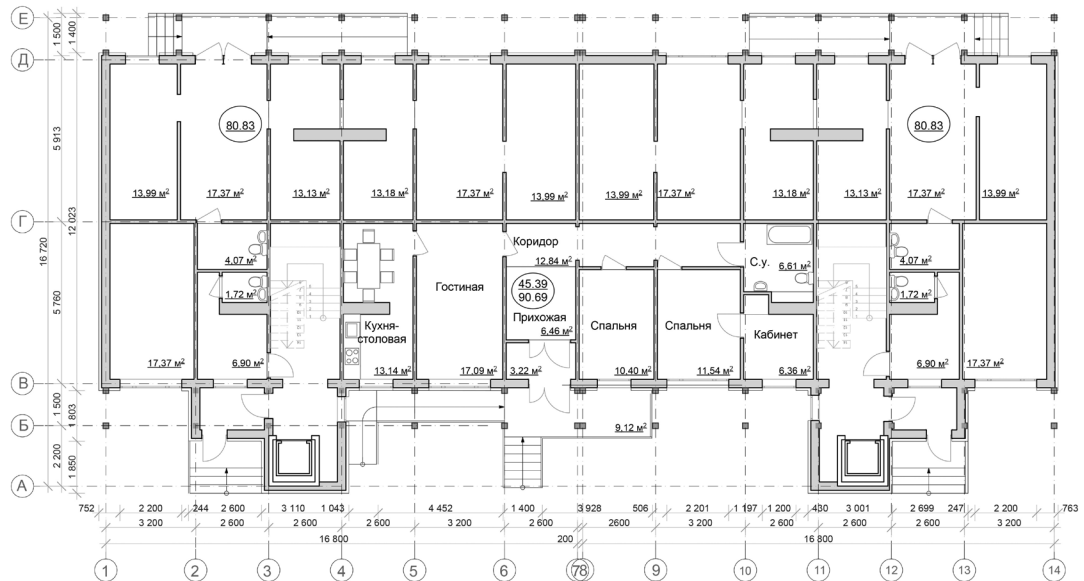
Рис. 7. План типового этажа жилого дома 1-464 серии

пристроен лифт и мусоропровод, лестница продлевается до 7-го этажа [6, 7]. С продольных сторон к зданию пристраиваются и утепляются лоджии, которые увеличивают площадь кухонь.

Жилой дом серии 1-464 подвергается реконструкции: капитальный ремонт, восстановление перекрытий и балконных плит, замена оконных блоков, остекление лоджий, замена инженерного оборудования, стены претерпевают частичную перепланировку. Две двухкомнатные

квартиры перестраиваются в три однокомнатные со сверхэкономичными площадями для малообеспеченных людей, студентов, одиночек, престарелых, молодых семей [8]. Перепланировка в панельном доме 1-464 серии допускает заложить существующие проемы гипсокартоном или пенобетонными блоками и пробить проем с последующим укреплением металлической конструкцией. На 6-7-м этажах запроектированы двухуровневые квартиры с расширенным

1 этаж

2-5 этаж

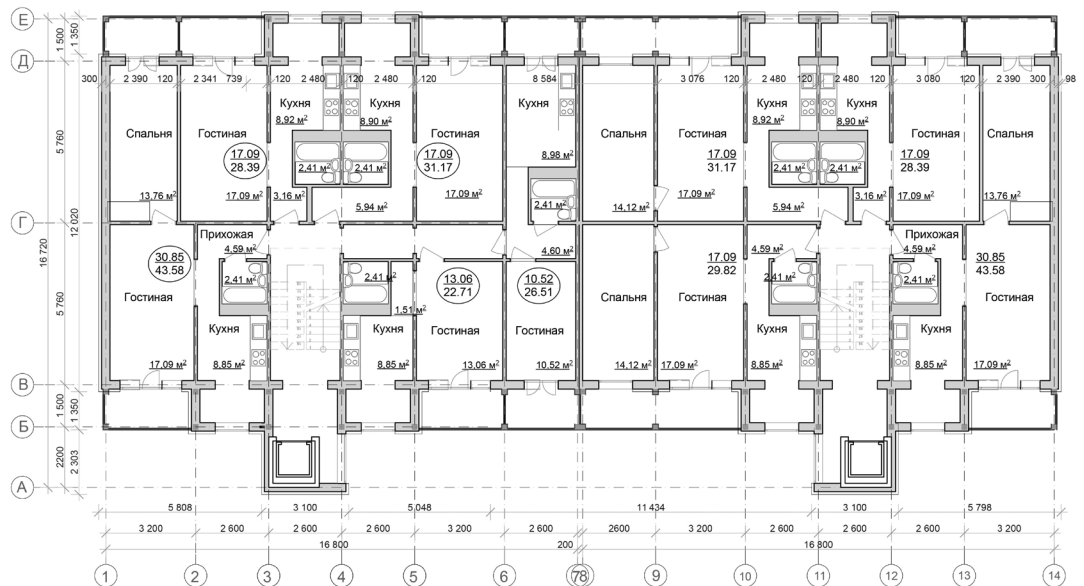

Рис. 8. План первого и типового этажа. Реконструкция с надстройкой мансардных этажей

составом помещений: прихожая, кухня-столовая, гостиная, спальни и два санузла.

Надстройка эксплуатируемого жилого здания серии 1-464 осуществляется с использованием легких строительных конструкций на основе легкосборных пожароустойчивых металлических конструкций с заполнением эффективными утеплителями, обеспечивающими нормативную тепло- и звукоизоляцию наружных и внутренних несущих стен [7, 9]. Высота этажей сохраняется 2,4 м от пола до потолка, высота надстроенной части составляет до 2,7 м.

Архитектурно-художественный образ здания складывается из простых, лаконичных форм перво-

го этажа и более дробных поверхностей жилых этажей, балконов, ярко выраженных входных узлов и коммуникационных блоков. Индивидуальный образ достигается ритмом остекленных и глухих поверхностей, задающих характерный рисунок. Фактура и цветовые акценты подчеркивают композиционный строй здания.

Реконструкция с надстройкой пяти этажей (серия 1-439)

Жилые дома, расположенные вдоль магистральных улиц, реконструируются с надстройкой пяти этажей. Первый этаж предназначен для коммерческих объектов, верхние – жилые.

Рис. 9. Реконструкция с надстройкой пяти этажей

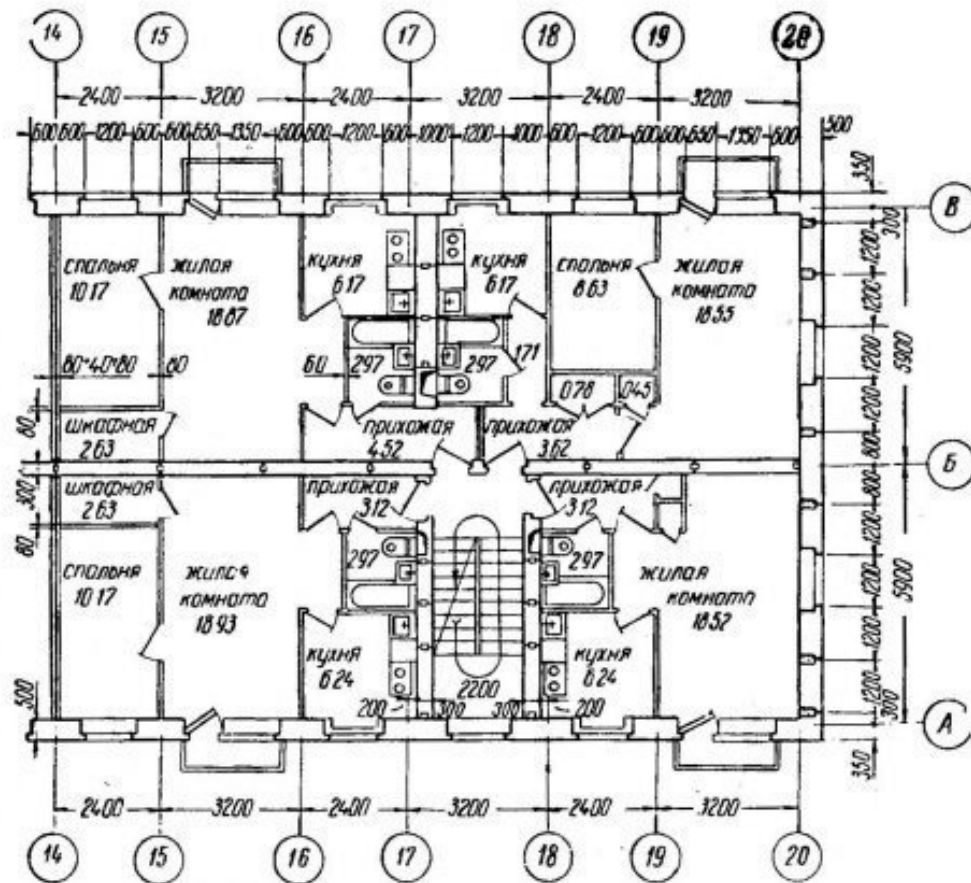

Рис. 10. План типового этажа жилого дома 1-439 серии

Основные принципы реконструкции: надстройка пяти этажей, расширение корпуса здания, пристройка и увеличение площади первого этажа, встраивается лифт, капитальный ремонт, восстановление перекрытий и балконных плит, замена оконных блоков и остекление балконов, замена инженерного оборудования, перепланировка. Данный метод надстройки здания серии 1-439

включает повышение этажности в совокупности с уширением корпуса путем сооружения на свайном фундаменте несущего каркаса на всю высоту здания. Перекрытие над последним этажом существующего здания представляет собой поперечные несущие конструкции пола первого надстраиваемого этажа, которые полностью или частично прилегают к кровле старого здания без передачи

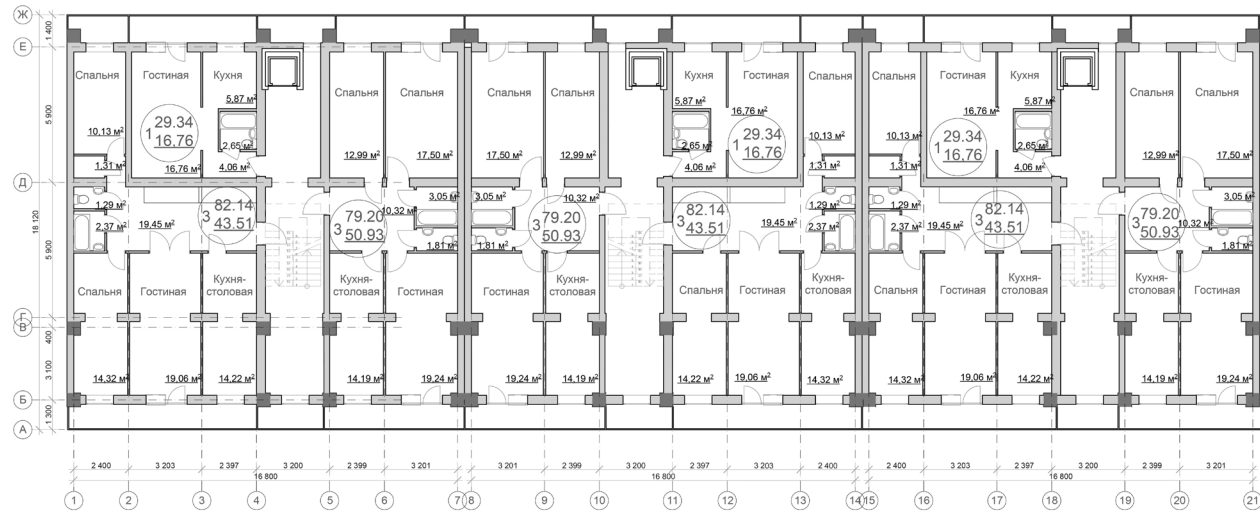

Рис. 11. План типового этажа. Реконструкция с надстройкой пяти этажей

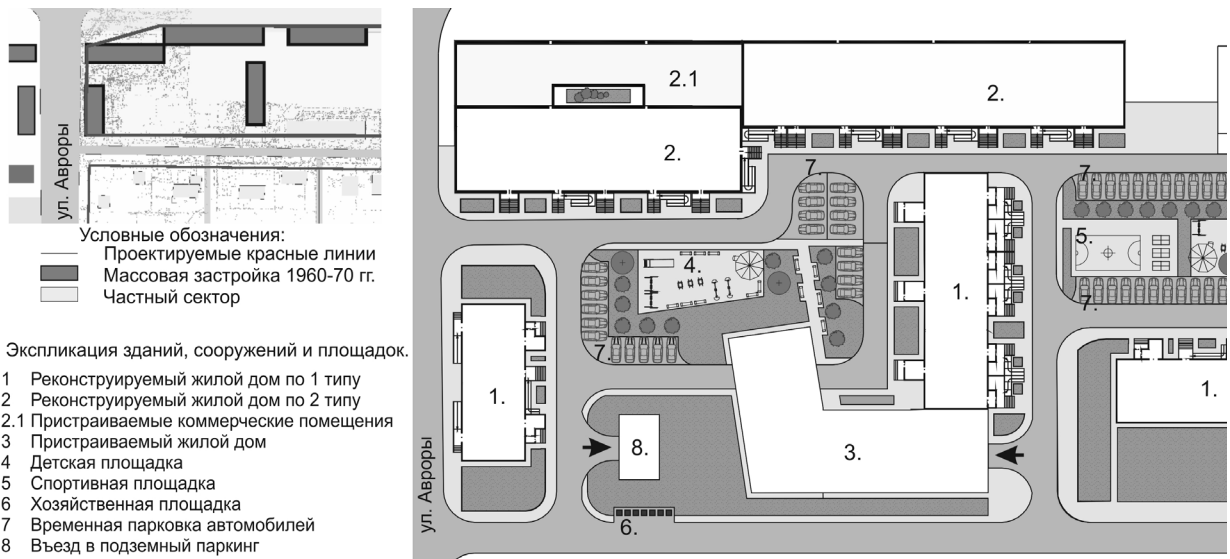

Рис. 12. Реконструкция жилой группы застройки индустриального строительства 1960-1970 гг.

какой-либо нагрузки, а перекрытия каркаса уширения дополняются вертикальными диафрагмами жесткости, причем уширение здания возможно в любой из комбинаций [7-9].

Вход в жилую часть здания расположен со двора, а в коммерческую – со стороны общественной зоны улицы. В входную группу входят: помещение охраны, холл, лестнично-коммуникационный блок. В домах, ориентированных с севера на юг, окна ряда квартир выходят на север, что не соответствует нормативам инсоляции. Решение данной проблемы производится планировочными методами. На 2-5-м этажах перепланировка осуществляется так, чтобы в двух- и трехкомнатных квартирах одна жилая комната имела ориентацию на юг, однокомнатные квартиры также должны иметь южную ориентацию. Проект реконструкции позволяет увели-

чить площади квартир за счет расширения корпуса и сокращения их числа, в ходе реконструкции к зданию пристраиваются лоджии. Высота этажей в реконструируемой части здания сохраняется 2,4 м, высота надстроенной части составляет 2,7 м.

Архитектурно-художественный образ здания складывается из медиа-фасадов, ярких красок первого этажа, насыщенного коммерческими объектами, чередованием плоскостей элементов ограждения, солнцезащитных устройств, остеклением лоджий и акцентами коммуникационных блоков.

В рамках квартала формируются группы жилых домов, включающих реконструируемые здания по первому и второму типу и новые жилые сооружения, пристроенные к существующим или отдельно стоящие (рис. 9). Жилая группа имеет замкнутую форму и образует частное пространство двора.

Дворовое пространство включает в себя места отдыха детей и взрослых, спортивные, хозяйственные площадки, территория для выгула собак, а также автостоянки. Организованы открытые временные автостоянки, подземные паркинги, гаражи. Подземный паркинг запроектирован под новыми строящимися зданиями и под площадками отдыха. На площадках отдыха необходимо установить лавочки, беседки, детские игровые комплексы, на площадках активного отдыха - спортивное оборудование, обустроить волейбольные и баскетбольные площадки. Уличное освещение должно обеспечивать в вечернее время хорошую видимость и выразительность наиболее важных объектов и повышать комфортность световой среды города.

Реконструкция с переходом от среднеэтажной к малоэтажной застройке (серия 1-464)

Реконструкция с переходом от среднеэтажной к малоэтажной застройке предполагает понижение этажности за счет разбора двух этажей, перепланировка квартир и разделение территории на индивидуальные участки [10-11]. Таким образом, жители будут иметь возможность сочетать все лучшие стороны жизни в городе и при этом иметь свой участок земли и гараж, подобно коттеджу.

В жилой дом организовано 15 входов, большинство квартир имеют отдельный вход, при каждой квартире имеется гараж и небольшой участок земли, либо терраса. Часть квартир, находящихся в уровне первого этажа, предназначены для маломобильных групп населения. В этих квартирах запроектирован отдельный вход с пандусом и небольшой террасой, расширены площади санузлов.

В ходе реконструкции жилого дома производится: разбор двух верхних этажей, устройство эксплуатируемой кровли, пристройка гаражей, дополнительных входных групп, перепланировка, восстановление перекрытий и балконных плит,

замена инженерного оборудования, замена оконных блоков, остекление лоджий. Реконструкция предполагает повышение уровня комфортности, который достигается при увеличении площади квартир за счет сокращения их количества. В каждой квартире организованы прихожая, кухня-столовая, гостиная, спальни и два санузла, гараж, огороженный участок. Гаражи, подобно коттеджам, пристроены к входной группе или к торцу дома. Высота этажей сохраняется 2,4 м от пола до потолка.

Архитектурно-художественный облик здания автор хотел максимально приблизить к частной застройке, для этого использовал натуральные природные материалы и фактуры – дерево, кирпич, пастельные оттенки покраски стен жилых домов, лоджий и террас. Входные группы и коммуникационные блоки выделяются цветом.

В проекте проработаны принципы энергосбережения: санация здания, утепление наружных стен, замена оконных и дверных блоков, установка ночных ставней, система вентиляции; устройство буферного пространства (неотапливаемых чердаков, лоджий, балконов) по периметру здания для сохранения тепла в жилых комнатах; обновление инженерных систем и оборудования для улучшения их эксплуатационных характеристик; введение система автоматического контроля (Direct Digital Control) и «умный дом» (Intelligent Building), которые регулируют процессы расхода энергии, настраивают параметры микроклимата для каждой комнаты в соответствии с изменениями эксплуатационного режима и параметров внешней среды; использование экологически безопасных строительных материалов – легкие стальные тонкостенные конструкции, пеноматериалы, древесина, теплоизоляционные плиты из минеральной ваты, изоляционные панели из рогаза с магнезитом [12-13].

Рис. 13. Реконструкция с переходом от среднеэтажной к малоэтажной застройке

Схема сложившейся градостроительной ситуации

Схема реконструкции жилой застройки индустриального строительства 1960-70 гг.

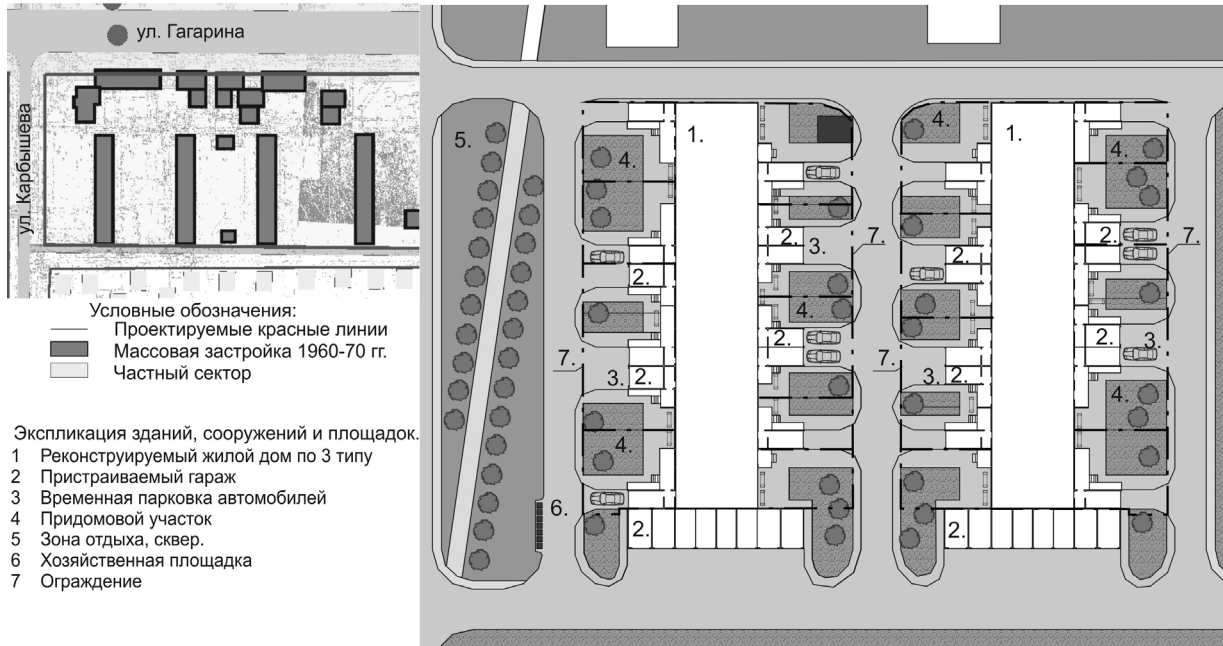

Рис. 14. Реконструкция жилой застройки индустриального строительства 1960-1970 гг.

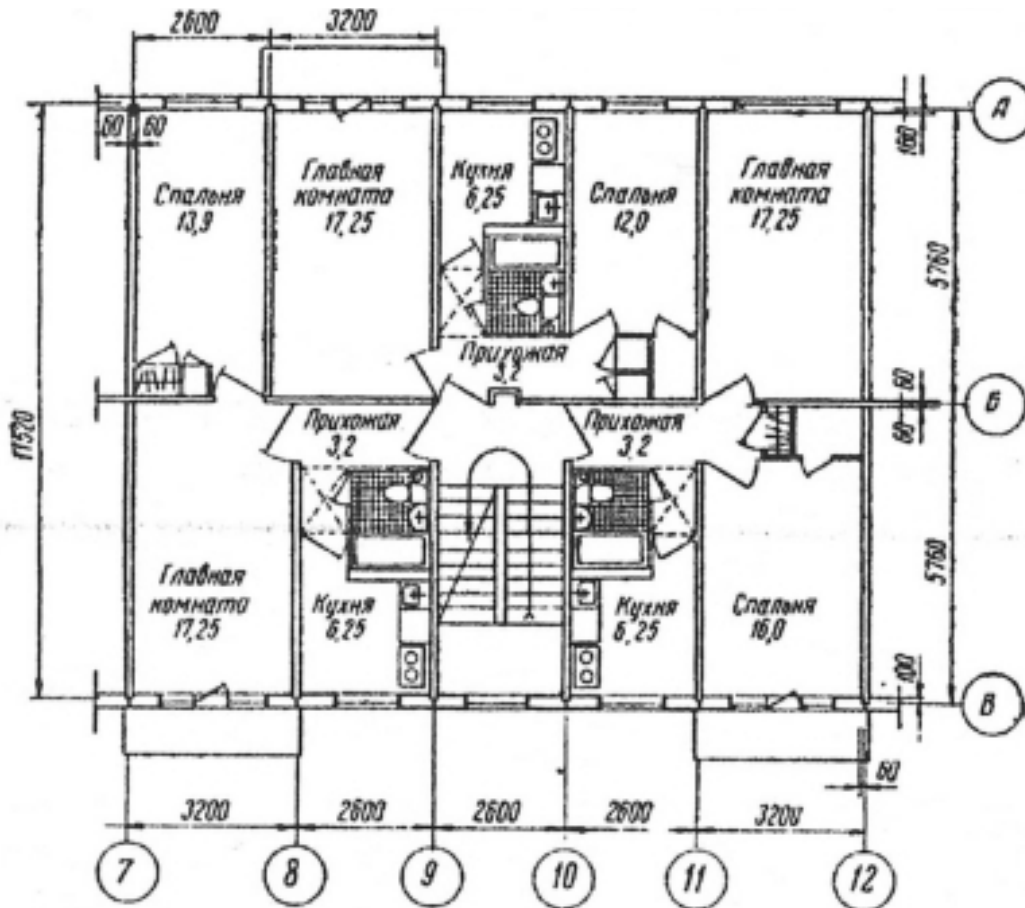

Рис. 15. План типового этажа жилого дома 1-464 серии

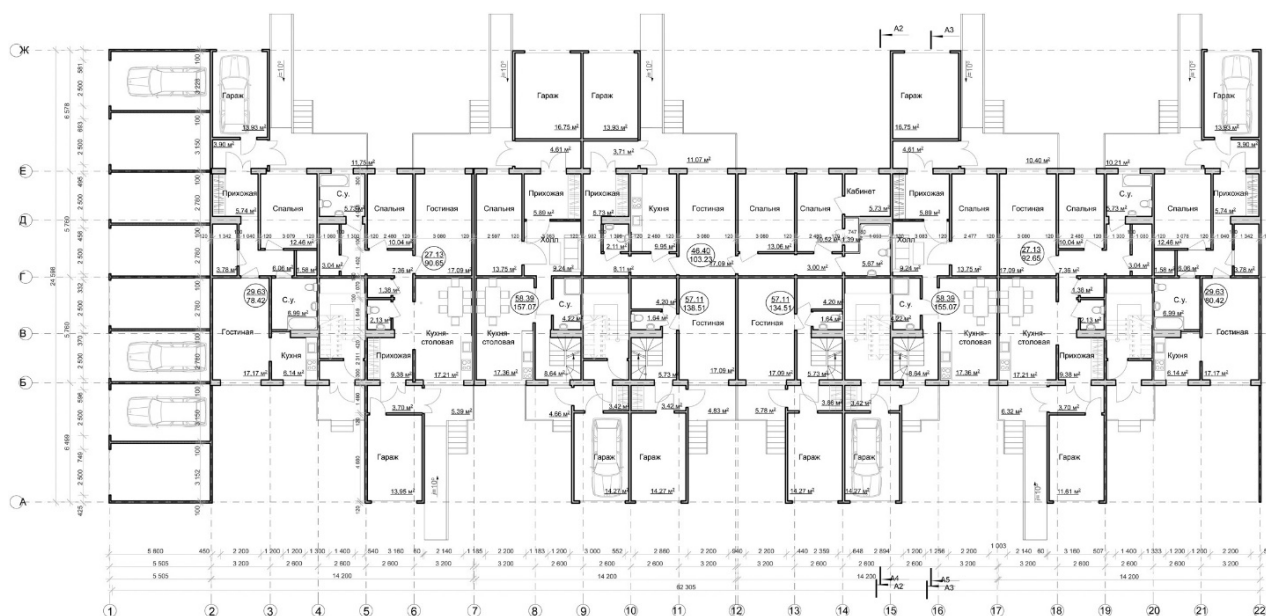

Рис. 16. План первого этажа. Реконструкция с переходом от среднеэтажной к малоэтажной застройке

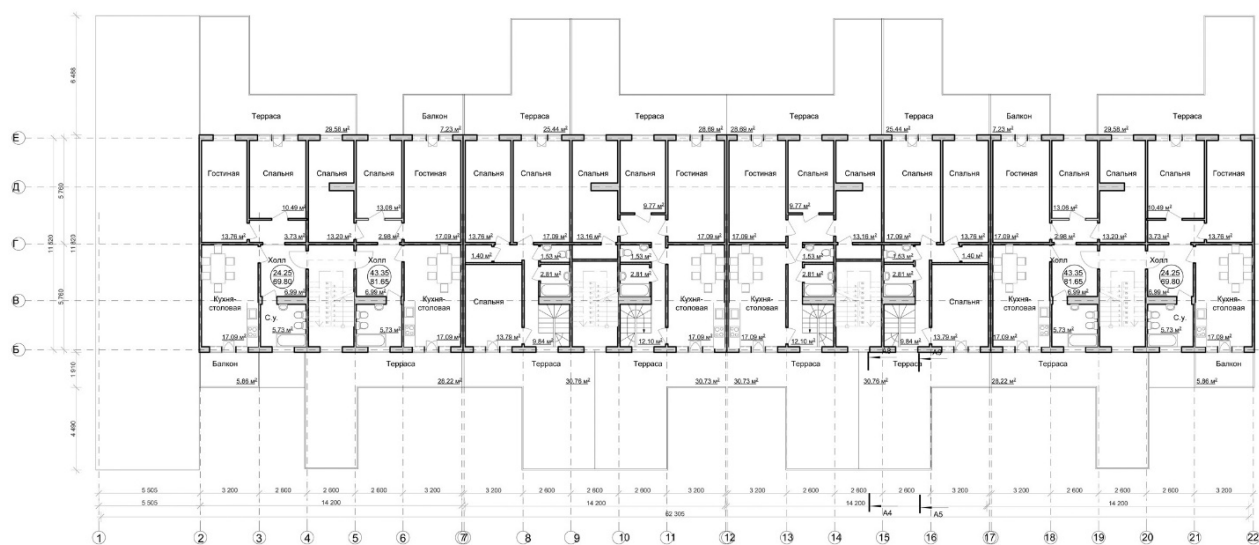

Рис. 17. План второго этажа. Реконструкция с переходом от среднеэтажной к малоэтажной застройке

Основная задача повышения энергоэффективности существующей застройки это снижение потерь энергетических ресурсов в процессе эксплуатации зданий, транспортировки и сокращение потребления энергии.

В процессе сноса существующей застройки и возведения новых зданий утрачивается недвижимость, появляются расходы на снос жилого дома, транспортирование, утилизацию, захоронение отходов; возникает необходимость переселения жителей и предоставление им иной жилой площади. Данный ряд негативных факторов подчеркивает экономическую целесообразность сохранения и реконструкции существующих строений.

Каждый из трех вариантов реконструкции решает определенные задачи. Реконструкция с надстройкой мансардных этажей позволяет увеличить количество квартир социального жилья для малообеспеченного населения. Реконструкция с переходом к малоэтажной застройке повышает уровень комфортности, обеспечивает жильем для маломобильных групп населения. Реконструкция с надстройкой пяти этажей повышает комфорт и объем жилой площади: увеличивает площадь и количество квартир, встраивается лифт, лоджии, на первом этаже расширяется площадь коммерческих объектов.

Реконструкция жилищного фонда массовой застройки является наиболее рациональным спо-

собою решения жилищной проблемы при ограниченных финансовых ресурсах. Она позволяет придать физически изношенным и морально устаревшим жилым зданиям современные потребительские качества, продлить их жизненный цикл, снизить эксплуатационные затраты, построить новое жилье на застроенной территории, существенно улучшить архитектурный облик и среду обитания в массивах индустриальной жилой застройки 1960-1970-х гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Меерович М.Г. Человек и микрорайон: история хрущевских реформ в СССР // Innovative project. 2016. Т.1, №4. С.8-12.
2. Ахмедова Е.А., Борисова Е. П. Этапы формирования градостроительных теорий в России XX века // Приволжский научный журнал. 2017. № 2. С. 143-152.
3. Борисова Е.П. Проблематика массовой жилой застройки и пути решения ее в современных российских условиях//Устойчивое развитие городской среды: сборник статей. Самара, 2016. С. 164-167.
4. Ахмедова Е.А. Современные требования к включению уплотнительной застройки в композиционно-планировочную структуру крупнейшего города // Innovative project. 2016. Т. 1. № 1. С. 44-47.
5. Борисова Е.П., Ахмедова Е.А. Мировой опыт реорганизации массовой застройки 60-70-х гг. XX в. в крупнейших городах // Градостроительство и архитектура, 2012. № 1.С. 6-10.
6. Тимохов Г.Ф. Модернизация жилых зданий. М.: Стройиздат, 1986.
7. Афанасьев А.А., Матвеев Е.П. Реконструкция жилых зданий. Ч. 2. Технологии реконструкции жилых зданий и застройки. М.,2008.
8. Генералова Е.М., Генералов В.П. Современные тенденции в архитектуре. Высотные жилые комплексы как форма массового доступного жилья (на примере Гонконга) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2014. Т. 16. № 2-2. С. 458-463.
9. Басин Е.В., Хихлуха Л.В. Реконструкция жилых домов первых массовых серий — актуальное перспективное направление деятельности строительного комплекса России // Проблемы реконструкции городов России. М.: РААСН, 1997. С. 10-11.
10. Выставка «Модернизация панельных зданий. Опыт Германии» [Электронный ресурс] URL: <http://archi.ru/events/2193/vystavka-modernizaciya-panelnyh-zdaniy-opyt-germanii>
11. Stefan Forster Architekten [Электронный ресурс] URL: <http://www.sfa.de/>

REFERENCES

1. Meerovich M.G. Man and microdistrict: the history of the Khrushchev reforms in the USSR // Innovative project. 2016. Vol. 1, No. 4. С.8-12.
2. Akhmedova E.A., Borisova E.P. Stages of formation of town-planning theories in Russia of the twentieth century // Privolzhsky scientific journal, 2017. № 2. P. 143-152.
3. Borisova E.P. Problems of mass residential development and ways to solve it in modern Russian conditions // Sustainable development of urban environment. Digest of articles. Samara, 2016. P. 164-167.
4. Akhmedova E.A. Modern requirements for the inclusion of sealing building in the composition and planning structure of the largest city // Innovative project. 2016. Vol. 1. 1. No. 1. P. 44-47.
5. Borisova E.P., Akhmedova E.A. World experience in the reorganization of the mass construction of the 60-70s. XX century. in the largest cities // Urban planning and architecture, 2012. № 1.С. 6-10.
6. Timokhov G.F. Modernization of residential buildings - Moscow: Stroyizdat, 1986.
7. Afanasyev A.A., Matveev E.P. Reconstruction of residential buildings. Part 2. Technologies for the reconstruction of residential buildings and buildings. - M., 2008.
8. Generalova E.M., Generalov V.P. Modern trends in architecture. High-rise apartment complexes as a form of mass affordable housing (in the example of Hong Kong) // Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences. 2014. T. 16. № 2-2. Pp. 458-463.
9. Basin E.V., Khikhluha L.V. Reconstruction of dwelling houses of the first mass series is an actual perspective direction of activity of the building complex of Russia // Problems of reconstruction of Russian cities. Moscow: RAASN, 1997. P. 10-11.
10. Exhibition «Modernization of panel buildings. Experience of Germany» [Electronic resource] URL: <http://archi.ru/events/2193/vystavka-modernizaciya-panelnyh-zdaniy-opyt-germanii>
11. Stefan Forster Architekten [Electronic resource] URL: <http://www.sfa.de/>

Для ссылок: Борисова Е.П. Три варианта реорганизации массовой жилой застройки Самары 1960-1970-х годов // Innovative project. 2017. Т.2, №1. С. 84-96. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.8

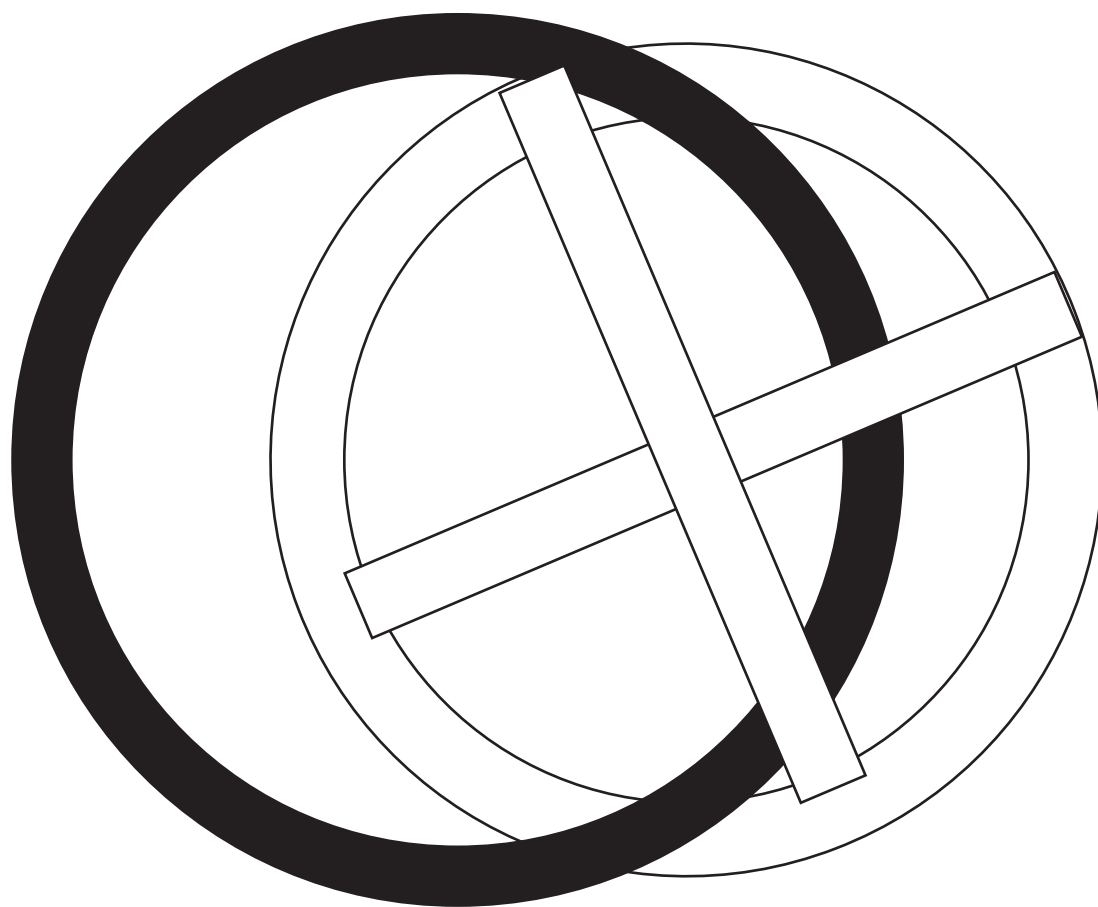
For references: Borisova E.P. Three variants of the reorganization of the mass housing estate of Samara in the 1960s-1970s. Innovative project. 2017. Vol.2, No 1. P. 84-96. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.8

5

98-104

ГОРОД ВНЕ ГОРОДА
CITY WITHOUT THE CITY

Раков Антон Петрович

Самарский государственный технический университет

Rakov Anton

Samara State Technical University

**ГЕЛИОЛИТОГРАФИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ – ТЕХНОЛОГИЯ 3D-ПЕЧАТИ
КАМЕННЫХ ОБЪЕКТОВ НА ЛУНЕ**
HELIOLITHOGRAPHIC LABORATORY - TECHNOLOGY OF 3D PRINTING OF STONE OBJECTS
ON THE MOON

Технология трёхмерной печати солнечным светом по лунному грунту сделает возможным изготовление первых каменных блоков на спутнике Земли. Строительные роботы построят первые в истории искусственные объекты на Луне. Появлению базы на Луне будут предшествовать экспериментальные необитаемые искусственные каменные объекты – монументы. В создании защиты для инфраструктуры лунных поселений будет активно использоваться реголит – осколочный лунный грунт. Первые обитаемые объекты на Луне будут иметь массивную и прочную защиту от микрометеоритов и радиации, которую предстоит изготавливать из местного строительного материала. Обитаемые оболочки, готовые принять первых поселенцев, будут доставлены с Земли.

The technology of three-dimensional printing by sunlight on lunar soil will make it possible to manufacture the first stone blocks on the Earth's satellite. Construction robots will build the first ever-artificial objects on the Moon. The appearance of a base on the Moon will be preceded by an experimental uninhabited artificial stone objects – monuments. Regolith-shrapnel lunar soil for protection of the infrastructure of lunar settlements will be actively used. The first inhabited objects on the Moon will have a massive and strong protection against micrometeorites and radiation, which will be made of local building material. Inhabited shells, ready to accept the first settlers, will be delivered from the ground.

Ключевые слова: *экстремальная архитектура, космос, освоение Луны, база на Луне, первый искусственный лунный камень, строительно-космическая робототехника, технология 3d-печати*

Keywords: *extreme architecture, space, moon exploration, base on the moon, the first artificial moonstone, construction and space robotics, 3d printing technology aeration, insolation, greening of construction*

В августе 2016 г. в опорном вузе СамГТУ получил поддержку проект «Технологии генной инженерии в сплавах для создания прототипа гелиолитографической лаборатории». По результатам конкурсного отбора руководителями этой междисциплинарной проектной команды (МПК) были назначены д.т.н. В.И. Никитин и к.арх. А.П. Раков [1].

В ноябре 2016 г. с рабочим визитом самарская делегация посетила НПО им. С.А. Лавочкина. На площадке одного из ведущих предприятий космической отрасли России состоялось совещание, в результате которого была достигнута договорённость о подписании трёхстороннего соглашения о сотрудничестве между ФГБОУ ВО «СамГТУ», ФГУП «НПО им. С.А. Лавочкина» и МБУК г. о. Самара «МВЦ «Самара Космическая». В ходе мероприятия стало понятно, что архитектурная точка зрения на перспективу лунного строительства во многом совпадает с точкой зрения специалистов космической отрасли [2]. Все специалисты согласны с тем, что на Луне необходимо использовать

специальный строительный 3d-принтер, который сможет спекать каменные детали сфокусированным солнечным светом из лунного грунта. Также докладчики совпали в оценке необходимости возведения на поверхности Луны защитных каменных оболочек для защиты лунной инфраструктуры [3]. Независимо друг от друга специалистами из разных отраслей были представлены очень похожие прогнозы.

Напомним, что инициативная группа кафедры инновационного проектирования и дизайнерская студия ООО «АДМ «Радизайн» объединили усилия в разработке архитектурной концепции обитаемого космоса ещё в 2010 г. В 2012 г. были сформулированы основные положения этой концепции, которые отражены в публикациях [4–7]. В 2014 г. автор статьи принял участие в создании экспозиции для Московского политехнического музея в павильоне № 26 на ВДНХ, где упомянутая архитектурная концепция была представлена пятью макетами, которые демонстрируют первые сооружения

на Луне и Марсе [8]. В разработке и изготовлении макетов принимали участие и студенты факультета дизайна. Интерес к архитектурной концепции лунного и марсианского строительства не случаен, он вызван точностью прогнозов. Точное футуристическое прогнозирование стало возможным благодаря специально разработанному методу. В 2013 г. автор статьи предложил «Метод гуманизации технических концепций» (МГТК) и защитил на эту тему кандидатскую диссертацию [9].

Суть метода заключается в реконструкции ассоциативных и семантических связей предметов разработки, которые позволяют точно прогнозировать искомые проектные решения. Новизна МГТК заключается в следующей гипотезе: любое изобретение не является случайным, а возникает под влиянием ноосферы на каждого конкретного специалиста.

МГТК позволяет прогнозировать появление тех или иных изобретательских задач. Так, например, стало очевидно, что перед появлением обитаемой базы на Луне необходимо будет изготовить первый искусственный камень на Луне (по аналогии с первым искусственным спутником) [9].

Первый искусственный камень (монумент) – это проще, дешевле и нужнее для текущего этапа освоения космоса. А при строительстве базы на Луне искусственные камни понадобятся для постройки защитных каменных панцирей вокруг обитаемых модулей. Изготовление самого первого искусственного камня, например, монумента на Луне, – это само по себе заметное событие мирового масштаба, которое может иметь и экономические, и политические перспективы.

Предстоящие эксперименты с изготовлением камней на Луне имеют как научный, так и коммерческий смысл. Напомним, что международные соглашения не запрещают продавать объекты, доставленные и произведённые на Луне [10]. В ближайшем будущем каменные детали понадобятся для возведения каменных панцирей над объектами лунной инфраструктуры.

Сейчас в СМИ активно обсуждается тема о законах, принятых в США и Люксембурге, а также о совместной инициативе Министерства иностранных дел РФ и ГК «Роскосмос», которые касаются перспектив использования космических ресурсов. Нас не могут не волновать эти события. Эксплуатация робототехники, которой мы занимаемся, предполагает использование космических ресурсов, а именно лунного реголита.

Мы разделяем опасения, связанные с возможностью одностороннего использования космических ресурсов, но, вместе с тем, понимаем вероятность торможения развития отраслей производства, связанных с космической деятельностью.

Попытки регламентировать использование космических ресурсов уже предпринимались. «Есть несколько основных документов, регулирующих распределение ресурсов и территории Луны – это «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела», принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года и «Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах», который принят резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 5 декабря 1979 года. Они запрещают национализацию и присвоение лунных территорий и ресурсов, признают законным юрисдикцию и контроль государств-участников соглашения над доставленными людьми, оборудованием и сооружениями, разрешают использование ресурсов для поддержания жизнедеятельности, обязывают эти ресурсы справедливо распределять. Однако международные соглашения не запрещают продавать объекты, доставленные и произведённые на Луне. Продажа объектов не противоречит декларируемому принципу справедливого распределения ресурсов. Получается, искусственный камень на Луне – это инструмент легализации продаж лунных ресурсов и территорий. Переработка лунного реголита в камень (строительный блок) – технология, которая начинает процесс справедливого распределения ресурсов. «Справедливого» в данном случае означает «взаимовыгодного». Так что коммерческая деятельность на Луне не просто возможна, она неизбежна» [11].

У международного сообщества просматривается два принципиально различающихся подхода к использованию космических ресурсов.

Самый простой и, наверное, нежелательный, если государства или корпорации, обладающие соответствующими техническими возможностями, без оглядки на мнение международного сообщества, начнут экспроприацию космических ресурсов. Но есть и другой подход.

Очевидно, что наша страна в такой ситуации должна выступить в ООН с другой, более конструктивной инициативой. Конечно, нужно консультироваться со специалистами в области международного права, но, отталкиваясь от

принципов справедливости, главную идею можно сформулировать уже сейчас. На уровне ООН кажется разумным сделать следующее:

1. Уточнить закреплённые международными соглашениями равные права каждого государства на комические ресурсы и искать пути взаимовыгодного сотрудничества между странами.

2. Выступить в ООН с инициативой по созданию «Международного космического агентства» (МКА), которое представляло бы интересы всего мирового сообщества, а не только частного капитала.

3. Ввести компенсационные сборы за использование ресурсов на Луне и астероидах в коммерческих целях (за исключением целей жизнеобеспечения и научных исследований).

4. Средства от вышеуказанных сборов МКА направлять на реализацию прав всех государств на космические ресурсы.

Разрабатываемая нами архитектурная концепция отводит лунному камню особую роль в процессе освоения Луны. Мы считаем, что лунный камень — это важное условие закрепления человека в новой среде. При этом важно отметить, что наше предложение не исключает использования имеющихся наработок. Мы лишь настаиваем на том, что доставленные с Земли модули нужно защищать при помощи каменных конструкций из реголита.

При этом между конструкциями из искусственного лунного камня и доставленными с Земли модулями мы предусматриваем существенное расстояние — это нужно для визуального контроля обеих конструкций. Просто засыпать жилые модели (и твёрдые, и надувные) — это совершенно неверное решение. Такое решение в недавнем прошлом предлагалось, конечно, но как одна из версий. Более современные варианты, предлагаемые специалистами космической отрасли, предполагают насыпь, которая была бы сделана по доставленному с Земли навесу.

Мягко говоря, удивляет проект, выполненный бюро Нормана Фостера (рис. 1) [12]. В презентационных материалах по проекту показывается использование трёхмерной печати, но в результате мы видим объекты, которые больше похожи на обычную насыпь из грунта. Никаких зазоров между этими конструкциями не предложено, а образ производит отталкивающее впечатление. Мы считаем, что даже на Луне человек должен жить в объектах, которые похожи на дома, а насыпи из грунта над человеком — это больше похоже на некрополь.

Армированные каменные конструкции в обозримом будущем мы, скорее всего, не получим. В такой ситуации кажется логичным вернуться к использованию некоего подобия античной ордерной системы при создании каменных оболочек. Актуальным станет перекрытие пролётов каменных конструкций при помощи римских арок и сводов. Колонны по периметру и засыпка камнями на кровле предотвращают деформации и расширения камней, которые возникают от нагрева солнечными лучами. Удивительно, но даже с современной техникой в Космосе и, в частности, на Луне мы оказываемся такими же незащищёнными, как были на Земле в древности. Экстремальная среда подталкивает нас использовать полноценные решения, которые одновременно полезны, прочны и красивы (рис. 2).

Время от времени возникают предложения печатать лунные объекты целиком, а не по частям. Печать домов целиком — это уже отработанная технология. Однако практика показывает, что печать дома целиком требует очень высокой скорости работы устройства. И чем больше масштаб объекта, тем выше должна быть скорость работы такого устройства. Если же разбить объект на детали, то увеличение скорости работы достигается просто потому, что над одним и тем же объектом

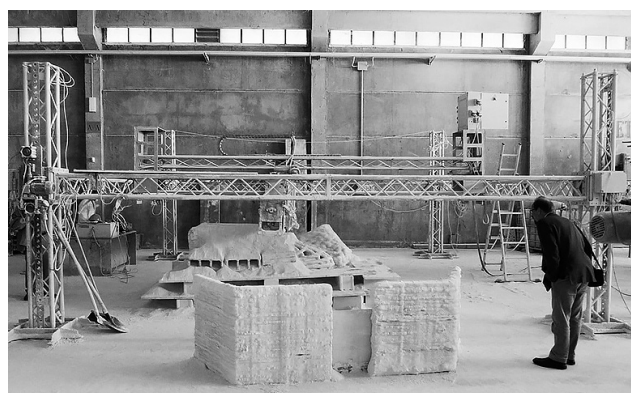
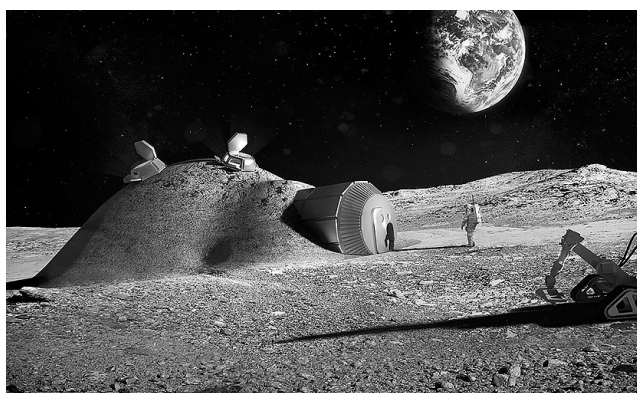

Рис.1. Lunar Habitation, арх. Foster + Partners (2012 г.) и модель технологии её трёхмерной печати

Рис.2. Постройки на Луне, гелиолитограф и манипуляторы

смогут работать несколько устройств небольшого размера. И чем больше устройств работает над конструкцией, тем быстрее движется строительное производство. Всё как на Земле: один строитель, теоретически может построить небольшой дом, но это потребует колоссального количества времени, тогда как бригада строителей справится с такой работой гораздо быстрее.

Созданием робототехники, которая может пригодиться на Луне, занимаются учёные в разных странах. «В нашем университете тоже разрабатываются аппараты, которые призваны облегчить строительство на Луне, в том числе 3D-принтеры для печати объектов из лунного грунта. Особенность нашей идеи состоит в том, чтобы отделить принтер (гелиолитограф) от манипулятора. Манипулятор-робот вместо астронавта будет собирать грунт для загрузки в гелиолитограф и перемещать уже готовые каменные детали. А принтер будет послойно спекать реголит отраженным и сфокусированным в точку солнечным светом. Обычно указывают на недостаток верхних слоев иноземного грунта — они обладают повышенной радиоактивностью. Но на глубине 30 см процент радиоактивного гелия уже значительно ниже. А значит проблем с использованием реголита в качестве материала для «лунных кирпичей» нет» [13]. Таким образом, у нашей междисциплинарной команды углубляется понимание необходимости в создании специальной робототехники строительного-космического назначения. Ключевая роль в создании каменных блоков на Луне возлагается на технологию трёхмерной печати.

Известно немало 3D-принтеров различного назначения и конструкции [14, 15]. Наиболее

яркими и интересными являются проекты Маркуса Кайзера и Энрико Дини. Однако и у этих проектов есть особенности, которые затрудняют применение их на поверхности Луны. Аппарат Solar sinter, разработанный Маркусом Кайзером, использует для спекания частиц песка солнечный свет, но требует постоянного ручного обслуживания. Маркус Кайзер оборудовал свой аппарат линзой Френнеля, которая всегда направлена на Солнце, но такой способ фокусировки приводит к потере мощности на восходе и закате Солнца в результате изменения угла падения сфокусированного луча [16]. Аппарат, разработанный Энрико Дини, тоже обслуживается вручную и к тому же использует воду для связывания сыпучей смеси, что затруднительно в условиях физического вакуума лунной среды [17].

Любопытно то, что никто из инноваторов не видит необходимости и значимости создания на Луне каменных экспериментальных монументов и защитных сооружений до постройки обитаемой станции для человека. Проблема поиска строительного материала и технологии изготовления каменных объектов на Луне с разработкой соответствующего вида робототехники положена в основу проекта «Технологии генной инженерии в сплавах для создания прототипа гелиолитографической лаборатории» (руководители В.И. Никитин и А.П. Раков), который сокращённо называется «Синтелит».

Одна из задач междисциплинарной проектной команды «Синтелит» – изготовить и испытать опытный образец автономного устройства для спекания сыпучих смесей (аналогичных лунному грунту) при помощи солнечного света, чтобы в

земных условиях доказать возможность создания деталей для защитных каменных конструкций на Луне. В ходе работы предстоит адаптировать уже известную технологию трёхмерной печати для автономной работы в условиях Луны.

Название проекта МПК «Синтелит» и название устройства «гелиолитографическая лаборатория» раскрывают суть технологического процесса. Устройство состоит из двух основных модулей – гелиолитографа и манипулятора. Предполагается, что модуль с названием манипулятор будет собирать грунт для загрузки в гелиолитограф и перемещать готовые каменные детали, а гелиолитограф, используя усовершенствованную технологию трёхмерной печати, будет послойно спекать реголит отражённым и сфокусированным в точку солнечным светом.

Впереди много работы. Во-первых, предстоит опробовать и, при необходимости, скорректировать предлагаемую проектом систему фокусировки солнечного света, которая отличается от известных аналогов, например, тем, что количество света в точке фокуса не зависит от высоты Солнца над горизонтом.

Во-вторых, необходимо будет исключить из технологического процесса любое внешнее обслуживание устройства. Развёртывание на местности, сбор сыпучих материалов с поверхности, загрузка материалов, распечатка и засыпка слоёв, ориентация по направлению солнечного света, удаление незакрепленного сыпучего материала, транспортировка изготовленных деталей – всё это перспективное устройство должно выполнять самостоятельно. При этом действующая модель должна демонстрировать ключевые возможности технологии.

И, в-третьих, предстоит определить точные параметры технологического процесса (например, порядок выполнения операций, рабочую температуру в точке фокуса и скорость перемещения точки фокуса).

В 2017 г. в рамках заявленного проекта мы начали взаимодействовать со специалистами РКК «Энергия» им. С.П. Королёва. В 2018 г. наш проект привлёк внимание ГК «Роскосмос». В марте 2018 г. подана заявка, по результатам которой состоялось предварительное заслушивание проекта на Национальной технологической инициативе (группа «Аэронет», подгруппа «Спейснет»).

Мы верим в необходимость и важность создания серии первых в истории, даже необитаемых построек на Луне. По этой причине мы занялись

проектами робототехники строительно-космического назначения и, в частности, «Гелиолитографической лаборатории» – 3д-принтера и манипулятора для спекания реголита в каменные блоки. Мы заняты разработкой технологии, которая ляжет в основу будущего строительно-космического сервиса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Протокол № 2016/8/08-2 очного рассмотрения заявок на участие в конкурсе по отбору руководителей междисциплинарных проектных команд по Программе развития СамГТУ до 2020 года // СамГТУ URL: http://su.samgtu.ru/sites/su.samgtu.ru/files/protokol_2.pdf (дата обращения: 08.12.2016).
2. Проект Политеха по освоению Луны поддержали федеральные эксперты // СамГТУ URL: <http://www.samgtu.ru/news/proekt-politeha-po-osvoeniyluny-podderzhali-federalnye-eksperty> (дата обращения: 23.11.2016).
3. Багров А.В., Нестерин К.М., Пичхадзе К.М., Сысоев В.К., Сысоев А.К., Юдин А.Д. Анализ методов строительства конструкций лунных станций // Вестник НПО им. С.А. Лавочкина. 2014. №4. С. 75–80.
4. Раков А. П. Принципы работы с формой в архитектуре экстремальных условий обитания // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 5. С. 567–570.
5. Раков А. П., Малахов С.А. Футуристическое предсказание в формообразовании // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14, № 2. С. 260–263.
6. Раков А. П. База на Луне с архитектурной точки зрения // Управление движением летательных аппаратов: сб. тр. XV Всерос. семинара по управлению движением и навигации летат. аппаратов. Самара: Самар. гос. аэрокосм. ун-т., 2012. Ч. II. С. 214–216.
7. Раков А. П. Обитаемые объекты на Луне. Прогноз и реальная форма // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: материалы 67-й Всерос. науч.-техн. конф. по итогам НИР / СГАСУ. Самара, 2010. С. 383–384.
8. Проект искусственного лунного камня // Архитектурные и дизайнерские мастерские Радизайн URL: <https://www.adm-radesign.ru/селенолит/> (дата обращения: 27.12.2016).
9. Раков А.П. Метод гуманизации технических концепций в архитектуре экстремальных условий обитания: дис. ... канд. арх. наук: 05.23.20. Н. Новгород, 2013. 150 с.
10. Международно-правовые вопросы освоения космоса: материалы круглого стола XI ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. Москва, 12 апреля 2013 г. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Г. П. Жуков, А. М. Солнцев. М.: РУДН, 2014. 99 с.

11. Освоение Луны: от фантастических сценариев к реальным проектам // www.forbes.ru URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/341999-osvoenie-luny-ot-fantasticheskikh-scenariiev-k-realnym-proektam> (дата обращения: 11.11.2017).
12. Lunar Habitation // www.fosterandpartners.com URL: <http://www.fosterandpartners.com/projects/lunar-habitation> (дата обращения: 11.01.2018).
13. Дом на Луне: жилье в космосе будут печатать на 3D-принтере // www.forbes.ru URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/356703-dom-na-lune-zhile-v-kosmose-budut-pechatat-na-3d-printere> (дата обращения: 13.02.2018).
14. Технология трёхмерной печати [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zcorp.com/ru/home.aspx> (дата обращения: 18.06.2017).
15. Трёхмерные принтеры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jetcom.ru> (дата обращения: 18.06.2017).
16. Markus Kaiser: офиц. сайт дизайнера. Режим доступа: <http://www.markuskayser.com/work/solarsinter/> (дата обращения: 29.06.2014).
17. D-shape: офиц. сайт компании Энрико Дини. Режим доступа: <http://www.d-shape.com> (дата обращения: 17.06.2014).
18. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // Официальный сайт Организации Объединённых Наций URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 16.01.2016).
19. Малахов С.А. Композиционный метод как эксперимент по возникновению новой функции и нового языка // Градостроительство и архитектура. 2012. № 4(8). С. 48–52. DOI: 10.17673/Vestnik.2012.04.9.
20. Репина Е.А. Катастрофа прогресса и природа инноваций // Инновационные методы и технологии в высшем архитектурном образовании: (Материалы международной научной конференции. XVII международный смотр-конкурс) / СГАСУ. Самара, 2008. С. 218–229.
1. Protocol No. 2016/8 / 08-2 full-time examination of applications for participation in the competition for the selection of managers of interdisciplinary project teams for the Development Program of SamSTU to 2020 // SamSTU URL: http://su.samgtu.ru/sites/su.samgtu.com/files/protokol_2.pdf (date of circulation: 08.12.2016).
2. The Politech Project for the Development of the Moon was supported by federal experts // SamSTU. URL: <http://www.samgtu.ru/news/proekt-politeha-po-osvoeniyu-luny-podderzhali-federalnye-eksperty> (date of circulation: 23.11.2016).
3. Bagrov A.V., Nesterin K.M., Pichkhadze K.M., Sysoev V.K., Sysoev A.K., Yudin A.D. Analysis of methods for constructing lunar station designs // Vestnik NPO im. S.A. Lavochkin. 2014. №4. Pp. 75-80.
4. Rakov, A.P. Principles of working with a form in the architecture of extreme habitat conditions. Izvestiya Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences. 2010. T. 12, No. 5. P. 567-570.
5. Rakov A.P., Malakhov S.A. Futuristic prediction in form formation // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2012. P. 14, No. 2. P. 260-263.
6. Rakov A.P. The base on the Moon from the architectural point of view // Control of the movement of aircraft: Sat. tr. XV All-russian seminar on motion control and navigation. Samara: SSAU, 2012. Part II. Pp. 214-216.
7. Rakov A.P. Inhabited objects on the Moon. Forecast and the real form // Traditions and innovations in construction and architecture: / SGASU. Samara, 2010. P. 383-384.
8. Project of artificial moonstone // Architectural and design workshops Radesign URL: <https://www.admradesign.ru/selenolit/> (date of circulation: 27.12.2016).
9. Rakov A.P. The method of humanizing technical concepts in the architecture of extreme habitat conditions: dis. ... cand. arch.: 05.23.20. N. Novgorod, 2013. 150 p.
10. International legal issues of space exploration: materials of the round table of the XI annual international scientific and practical conference «Actual problems of modern international law», dedicated to the memory of Professor IP Blyshchenko. Moscow, April 12, 2013 / otv. Ed. A. Kh. Abashidze, G. P. Zhukov, A. M. Solntsev. Moscow: RUDN, 2014. 99 p.
11. Mastering the Moon: from fantastic scenarios to real projects // www.forbes.ru URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/341999-osvoenie-luny-ot-fantasticheskikh-scenariiev-k-realnym-proektam> (date of reference: 11.11.2017).
12. Lunar Habitation URL: <http://www.fosterandpartners.com/projects/lunar-habitation> (reference date: 01/11/2018).
13. House on the Moon: housing in space will be printed on a 3D printer // www.forbes.ru URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/356703-dom-na-lune-zhile-v-kosmose-budut-pechatat-na-3d-printere> (date of circulation: 13.02.2018).
14. Technology of three-dimensional printing [Electron resource]. Access mode: <http://www.zcorp.com/ru/home.aspx> (date of circulation: June 18, 2017).
15. Three-dimensional printers [Electron resource]. Access mode: <http://www.jetcom.ru> (date of circulation: June 18, 2017)
16. Markus Kaiser. Access mode: <http://www.markuskayser.com/work/solarsinter/> (date of circulation: June 29, 2014).
17. D-shape: Offic. site of the company Enrico Dini. Access mode: <http://www.d-shape.com> (date of circulation: June 17, 2014).
18. Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies // UN URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (date of treatment: 01/16/2016).
19. Malakhov S.A. Compositional method as an

experiment on the emergence of a new function and a new language // Urban planning and architecture. 2012. No. 4 (8). Pp. 48-52. DOI: 10.17673 / Vestnik.2012.04.9.

20. Repina E.A. Disaster of progress and the nature of innovation // Innovative methods and technologies in higher architectural education: (Materials of the international scientific conference, XVII international review competition) / SSSAU. Samara, 2008. P. 218-2291.

Для ссылок: Раков А.П. Гелиолитографическая лаборатория – технология 3d-печати каменных объектов на Луне // Innovative project. 2017. T.2, №1. С. 98-104. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.9

For references: *Rakov A.P. Heliolithographic laboratory - technology of 3D printing of stone objects on the Moon. Innovative project. 2017. Vol.2, No 1. P. 98-104. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.9*

6

106-120

МАСТЕРСКАЯ

WORKSHOP

Гудков Семен Алексеевич, Жукова Ирина Евгеньевна

Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»

Gudkov Semen, Zhukova Irina

Samara University of public administration «International Market Institute»

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ БЕСКОНФЛИКТНОЙ РЕНОВАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ CULTURAL CODES AS AN INSTRUMENT OF CONFLICT-FREE RENOVATION OF THE URBAN ENVIRONMENT

Статья посвящена исследованию культурных кодов, их особенностей и значимости в контексте развития территорий. По мнению авторов, решение проблемы реновации внутригородских пространств (браунфилдов) видится в смене градостроительной парадигмы от «застройки» к «развитию». Проанализировав и доказав ценность культурных кодов в рамках реновации территорий, на основе реальных российских и зарубежных кейсов предложен ряд механизмов, которые помогают проводить реновацию без отрыва от контекста и культурных кодов территории.

The article is devoted to the study of cultural codes, their features and significance in the context of development of territories. In the authors' opinion, the solution to the problem of renovation of interurban spaces (brownfields) is seen in the change of the town-planning paradigm from «development» to «evolution». Having analyzed and proved the value of cultural codes within the framework of the renovation of territories, a number of mechanisms have been proposed on the basis of real Russian and foreign cases that help to carry out renovation without interruption from the context and cultural codes of the territory.

Ключевые слова: культурный код, территориальное развитие, бесконфликтная реновация, город, реновация
Keywords: cultural code, territorial development, conflict-free renovation, city, renovation

Современные тренды экстенсивного роста российских городов в рамках агломерационных процессов обуславливают нарастание проблем как социального, так и экономического развития территорий. В теории и практике развития городов на смену парадигме урбанизации «вширь» должны прийти подходы, основанные на урбанизации «вглубь». Уплотнение городов — естественный и неизбежный процесс, а значит встает вопрос об эффективном развитии и ревитализации внутригородских территорий.

При этом в российской практике парадигма «застройки» сегодня доминирует над парадигмой «развития». На первый план выходит подход, основанный на количественных показателях: девелопер и местная власть в погоне за прибылью и показателями по вводу жилья редко учитывают контекст и специфические особенности территории, «дух места». В общем, то, что принято считать культурным кодом территории.

По Лотману, культурный код места представляет ненаследственную память человечества, коллективный интеллект и коллективную память, т.е. наиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (смыслов) и выработки новых [1]. Ю. Лотман, формулирует такие понятия, как «семиотика пространства», «образ города», «текст, код, знак, синтаксис, семантика

пространства архитектуры». Под городским текстом в широком смысле понимают универсальное множество элементов культуры города (литература, архитектура, музыка, ландшафт, живопись, скульптура, символы, фольклор, мифы территории и др.), объединенных целостностью, однородностью и индивидуальностью [2].

С точки зрения антропологического подхода, выраженного в работах К.Клакхона, А. Кребера [3], культура — это результат естественного эволюционного развития, охватывающего все сферы человеческой жизнедеятельности. При этом в ней есть как рациональные, так и иррациональные начала. Оба этих проявления одинаково важны и ценны, создавая исторический и культурный контекст. Иррациональное и рациональное начало городской культуры у Анциферова объединяется в понятии «гений места» как архетипа пространства. Об этом, в частности, говорится в его работах «Душа Петербурга», «Пути постижения города как социального организма. Опыт комплексного подхода» [4,5].

Исходя из данных подходов, можно дать универсальное определение культурных кодов. Культурные коды — это комбинация рациональных и иррациональных знаков, символов, образов места, имеющих целостную структуру, полученных в результате постепенного эволюционного развития

территории, выполняющих функции наследственной памяти места и формирующих его уникальность и идентичность.

Новая застройка, оторванная от контекста, порождает упадок целых кварталов и частей города. Происходит деструкция города строительством: новые здания становятся чужеродным элементом городской ткани, «разрывая ее», снижая ценность для горожан, преобразуя публичные блага исторических пространств в частные блага, доступные владельцам новой элитной недвижимости [6]. Выделяются два вида последствий такой деструкции:

1) последствия для функционально-морфологического состояния города (возрастание гетерогенности пространства на локальном уровне, и возникновение гомогенности на уровне общегородском);

2) последствия для процесса управления городом (отсутствие преемственности в проводимой политике, вынужденность принятия «экстренных мер», бессистемность).

Особенную опасность данные процессы представляют для территорий в рамках сложившегося городского пространства с высокой концентрацией культурных пластов и кодов места – браунфилдов.

Качественный подход к развитию браунфилдов предполагает самопознание территории, поиск и утверждение собственной идентичности через открытие культурных кодов, с целью раскрытия потенциала и привлечения ресурсов для развития. Это может быть:

- литература, музыка, к примеру, минская локальная поэзия;

- ландшафт, видовые точки;

- живопись, скульптура, архитектура, например, Белая башня в Екатеринбурге, ставшая символом не только района Уралмаш, но и целого города;

- местные символы, фольклор, мифы территории, например, Самарская легенда о «Стоянии Зои»;

- уличная мебель, например, старая изогнутая лавка на территории одного и самарских дворов, служившая географическим ориентиром и мощным символом идентичности места, убранная в рамках благоустройства в 2018 г.;

- событие, личность, «гений места».

Кроме того, как показывает Кэролин Стил в своей работе «Голодный город. Как еда определяет нашу жизнь», еда и уникальная местная кухня в качестве культурного кода могут формировать идентичность места и способствовать оживлению

и развитию территории [7]. Данный тезис подтверждается, в частности, опытом Коломны, где найденный местными энтузиастами рецепт фирменной коломенской пастилы стал не только местным брендом, но и смог в дальнейшем привлечь внимание к проблемам развития территории. Согласно иной классификации выделяют визуальные, телесные (тактильные), слуховые, вкусовые коды, а также коды обоняния. Можно выделить еще один вид восприятия кодов – интуитивный, представляющий собой комплекс всех остальных.

Несет ли каждый из этих символов особую информационную нагрузку? Нет, но объединенные между собой общностью территории эти символы создают уникальность места и ощущение «дома», т. е. служат системой маркеров для пришедшего из другого пространства человека, а именно – культурным кодом. Именно поэтому при ревитализации территории невозможно учитывать и сохранять только избранные коды. Любое вычленение и удаление «ненужных» или нежелательных кодов приведет к разрушению целостности городского текста. Сила образа города заключается в его единстве.

Данный тезис, в частности, подтверждается опытом современных мегаполисов. Несмотря на эксперимент планировщиков-функционалистов, стремившихся упорядочить города за счёт тотального запроективирования городского пространства на основе математически выверенных градостроительных моделей, территории с мощным культурным кодом, которые французский историк Мишель де Серто называет «мутными пятнами» или «очагами сопротивления», прорастали в чётко выверенной сетке города, словно цветы сквозь асфальт [8, с.108]. В большинстве случаев попытки построить город с чистого листа и сформировать новый нарратив на месте разрушенного закончились провалом. По мнению де Серто, в городском мире есть место «воображаемому». Существуют объекты, которые являются принципиально иным субъектом пространства – это «духи места». Это может быть здание, наполненное мифами, легендами и поэтикой, может быть место схода жителей, связывающее своим существованием несколько поколений. Опыт Нью-Йорка показывает, что даже обычное дерево в небольшом парке может быть местом притяжения местных жителей и даже подлинным домом для тех, кто не имеет крыши над головой. По мнению де Серто, при планировании часто признают только те объекты, которым подходит критерий «национального достояния»,

отметая все остальное и уничтожая жизнь в квартале, что приводит к музеефикации и консервации территории. При этом проблема практик развития территорий посредством джентрификации, популярных, например в США, заключается в уничтожении духа места, присущего пространству, и привнесении нехарактерных для данного места смыслов и наборов функций. «То, как североамериканец входит в НЛМ [бюджетный дом], как человек из Родеса управляет своим бистро, как уроженец Малахова кургана [пригород Парижа] спускается в метро, как девушка из шестнадцатого округа носит джинсы и как прохожий рисует граффити, читая плакат... Все эти практики «деланья», полисемичные обычаи мест и вещей, нужно поддерживать реновацией» [8, с.119]. Поэтому основной задачей реновации де Серко называет реставрацию нарратива.

Встает вопрос, какой же подход может обеспечить столь необходимый учёт городского текста, его символов, знаков и кодов? Такими инструментами могут стать:

- Бесконфликтная реконструкция
- Субтерриториальный подход
- Партисипаторные практики
- Диалоговое проектирование
- Игровой подход
- Проектное управление

Метод бесконфликтной реконструкции. Несмотря на свое название, в основе данного подхода лежит конфликт, но данный конфликт носит характер запланированного культурного противостояния, а директивное развитие сменяется парадигмой саморазвития территории. Диалог сторон и анализ ценностного уровня в итоге приводит не только к естественной и эволюционной трансформации городской ткани в рамках органической теории города, но и служит катализатором развития городской активности, порождая формирование феномена «профессиональных горожан».

Субтерриториальный подход. В России очень велика роль сакрального. Любой проект должен опираться на нечто большее, чем исключительно экономический или политический аспект. Таким механизмом развития территории, при сохранении символического, эмоционального уровня места, может стать выделение субрегиона, субтерриторий и иных надтерриториальных, символических образований. Данный подход хорошо зарекомендовал себя в тех местах, где исключительно мощный культурный код территории стал превалировать над административными и даже

природными границами. В частности, исследованиями таких территорий занимался В. Глазычев. По его мнению, выделение субтерриториальной единицы позволяет встроить культурные коды в агломерационные процессы и наделить территорию субъектностью в рамках культурно-исторического процесса [9]. Правда, стоит признаться, что в настоящих условиях проблематики межмуниципального взаимодействия, централизации и фактического отсутствия муниципального уровня власти, а также в силу неразвитости культуры договоренностей, данный подход является маловероятным. Но это не должно отменять дискуссий и исследований по данному вопросу.

Партисипаторные практики. Международные партисипаторные практики и механизмы соучаствующего проектирования уже сейчас активно применяются при ревитализации территорий. В частности, речь идет о партисипаторном, или в российской терминологии, инициативном бюджетировании. Данный механизм предполагает участие граждан в распределении муниципальных ресурсов при условии внесения своего, пусть и небольшого вклада. Часто необходимость оплаты части расходов заменяется различными видами работ на объекте или поставкой необходимых ресурсов. На данный момент в мире наиболее распространены два вида партисипаторного бюджетирования: «массовая» и «экспертная» модели. Массовая модель, как и сама практика, пришла из

Рис.1. Оценочные данные по реализации программ инициативного бюджетирования в 2015-2016 гг. Источник: Центр инициативного бюджетирования НИФИ Минфина России, Комитет гражданских инициатив

Бразилии и заключается в массовом участии граждан за понравившиеся проекты посредством прямого голосования. В рамках данной модели голосования превращается в праздник для всей семьи. Противоположностью данной модели является экспертная модель, в рамках которой ограниченное число представителей, пройдя необходимые краткие ознакомительные курсы, также принимают решение о распределении средств. В контексте культурных кодов данная модель позволяет не просто узнать от местных жителей об уникальных особенностях территории, но и дает возможность принять участие в жизни конкретного района или двора. На данный момент перспективность подобных инициатив подтверждается опытом таких проектов как «Твой бюджет» в Петербурге и «Народный бюджет».

Если изначально, в 2007 г., реализация программы осуществлялась лишь в 8 регионах, то на данный момент охват составляет порядка 30 субъектов РФ, участвующих в программе развития инициативного бюджетирования. При этом каждый пятый проект направлен на благоустройство территории либо создание или реконструкцию общественных пространств.

Логическим продолжением подобных инициатив можно считать диалоговое проектирование, или, словами самарского архитектора С.А. Малахова, — «встречное проектирование». Такой вид проектирования позволяет не только глубоко

проанализировать пласт культурных и смысловых институций, но и привлечь внимание самих жителей, сформировать новый образ и изменить парадигму смирения и апатии, на парадигму соучастия и соразвития [10]. Эффективность таких практик, в частности, подтверждает опыт Вячеслава Вершинина, самарского предпринимателя. По его инициативе и при поддержке архитектурного сообщества города был запущен процесс диалогового средового проектирования, который смог переломить ситуацию в 13 квартале, исторической части Самары, где проживал предприниматель. Изначальная позиция жильцов о необходимости сноса ветхих домов и переселения, которую они довольно агрессивно отстаивали, сменилась интересом и чувством гордости за свой квартал.

Важно отметить, что в данном процессе катализатором активности жителей в восстановлении своего квартала стала инициатива В. Вершинина, который продал свои квартиры в новостройке и переехал жить в старый город, восстановив объект культурного наследия.

Игровой подход. Еще одним механизмом поиска и внедрения культурных кодов и ценностей территории может стать игра. Городская игра как феномен может действительно акцентировать внимание горожан на ценностях того или иного места. Игра – это первичный способ познания мира, именно поэтому данный подход актуален для граждан любых полов и возрастов, любого социального

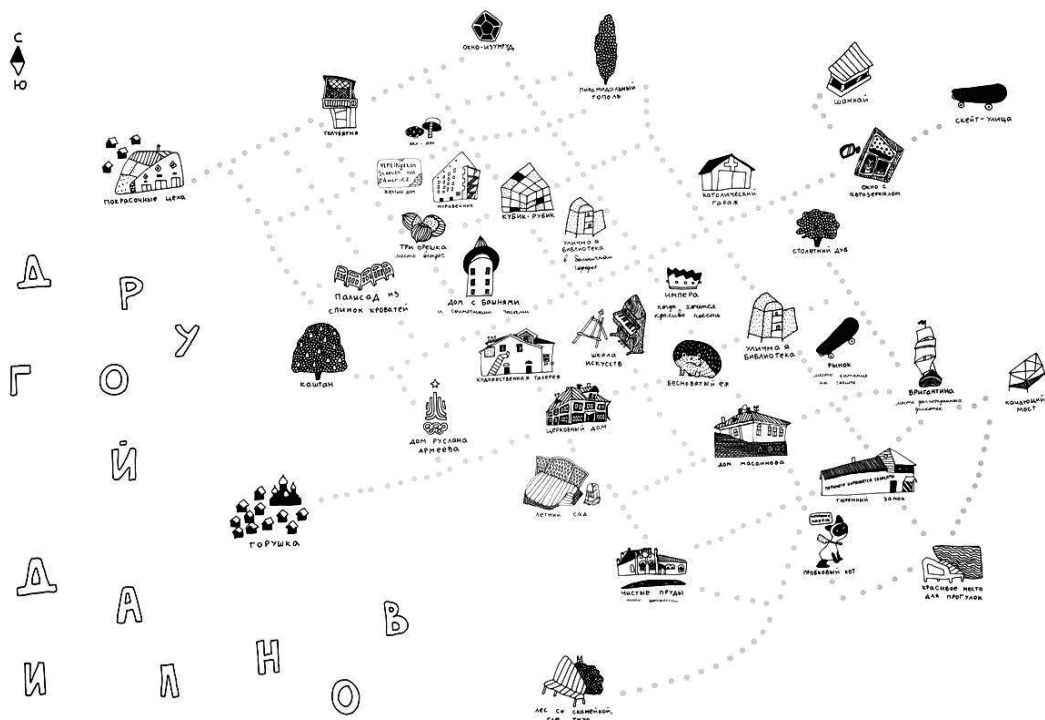

Рис. 2. Карта Данилова, составленная детьми

положения. Городская игра позволяет «вытащить» часто неосознаваемые идентификаторы места. В данном контексте интересен опыт Святослава Мурунова и «Центра Прикладной урбанистики». Так, городская игра, проводимая в Самаре, помогла определить ряд действительно необычных и неоднозначных культурных кодов города, например, дуальность самарского менталитета, связанную с отношением горожан к реке, а также ментальные границы города, с которыми связан упадок района Хлебной площади стрелки рек Самары и Волги. Аналогичный пример – проект «Другой Данилов: дети в городе». В рамках проекта по ревитализации старинных дворянских усадеб на территории города Данилов Ярославской области кураторами проекта была проведена городская игра, в которой детям было предложено создать их собственную карту города, а также отметить на карте место для создания чего-то нового. В результате была получена карта Данилова глазами ребенка. Это помогло кардинально пересмотреть сложившийся образ города и обусловило выбор места для организации творческого пространства для детей, а также помогло сформировать группу активных и сплоченных юных горожан, энергия которых в дальнейшем реализовалась в других кураторских проектах. В данном случае дети стали носителями уникального культурного кода, выявить который получилось только в результате городской игры.

Проектное управление. Как отмечалось ранее, инструментом также может стать проектный офис. В данном случае показателен успешный пример реализации проектного офиса в Москве и Московской области в процессе реновации территорий московских усадеб.

Но важно осознавать и принимать не только идентичность территории, но и те ограничения, которые существуют и которые могли бы так или иначе повлиять на процесс развития территорий. Успешность предлагаемых практик напрямую коррелирует с существующим уровнем активности населения. Одним из самых важных показателей является уровень капитализации населения, или, иначе говоря, человеческий капитал территории.

Понимая всю сложность и неоднозначность данного явления и связанные с ними проблемы сбора и анализа количественных показателей, предлагается взять за основу ряд индикаторов, которые в совокупности могут дать наиболее четкое представление об уровне развития человеческого капитала на территории города. Такими показателями могут стать:

- число созданных ТСЖ;
- объем инвестиций в основной капитал;
- доля созданных объектов малого и среднего предпринимательства;
- уровень собираемости платежей;
- число субъектов малого и среднего бизнеса на 1000 человек.

Важными показателями, характеризующими уровень активности городского сообщества, являются: доля людей, участвующих в культурно-досуговых мероприятиях, и доля тех, кто готов платить за участие в них [11]. К сожалению, последние данные перестали собираться как на региональном, так и на местном уровне.

Таким образом, комплексный и всесторонний анализ территории, основанный на изучении культурных паттернов, смыслов, кодов, способен не только встроить развиваемые пространства в исторический и культурный контекст, но и запустить механизмы саморазвития. Конфликт неконтролируемый и провоцирующий социальную напряженность, как основная градостроительная проблема в современной России, переходит в новое состояние – конфликта контролируемого и стимулирующего творческий процесс и партиципацию жителей. Помимо очевидных социальных и культурологических преимуществ данного процесса, важным результатом является легитимация властного процесса, что совсем немаловажно в контексте общемировых и российских тенденций снижения уровня доверия к органам власти и снижения явки.

Очевидно, что сохранение «призраков» городов в процессе реновации – первостепенная задача любой работы с территориями. Именно странности внутри городской реальности делают город «своим», а нарратив места формирует идентичность горожанина. «Новый город, который я бы хотел построить, был бы руинами города, существовавшего прежде нового» (Антуан Грumbах, архитектор).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 704 с.
2. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Л.: Детская литература, 1990. 256 с.
3. Топоров В.Н. Миф, ритуал, символ, образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс Культура, 1995. 621 с.
4. Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture: a critical review of concepts and definitions. Papers of Peabody Museum of

Archaeology & Ethnology, Harvard University, 1952, Vol. 47, No.1, pp. 223.

5. Анциферов Н.П. Пути постижения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1926. 152 с.

6. Трутнев Э.К. Деструкция города строительством. К постановке неопознанной проблемы — исследовательской, законотворческой, управленческой // Городские исследования и практики. 2016. Т.1, №.2. С. 49-68.

7. Кэрролин Стил, Голодный город. Как еда определяет нашу жизнь. М.: Strelka Press, 2016. 456 с.

8. Мишель де Серто. Призраки в городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2(70). С.108-122.

9. Глазычев В.Л. Управление территориальным развитием. М.: ДЕЛО, 2015. 320 с.

10. Малахов С.А., Репина Е.А. Стратегия бесконфликтной реконструкции исторической среды на примере города Самара // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 5 (180). С. 169-174.

11. Устина Н.А. Организация публичной власти в неопределенной среде взаимодействия участников стратегического развития муниципальных образований // Государственное управление и развитие России: модели и проекты: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 77-85.

10. Malakhov S.A., Repina E.A. Strategy of conflict-free reconstruction of the historical environment on the example of the city of Samara // Bulletin of the Orenburg State University. 2015. No. 5 (180). Pp. 169-174.

11. Ustina N.A. The organization of public authority in an uncertain environment of interaction between participants in the strategic development of municipalities // Public Administration and Development of Russia: Models and Projects a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2017. P. 77-85.

REFERENCES

1. Lotman Yu.M. The Semiosphere. - St. Petersburg, 2001, 704 p.

2. Antsiferov N.P. The soul of Petersburg. 1990, 256 p.

3. Toporov V.N. Myth, ritual, symbol, image: research in the field of mythopoetic - М.: Progress Kultura, 1995, 621 p.

4. Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture: a critical review of concepts and definitions. Papers of Peabody Museum of Archeology and Ethnology, Harvard University, 1952, Vol. 47, No.1, pp. 223.

5. Antsiferov, N.P. Ways of comprehending the city as a social organism. Experience in an integrated approach. 1926, 152 p.

6. Trutnev E.K. Destruction of the city by construction. To the formulation of an unidentified problem - research, lawmaking, management // Urban research and practice. 2016. Vol. 1, No. 2. Pp. 49-68.

7. Carolyn Steele, Hungry City. How food determines our life. - Moscow: Strelka Press. 2016, 456 p.

8. Michel de Serto, Ghosts in the city // Protective stock, 2010, No. 2 (70), P.108-122.

9. Glazychev V.L. Territorial development management. - Moscow: DELO. 2015. 320 p.

Для ссылок: Гудков С.А., Жукова И.Е. Культурные коды как инструмент бесконфликтной реновации городской среды // Innovative project. 2017. Т.2, №1. С. 106-111. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.10

For references: Gudkov S.A., Zhukova I.E. Cultural codes as an instrument of conflict-free renovation of the urban environment. Innovative project. 2017. Vol.2, No 1. P. 106-111. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.10

Базина Анна Николаевна

Самарский государственный технический университет

Bazina Anna

Samara State Technical University

**АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ
И ДИЗАЙНЕ СРЕДЫ**
ASPECTS OF A PHENOMENOLOGICAL APPROACH TO ARCHITECTURE AND DESIGN

В настоящее время наблюдается разрыв между архитектурой и человеком, обеднение её духовной составляющей, дегуманизация городской среды и жилища. Обращение к феноменологическому подходу может обеспечить этический поворот в архитектурной теории и практике. Автор в стремлении выявить основные принципы такого подхода приводит идеи философов и теоретиков так называемой «чувственной» архитектуры, исследует методы работы современных практиков феноменологии с категориями пространства, материала, света, воды, звука.

Nowadays there is a gap between architecture and a human, its spiritual deficiency, dehumanization of urban space and dwelling. The use of phenomenological approach can bring forth an ethical turn in theory and practice of architecture. Trying to distinguish the main principle of such approach, the author focuses on theoretical and philosophical basis of so called 'sensual' architecture and studies practical methods, which are used by modern architects when working with space, material, light, water, and sound.

Ключевые слова: феноменология, гуманизм, чувственная архитектура, контекст, дух места, феномен света
Keywords: phenomenology, humanism, sensual architecture, context, genius loci, phenomenon of light

Многие ученые говорят о кризисе гуманизма в условиях современной техногенной цивилизации. Происходит отчуждение человека от природы, общества, жизни и самого себя. Во многом на это влияет увеличивающийся разрыв между архитектурой и человеком. XXI век – критическое время развития архитектуры. Наблюдается упадок архитектуры как духовной среды. Вследствие этого возникает необходимость придать этике более заметное место в архитектурном дискурсе. Беата Сировы утверждает, что феноменология может обеспечить основы этического дискурса в архитектуре [1].

Стивен Холл считает, что современное состояние архитектуры вытесняет осознанность человеческого присутствия [2, с. 8]. Этот вопрос поднимал ещё Хайдеггер в своем докладе «Строить, обитать, мыслить» [3]. Сегодня городская среда, в большинстве случаев, такова, что человек ощущает себя в ней не как личность, а как часть массы, теряя себя как духовно-телесное существо. В связи с этим необходимо пересмотреть методологические основы проектирования. Истинная архитектура должна учитывать то, как она преломляется в человеческом сознании, как человек воспринимает её на телесном и чувственном уровне.

По словам Юхани Палласмаа, настоящая архитектура передает опыт пребывания в мире и уси-

ливает наше чувство реальности и наше чувство себя [2]. Стивен Холл считает, что одной из важных задач для современной архитектуры является пробуждение чувств [4, с. 18].

Многие практики и теоретики с целью понять архитектуру в контексте потребностей человека и общества обращаются к философским идеям, некоторые из них к идеям феноменологов. Например, Стивен Холл основывает свои концепции на идеях Мерло-Понти. Петер Цумтор разделяет мысли Хайдеггера. Тема феноменологии поднималась такими теоретиками архитектуры, как Кристиан Норберг-Шульц, Кеннет Фрэмpton, Артур Перез-Гомез, Надэр Эль Бизри и др.

Стивен Холл пишет о том, что проблемы, обсуждаемые им и его соавторами в книге «Вопросы восприятия: феноменология архитектуры», оказались очень важны для других архитекторов [2, с. 7]. В этой работе он говорит, что понимание архитектуры формирует то, как мы её чувствуем и видим. Юхани Палласмаа, соавтор «вопросов восприятия», в книге «Глаза кожи» представил аргументы для важнейших феноменологических измерений человеческого опыта в архитектуре [2].

Среди отечественных исследований теории феноменологии архитектуры можно выделить статьи научного сотрудника НИИТИАГ Марата Невлютова [5], работы профессора кафедры архитектуры

АСА СамГТУ В.А. Самогорова и его аспирантов [6]. Мастерская С.А. Малахова и Е.А. Репиной на кафедре инновационного проектирования АСА СамГТУ занимается многими аспектами феноменологии — вопросами телесно-чувственного опыта, теорией места, проблемами гармоничной связи объекта и ландшафта [7, 8]. Профессор Е.А. Репина рассматривает использование феноменологических методов как один из возможных путей реабилитации репрессированных значений культуры в современной науке и архитектурной критике [9]. Евгений Асс, основатель школы МАРШ, включил в процесс обучения курс феноменологии архитектуры [10].

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ В АРХИТЕКТУРЕ

Феноменология, как философское течение, началась с тезиса Гуссерля: «Назад, к самим вещам» в противоположность абстракциям и умозаключениям. Он предложил идею о том, что мы рассматриваем не сам предмет, в субъективный опыт, в котором он нам «является». Морис Мерло-Понти развивал его идеи и изучал сущность восприятия пространства. Мартин Хайдеггер, ученик Гуссерля, писал об экзистенциальной «феноменологии существования» или «бытии».

Появление феноменологических идей в архитектуре — это реакция на рациональный модернизм и знаковый постмодернизм. Феноменология отсылает к прямому, непосредственному восприятию среды всеми органами чувств. По словам А.Г.Раппапорта, «феноменология архитектуры имеет дело не с отвлеченной мыслью и не с фик-

сированным знаком, а с переживанием, неотделимым от живого контакта с сооружением» [11]. Юхани Палласмаа признаёт архитектуру философским осмыслением человеческого бытия, осуществленным через процесс строительства. Архитектура, по его словам, вырабатывает метафоры человеческого бытия на языке пространства, конструкции, материала, тяжести и света [12, с. 129]. С древних времен человек при помощи возведения сооружений выражал своё присутствие на земле. Первым таким объектом можно назвать вертикально врытый в землю камень — менгир, которым человек как бы сказал: «Я здесь!».

Стивен Холл так описывает понятие архитектуры: «Это феноменологический опыт, т. е. совокупность и единство явлений в пространстве, не просто визуальные элементы, но еще и звуки, запахи, тактильные качества материалов» [13]. Наше представление о среде складывается из множества полученных нами ощущений, помимо зрительного восприятия немалую роль играет слуховое, осязательное и обонятельное.

МЕСТО И КОНТЕКСТ

Одна из идей феноменологии, «концепция обитания», была выдвинута немецким философом Мартином Хайдеггером в его эссе «Building Dwelling Thinking» [3]. Кристиан Норберг-Шульц интерпретировал её как связь человека с местом. Он подчеркивал важность не только ориентации, но и идентификации, которая является основой чувства принадлежности человека конкретному месту. Оно формируется еще в детстве, когда

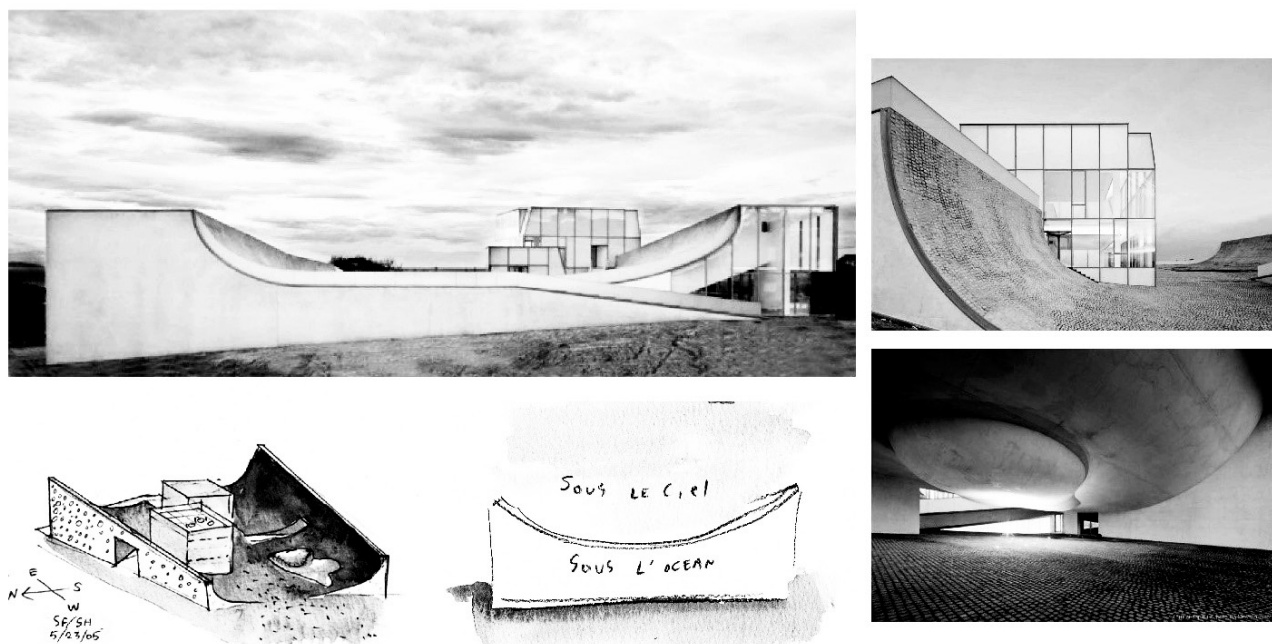

Рис.1. Стивен Холл. Центр океана и прилива. Биарици

ребёнок, находясь в среде с определенными характеристиками, контактирует с предметами, слышит шумы, ощущает жару или холод. Эти схемы восприятия определяют весь его последующий опыт [14].

Чтобы человек мог себя идентифицировать, установить связь со своим окружением, пространство должно иметь свой «дух места» — свойственный только ему характер. Кристиан Норберг-Шульц, развивая концепцию «места» Хайдеггера, пишет о том, что задача архитектуры заключается в том, «чтобы побудить территорию стать местом, то есть, раскрыть значения, потенциально представленные в данной среде» [14]. В своём проекте архитектор должен проявить особенности места, постараться выразить его сущность. Это заключается не просто в географическом контексте, а в укорененности объекта в среде. Хорошим примером служит «Дом над водопадом» Райта, являющийся метафорой природных террас на склоне. Здание как бы вживается в ландшафт, становится неотъемлемой частью своего окружения, каскад террас дома отражает характер места.

Здесь стоит провести различие в отношении к понятию контекста в феноменологии и других архитектурных направлениях. Регионализм учитывает местные национальные особенности, контекстуализм — бережное отношение к историческому наследию. Феноменология же гораздо глубже понимает контекст — как совокупность природного, архитектурного и социокультурного окружения, проходящего через сознание человека. Она вбирает в себя все структуры восприятия — универсальные общечеловеческие, местные и культурные. Наиболее близок феноменологическим идеям критический регионализм Кеннета Фремптона. Он заключается в особом отношении к месту строительства, когда архитектурное произведение «накладывается» на площадку. Такое «наложение» имеет много смысловых слоев — отражение специфической культуры места, воплощение его предьстории и последующей трансформации с течением времени. При этом критический регионализм обращается ко всему диапазону человеческих чувственных восприятий [15].

Архитектор Петер Цумтор обращается к концепции «места» в своих работах: «Кажется, что архитектура просто присутствует здесь. Мы не обращаем особого внимания на нее. И все же невозможно вообразить место без архитектуры. Здание определяет место. Оно становится частью окружения, будто говорит: ты меня видишь — я

здесь» [16, с. 17]. В этом Цумтор разделяет мысли Хайдеггера о том, что вещь (мост, архитектурный объект) позволяет раскрыть территорию как место. «До того, как появился мост, Места еще не было. Конечно, до появления моста была река, текущая среди множества участков, которые могли быть заняты чем-то. Но лишь один из этих участков стал Местом, и произошло это благодаря мосту. То есть мост возникает на каком-то месте, а Место возникает только с появлением самого моста» [3, с. 184]. Для Цумтора именно здание делает место уникальным, выделяет его среди бескрайнего пространства.

Стивен Холл тоже разделяет эту идею Хайдеггера: «Если авторская архитектурная концепция не просто отражает какие-то особенности исторически сложившейся традиционной архитектуры, а может проникнуть глубже в культурную и духовную ауру места, то она обогащает его новым культурным значением, индивидуальным и современным. Она усиливает и подчеркивает уникальность места, его положительную энергетику» [13].

С.А. Малахов считает, что для гармоничной связи архитектурного объекта с окружающим ландшафтом на начальной стадии проектирования необходимо создавать протообъект — обобщенный образ пластического тела объекта, основанного на его телесном переживании и прочувствовании «потребности места» [8].

Центр океана и прибоя Стивена Холла в Биарицц (рис. 1) является хорошим примером объекта, укорененного в среде. Здание находится на берегу Атлантики на родине серфинга и обыгрывает пластику волны, форма здания происходит от пространственной концепции «под небом/под морем». Эксплуатируемая кровля, «место океана», — метафоричное представление поверхности воды во время прибоя. Два стеклянных объема (киоск и кафе) олицетворяют два валуна, расположенных в океане рядом с музеем. В интерьере музея, пространстве «под морем», с вогнутым потолком возникает ощущение нахождения под водой. Центр, являясь осмыслением и переживанием места, где он находится, усиливает уникальность этого места, создаёт эмоциональную связь с ним и его историей.

МАТЕРИАЛЫ

В книге «Thinking Architecture» Питер Цумтор пишет: «Я считаю, что истинный смысл всей архитектурной работы заключается в акте строительства. В определенный момент времени, когда конкретные материалы собраны и поставлены,

архитектура становится частью реального мира» [17, с. 11]. Архитектура, для того чтобы стать таковой, должна быть материализована, проект – это лишь представление об архитектуре. В этом смысле Цумтор разделяет концепцию Хайдеггера об обитании, который утверждает, что «строительство не только средство и путь к обитанию, строительство в себе уже является обитанием» [18, с. 58].

Цумтор считает, что задача архитектора – создать нужную пространственную ситуацию, чтобы раскрыть «поэтику» материала, заставить материал «говорить». Такой подход к материалу позволяет архитектуре состояться. Цумтор пишет о своем принципе работы: «Когда я приступаю к проектированию, то в первую очередь думаю о материале» [17]. Примером могут служить Термы в Вальсе. Здесь атмосфера первобытной пещеры, где время как бы остановилось, создается применением серого кварцита, добытого в местных каменоломнях.

В Центре Кнута Гамсуна Стивен Холл использует просмоленные деревянные доски с множеством впадин, чтобы передать идею «Здание как тело: поле битвы невидимых сил» [19, с. 154].

В феноменологическом подходе важны не только эстетические качества материала, но и тактильные ощущения, которые он провоцирует. Для того чтобы придать материалу богатую фактуру, Холл применяет различные виды обработки – пескоструйную, окисление и т. д.

СВЕТ

Свет и тень формируют пространство. А так как направление солнца изменяется в течение дня, пространство, спроектированное с учётом этого факта, становится динамичным. Стивен Холл выделяет свет среди всех феноменов: «Мой любимый материал – это сам свет. Без света пространство пребывает в забвении. Свет – это условие возникновения мрака и тени, прозрачности и непрозрачности, отражения и преломления, все это сплетается, определяет и переопределяет пространство. Свет делает пространство неопределённым» [20, с. 27]. Стивен Холл в квартале «Новый город Макухари» в Тибе (Япония) (рис. 2) учитывает движение солнца, проектируя форму зданий таким образом, чтобы получить определенный пространственный сценарий теней.

Питер Цумтор в своей книге «Атмосферы» пишет о работе со светом: «Первая из моих любимых идей – планировать здание, как массу тени, затем, позже, размещать свет так, как если бы мы разрежали им темноту, как если бы свет был новой массой, проникающей внутрь» [21, с. 59].

Архитекторы используют способность света менять визуальные характеристики материала. Стивен Холл в Центре современного искусства Кизам в Хельсинки применяет алюминиевые листы, обработанные пескоструйным способом, которые меняют свой цвет от практически белых до абсолютно черных в зависимости от угла наклона солнечных лучей. Использование перфорированных

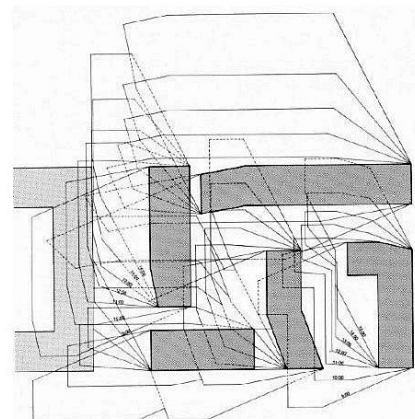

Рис. 2. Стивен Холл. Квартал «Новый город Макухари». Тиба. Япония

или прозрачных матовых поверхностей также является одним из приёмов работы со светом. Примерами могут быть музей диоцеза «Колумба» в Кёльне, мемориальный комплекс «Топография террора» в Берлине Питера Цумтора.

ВОДА

Поверхность воды сильно влияет на восприятие архитектурного объекта. С одной стороны, она отражает окружающие объекты, с другой — сама «отражается» в них, образуя красивые рефлексии. Эти эффекты могут быть очень разными, они зависят от времени суток, погоды, состояния поверхности воды, от того — гладкая она или с рябью. Вода усиливает впечатление от архитектурного объекта и делает его разнообразным. Стивен Холл называет воду «феноменальной линзой», которая отражает и преломляет реальность, трансформируя её в психологическое восприятие.

Архитекторы используют эти уникальные свойства воды в своих объектах. Так феномен преломлений воды был движущей силой при проектировании жилого комплекса в Фукуоке в Японии Стивеном Холлом. Искусственные водоёмы, отражая свет на фасады, создают неповторимый узор движущейся воды [22]. В доме и частной галерее Дайанг в Сеуле Стивен Холл разделяет пространство дома и галерею, расположенную под землёй, тонким искусственным водоёмом. Он устраивает лестницу при входе в комплекс таким образом, чтобы входящий в определённой точке увидел, как вода, небо, деревья и дом благодаря отражающим свойствам воды сливаются в одно целое. Естественный свет, проходящий сквозь стеклянные полосы на дне бассейна, освещает галерею и создает на стенах живописные пятна.

ДВИЖЕНИЕ ТЕЛА

Стивен Холл связывает движение тела и восприятие пространства: «Архитектура – феноменологическая дисциплина, и я считаю, что мы способны понять ее, только осознавая тот момент, когда наши тела движутся сквозь пространство. Если вы повернете голову, отведете взгляд или повернетесь в другую сторону, то увидите другое, только что раскрывшееся пространство. И эта возможность у вас появилась только потому, что вы совершили движение» [13].

Проектируя музей «Сыфан» в Нанкине (Китай), Стивен Холл отталкивался от китайской живописи с использованием «параллельных перспектив», в которых зритель как бы путешествует внутри картины. «Восхождение» по лестнице предшествует входу в верхнюю галерею, которая как бы висит в воздухе. Пространство галереи, напоминающее изогнутую трубу, построено на смене планов и ракурсов, и завершается кульминационной точкой – видом на город Нанкин. Здесь архитектор использует идею «движения тела», которую он описывал в своей книге «Parallax» [23]. Она заключается в том, что человек, перемещаясь, меняет пространство.

ЗВУК

Здание уже только акустикой своих стен влияет на слышимость звуков в нём, а как следствие, и на само восприятие пространства. Можно вспомнить то впечатление, которое производят большие соборы, немалую роль в нём играет именно акустика, которая делает звуки объемными и таинственными. Голос священника там особенно глубокий, а каждый шаг отдается эхом. Создаётся ощущение особого мира, где звуки живут по своим законам.

Питер Цумтор прежде чем начать проектирование Терм в Вальсе размышлял: «Как ощу-

Рис. 3. Стивен Холл. Музей «Сыфан». Нанкин. Китай

тить воду? Нужна тишина — если шуметь, ты не сможешь ее почувствовать» [24]. В термах можно услышать движение пузырьков воздуха в воде. Стивен Холл при проектировании музея Киазм учитывает слуховое восприятие — внутри помещений можно услышать звуки текущей воды, которая является центральным элементом экстерьера здания.

ТЕЛЕСНЫЙ ОПЫТ, ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТУИЦИЯ

Большую роль в создании феноменологической архитектуры играют личные переживания, воспоминания и интуиция. Альберто Перез-Гомез подчеркивает значение архитектора как целостной телесно-овеществленной личности и роль воображения в проектировании [25]. Юхани Палласмаа считает, что опытный архитектор, создавая проект, представляет его не только как зрительный образ, а как реальность, переживаемую всеми органами чувств [10, с.66]. Он отмечает также, что использование компьютера нарушает тонкую чувственную связь между воображением и физическим объектом проектирования [10, с. 75]. С.А. Малахов говорит о важности следов телесно-чувственной рефлексии в архитектурных образах для создания гармоничной среды. Они возникают на этапе предварительного моделирования, неотъемлемой составляющей которого является телесное переживание архитектурного объекта и его окружения — «ощупывание» путём рисования или скульптурной лепки при непосредственном участии рук и их собственной интуиции, «транслируемой из глубин чувственно-физического опыта тела» [8].

Архитекторы, разделяющие идеи феноменологов, в процессе проектирования создают ручные эскизы, которые могут быть на первой стадии напрямую даже не связаны с архитектурой, а являться личными переживаниями пространства. Но этот интуитивный бессознательный поиск основан на их экзистенциальном опыте.

Так, например, Алвар Аалто прежде чем начать проектирование библиотеки в Выборге «рисовал бесконечные воображаемые горные ландшафты, холмы в разных ракурсах и освещении, и из них постепенно рождался образ будущего здания» [26]. Стивен Холл создает акварели, являющиеся для него интуитивными поисками пространственных и концептуальных идей. Он говорит о важности связи руки и мозга для творческого вдохновения [22]. Питер Цумтор в процессе проектирования обращается к своим воспоминаниям,

пытается понять, что значила для него пережитая архитектурная ситуация, в стремлении повторить возникшее в памяти ощущение [17, с. 6].

ВЫВОДЫ

Автор считает, что тема феноменологии является важной в связи с актуальностью проблем, существующих сегодня в архитектурной практике, которые она пытается решать. Это — обеднение духовной составляющей архитектуры, всё большее удаление её от человека и его экзистенциального опыта. Феноменологический подход стремится внести в архитектуру чувственное начало; сделать среду более антропогенной, способной входить в контакт с человеком, благоприятной не только для ориентации, но и идентификации. Иными словами, способствовать равновесию материального и духовного. В своей практике архитекторы, применяющие феноменологический подход опираются на философские идеи и концепции Гуссерля, Хайдеггера и Мерло-Понти, основными из которых являются: «восприятие всем телом», «обитание» и «дух места». В проектировании они используют жизненный и телесный опыт, личные переживания, интуицию, воспоминания и воображение. Работают с восприятием человека пространства, образа, контекста, материала, света.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. DPHU [Электронный ресурс] Sirowy B. Phenomenological concepts in architecture: towards a user-oriented practice. Oslo, 2010. http://www.dphu.org/uploads/attachements/books/books_4961_0.pdf
2. Pallasmaa, J. The Eyes of the Skin: Architecture and the Senses. - New York: Wiley, 1996
3. Хайдеггер М. Строить, обитать, мыслить / Пер. с нем. С.Помашко // Проект International. 2010. № 20. Heidegger M. Building Dwelling Thinking. // In Poetry, language, thought. 1st ed. New York: Harper & Row. 1971. P. 143-161
4. Holl S. Simmon Hall. New York: Princeton Architectural Press, 2004.
5. Невлютов М. Феноменологические концепции современной теории архитектуры // АМИТ. 2015. № 3(32).
6. Насыбуллина Р., Самогоров В.А. Влияние феноменологии на современное понимание роли естественного света в архитектуре // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и дизайн: сборник статей. Самара, 2016. С.181-184.
7. Малахов С.А., Репина Е.А. Учебная мастерская Сергея Малахова и Евгении Репиной 1999-2014 // TATLIN MONO / Екатеринбург: TATLIN, 2014.
8. Malakhov S.A. The concept of a model of plastic bodily image in architecture // MATEC Web of Conferences Editor

V. Murgul. 2017. С. 1025.

9. Репина Е.А., Бинарное сознание как реабилитация репрессированных значений культуры в постнеклассической науке и постмодернистской архитектурной критике // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2009. №1. С. 92-103.

10. Ежегодник архитектурной школы МАРИШ 2012-2013. М.: УП ПРИНТ, 2012.

11. НИИТИАГ [Электронный ресурс] Раппапорт А. К пониманию архитектурной формы // Искусствознание. 2000. http://www.niitiag.ru/pub/pub_cat/rappaport_a_g_k_ponimaniyu_arhitekturnoy_formy

12. Палласмаа Ю. Мыслящая рука. Архитектура и экзистенциальная мудрость бытия / пер. с англ. Химанен М. – М. : Классика-XXI, 2013. Pallasmaa, J. The Thinking Hand: Existential and Embodied Wisdom in Architecture. – Wiley, 2009.

13. АРХИДОМ [Электронный ресурс] Вин А. Интервью // Журнал АРХИДОМ, № 80 <http://archidom.ru/content/1170.html>

14. Кияненко К. О феномене, структуре и духе места у К. Норберг-Шульца // Архитектурный вестник. 2008. №3 С.98-101 выдержки из перевода статьи Christian Norberg-Schulz. Phenomenon of Place // Architectural Association Quarterly. 1976. № 4. P.3-10.

15. Theorising a new agenda for architecture. An anthology of architectural theory 1965-1995. Kate Nesbitt, editor. Princeton architectural press, NY.1996, P.606 Пер. с англ. Е.А.Репиной.

16. Arch:speech [Электронный ресурс] Аскетизм Петра Цумтора: как получить Притцкеровскую премию за скромность URL: <http://archspeech.com/article/asketizm-petera-cumtora-kak-poluchit-pritckerovskeyu-premiyu-za-skromnost>.

17. Zumthor P. Thinking Architecture. Basel: Birkhauser, 1999.

18. Heidegger M. // Otto Barting (ed.). Mensch und Raum, Darmstadt: Darmstadter Gespräch. 1951.

19. Holl S. "Concept 1998" in Hamsun Holl Hamarøy, Lars Müller Publishers, 2009. P. 154.

20. Holl S. Idea. Phenomenon and Material // В. Tschumi and I. Cheng (eds). The State of Architecture at the Beginning of the 21st Century. New York: The Monacelli Press, 2003

21. Zumthor P. Atmospheres. Basel: Birkhauser Verlag AG, 2006. 80 с.

22. Белоголовский В. Стивен Холл. Игра отражений и преломлений // СРЕЧ: Вода, 2011, №7. С. 232-239.

23. Hall S. Parallax - Basel : Birkhauser Publisher, 2000.

24. Коробьина И. Интервью Ирины Коробьиной с Питером Цумтором // Проект International. 2007. №18. С.136-139.

25. Башня и Лабиринт [Электронный ресурс] Perez-Gomez, A. Ethics and Poetics in Architecture. в кн. Towards an Ethical Architecture.2006. Blue im Print С. 67-75 // перевод А. Раппапорта URL: <http://papardes.blogspot.ru/2012/03/agomez-perez.html>.

26. Aalto A. Trout and the mountain stream // Goran Schildt (ed), Alvar Aalto in His Own Words. Otava Publishing Company (Helsinki), 1997. P. 108.

REFERENCES

1. Sirowy B. Phenomenological concepts in architecture: towards a user-oriented practice. Oslo, 2010. Available at: http://www.dphu.org/uploads/attachements/books/books_4961_0.pdf

2. Pallasmaa, J. The Eyes of the Skin: Architecture and the Senses. - New York: Wiley, 1996

3. Heidegger M. Building Dwelling Thinking. In Poetry, language, thought. 1st ed. New York, Harper & Row, 1971, P. 143-161.

4. Holl S. Simmon Hall. New York: Princeton Architectural Press, 2004.

5. Nevlyutov M. Fenomenologicheskie koncepcii sovremennoy teorii arhitektury [Phenomenological concepts of the contemporary theory of architecture] // AMIT 2015. 3(32).

6. Nasybullina R., Samogorov V., Vliyanie fenomenologii na sovremennoe ponimanie roli estestvennogo sveta v arhitecture [The influence of phenomenology on the modern understanding of the role of natural light in architecture]. Tradicii i innovacii v stroitelstve i arhitecture. Arhitectura i dizayn - Traditions and innovations in construction and architecture. Architecture and design. Digest of articles. Samara. 2016. P.181-184.

7. Malakhov S.A., Repina E.A. Uchebnaya masterskaya Sergeya Malakhova i Evgenii Pepinoy 1999-2014 [Workshops by Sergey Malakhov and Evgenia Repina 1999-2014] TATLIN MONO. TATLIN, 2014. Ekaterinburg, 2014.

8. Malakhov S.A. The concept of a model of plastic bodily image in architecture // MATEC Web of Conferences Editor V. Murgul. 2017. С. 1025.

9. Репина Е.А. Бинарное сознание как реабилитация репрессированных значений в постнеклассической науке и постмодернистской архитектурной критике [Binary consciousness as a rehabilitation of repressed cultural values in post-non-classical science and postmodern architectural criticism] Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta - Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета [Herald of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering]. №1. 2009. P. 92-103

10. Ezhegodnik Arhitekturnoj shkoli MARCH [Yearbook of Architectural School MARCH] 2012-2013. Moscow: UP PRINT, 2012.

11. Rappaport A.G. K ponimaniyu arhitekturnoj formy [By understanding the architectural form. Dis. Doc]. Moscow, 2000. Available at: http://www.niitiag.ru/pub/pub_cat/rappaport_a_g_k_ponimaniyu_arhitekturnoy_formy

12. Pallasmaa, J. The Thinking Hand: Existential and Embodied Wisdom in Architecture. – Wiley, 2009.

13. Vin A. Fenomenologia Stivena Holla [Steven Hall's

phenomenology]/ Arhidom Publ. № 80. Available at: <http://archidom.ru/content/1170.html>.

14. Kiyanenko K. O fenomene, structure I duhe mesta u K. Norberga-Shulca [About the phenomenon, structure and genius loci in K. Norberg-Schulz]. Arhitekturnij vastnik - Architectural Herald. 2008. №3 P.98-101 excerpts from the translation of the article Christian Norberg-Schulz. Phenomenon of Place // Architectural Association Quarterly. 1976. № 4. P.3-10.

15. Theorising a new agenda for architecture. An anthology of architectural theory 1965-1995. Kate Nesbitt, editor. Princeton architectural press, NY.1996, P.606

16. Asketizm Pitera Cumtora: kak poluchit pritckerovskuyu premiyu zo skromnost [The asceticism of Peter Zumthor: how to get the Pritzker Prize for modesty], 2017. Available at: <http://archspeech.com/article/asketizm-petera-cumtora-kak-poluchit-pritckerovskuyu-premiyu-za-skromnost>

17. Zumthor P. Thinking Architecture. Basel: Birkhauser, - 1999.

18. Heidegger M. // Otto Barting (ed.). Mensch und Raum, Darmstadt: Darmstadter Gespräch. – 1951.

19. Holl S. “Concept 1998” in Hamsun Holl Hamarøy, Lars Müller Publishers, - 2009, p. 154

20. Holl S. Idea. Phenomenon and Material // B. Tschumi and I. Cheng (eds). The State of Architecture at the Beginning of the 21st Century. New York: The Monacelli Press, 2003

21. Zumthor P. Atmospheres - Basel: Birkhuser Verlag AG, 2006. 80 c.

22. Belogolovssky V. Stiven Holl. Igra otrazheniy i prelomleniy [Steven Holl. The game of reflections and refractions]. SPEECH: Voda – SPEECH: Water, 2011, №7, P. 232-239.

23. Hall S. Parallax - Basel : Birkhauser Publisher, 2000.

24. Korobina I. Intervyu Iriny Korobinoj s Piterom Cumtorom [Interview Iriny Korobinoj with Peter Zumtor]. Proect International – Project International. 2007. №18. P.136-139.

25. Pérez Gómez A., Weir D. Towards an Ethical Architecture. Vancouver, Simply Read Books. Available at: <http://papardes.blogspot.ru/2012/03/agomez-perez.html>

26. Aalto A. Trout and the mountain stream // Goran Schildt (ed), Alvar Aalto in His Own Words. Otava Publishing Company (Helsinki), 1997. P. 108.

Для ссылок: *Базина А.Н.* Аспекты феноменологического подхода в архитектурном проектировании и дизайне среды // Innovative project. 2017. Т.2, №1. С. 112-119. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.11

For references: *Bazina A.N.* Aspects of a phenomenological approach to architecture and design. Innovative project. 2017. Vol.2, No.1. pp. 112-119. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.11

7

122-125

KOPOTKO
BRIEFLY

Малахов Сергей Алексеевич
Самарский государственный технический университет
Malakhov Sergey
Samara State Technical University

БЕЗОБРАЗНАЯ ЖИЛАЯ СРЕДА: ФАТУМ ИЛИ НАСУЩНАЯ ПРОЕКТНАЯ ЦЕЛЬ? UGLY LIVING ENVIRONMENT: FATE OR A VITAL PROJECT GOAL?

Типичная картина «безобразного места»: испорченный ландшафт; типовая застройка от двух до семнадцати этажей; кое-как приспособленные под общественные функции первые этажи; нагромождение автомобилей; наружные инженерные магистрали; неизбывная грязь; отсутствие природного ареала; отсутствие объектов культуры и общественных пространств; низкое качество услуг и продуктов питания; отчуждение по отношению друг к другу; алкогольные магазины; чрезмерные расстояния; неразвитый общественный транспорт; отсутствие идентичности места и уникальных объектов; размытость границ; композиционный хаос застройки. Дальше можно обратить внимание и на унылое выражение лиц: а чего, собственно, ожидать? Статья рассматривает архитектуру и средовое проектирование как наиболее рациональные инструменты выхода из забвения и депрессии в мир идентичности и красоты.

A typical picture of «ugly place»: a damaged landscape; typical development from two to seventeen floors; some of the first floors adapted to public functions; conglomeration of cars; external engineering highways; inescapable dirt; lack of a natural range; absence of objects of culture and public spaces; poor quality of services and food; alienation in relation to each other; alcohol shops; excessive distances; undeveloped public transport; lack of identity of place and unique objects; blurring of borders; compositional chaos of development. Then you can pay attention to the dull expression of people: and what, in fact, to expect? The article considers architecture and environmental design as the most rational tools for emerging from oblivion and depression into the world of identity and beauty.

Ключевые слова: безобразная среда, прекрасная среда, архитектурные инструменты, средовой дизайн
Keywords: ugly environment, beautiful environment, architectural tools, environment design

Этот текст, вероятно, будет содержать оттенки памфлета, так как хотелось бы напомнить о необходимости изменить к лучшему качество среды большинства обжитых локальностей. И действительно, чем объяснить такой простой факт, что большинство населения планеты все еще продолжает считать, что довольно безобразная среда тех мест, где им выпало жить, может такой оставаться и в будущем?

Первое, что приходит на ум — ум, избегающий прагматического анализа, так как после него все равно, по преимуществу, остается в наследство лишь пепел, — это старательное игнорирование гармонии в ее квалифицированных или общепринятых видах. Квалифицированная оценка гармоничной среды связана со специальностью архитектора, дизайнера, или художника, а общепринятая — концепция того, «что и так понятно»: Гранд-канал, панорама Флоренции, «Идеальный город» Пьеро делла Франчески, Гороховец, старые самарские улицы и дворы, Ассизи, центр и гавани Амстердама, барселонский Рамблас, старый Стамбул, и т.п., то есть все более или менее «старое», способное воодушевить путешественника, а даже самих

обитателей этих мест. Между тем, квалифицированное отношение связано с комплексной проектной оценкой места, и поэтому должно транслировать некую сумму критериев, включая «а как там жить?»... И действительно, то, что со стороны воспринимается как прекрасная среда, изнутри может представляться недостаточной для жизни материальной системой. Например, в том же Ассизи, где в соборе покоятся останки Святого Франциска, на улицах можно за весь день никого не встретить. Прекрасные итальянские города («городки» — с точки зрения мегаполиса), равно как и русские замечательные провинциальные города (Арзамас, например), выглядят покинутыми своими жителями из-за того, что они вынуждены искать работу и общение где-то на стороне.

И все же речь не идет о том, чтобы вернуться к «прекрасному старому», хотя — почему бы и нет? Но не дословно скопировать, а «извлечь уроки». «Уроки» — со времен МЕМ и РЕКС¹ — отшлифованы в

¹ МЕМиРЕКС — квартал экспериментального проектирования. Статья, написанная автором в далеком 1985-ом году совместно с Ильей Яковлевым и опубликованная в журнале «Архитектура СССР» [1]

исследованиях Института Города (бюро эффективного продвижения средового подхода в понимании идеологии «культурного конфликта»), превращены в инструменты «естественного развития среды»². В этом коротком тексте-памфлете нет места для научного анализа и тем более — репрезентации уже выявленных элементов разумной стратегии бесконфликтной регенерации. Здесь я обращаю внимание на «феномен согласия существовать в безобразной среде». Такое ощущение, что обитателям этих мест не то чтобы не представляется возможным что-либо изменить к лучшему, но им попросту невдомек, а что, собственно, может выступить в качестве идеала³, а затем — в качестве инструментов преобразования.

Типичная картина «безобразного места»: испорченный ландшафт; типовая застройка от двух до семнадцати этажей; кое-как приспособленные под общественные функции первые этажи; нагромождение автомобилей; наружные инженерные магистрали; неизбывная грязь; отсутствие природного ареала; отсутствие объектов культуры и общественных пространств; низкое качество услуг и продуктов питания; отчуждение по отношению друг к другу; алкогольные магазины; чрезмерные расстояния; неразвитый общественный транспорт; отсутствие идентичности места и уникальных объектов; размытость границ; композиционный хаос застройки. Дальше можно обратить внимание и на унылое выражение лиц: а что, собственно, ожидать? Это — реально тусклая среда со всеми вытекающими последствиями.

Можно сказать, что корни происходящей картины — в экономике и в отсутствии у территории собственных ресурсов развития. Рассуждая от обратного, можно найти причину и в том, что роль красоты подверглась когда-то брюзгливому ворчанию, высокомерной критике и остракизму. Мне, как архитектору, представляется такая позиция неоправданной и унижающей человеческое достоинство. «Красота, — пишет Александр Фельдман, — это свойство формы»⁴. Ницше сказал, что «красота — это обещание счастья»⁵. Отсюда

² Статья про «естественный город» в журнале «Инновационный проект», 2016 г. [2].

³ В книге «Зачем нужна архитектура» Пол Голдбергер, несмотря на провозглашенную веру в «новый виртуальный город» с «невиданной прежде ярмаркой человеческих взаимосвязей» ссылается на возможность существования комфортной среды в «местах нового типа» - гибридах пригородов и городских центров, которые можно назвать псевдо- или параурбанистическими [3].

⁴ Александр Фельман. Красота. Сайт «Культуролог» [4].

⁵ Из того же источника.

вывод: если поставить цель преобразовать среду из отвратительной в прекрасную, то изменится не только выражение лица — могут возникнуть и иные, многообещающие перспективы. Поэтому архитектура — это принципиальный цивилизационный проект, а средовой дизайн — еще более универсальное предложение для создания гармоничной среды. С этой точки зрения архитектура может быть осознана в качестве внутреннего элемента средового дизайна (дизайна — как художественного отношения к проектированию всех средовых элементов).

К каким «архитектурным инструментам» преобразования среды может прибегнуть средовой дизайн?

1. Артикуляция границы локальности; выявление интервалов между локальностями.
2. Композиционная проработка пространства и объектов; выстраивание взаимосвязей.
3. Выявление уникальных и фоновых элементов.
4. Пластическое объединение формы всей локальности.
5. Выявление и усиление акцентов в уместных точках общей формы.
6. Проработка стилистического сценария.
7. Интеграция с природной подсистемой.
8. Игровые сценарии.
9. Типологические инновации на основе формальных экспериментов.
10. Взаимодействие между локальностью и местом.

Какие «не архитектурные» проектные инструменты следует применить (и это тоже область средового дизайна)?

1. Межевание территории локальности на частные владения с учетом разработанного средового регламента.
2. Развитие малого бизнеса и собственной налоговой базы.
3. Внедрение саморазвития и самоуправления.
4. Инвентаризация материальных и культурных ценностей.
5. Уменьшение размеров локальности и соседства.
6. Уход от крупномасштабной застройки.
7. Насыщение улицы стрит-ритейлом.
8. Развитие мелкомасштабных типологий общественных объектов в виде распределенных подсистем (школы, музеи, университет, производство, детские сады, и т.п.).
9. Развитие ремесел.

10. Становление туристической инфраструктуры.

11. Выявление исторического контекста.

12. Усиление экологических программ — безопасность в широком смысле.

13. Паритетное взаимодействие с инфраструктурными проектами.

Большинство безобразных мест обезличивают проживающих в них. Протестуя против подобной цивилизационной практики, Вернон Свэбэк определяет ее как Sensory Deprivation: “If our built environments tell us nothing about where we are, in very real terms, we lose in important sense of who we are. It’s a face we can’t recognize, a song without melody, a place without meaning. If what we see and feel is all about the expedient, both our individual and shared quality and meaning of life is somehow lessened.

И наоборот, стремление к прекрасному Свэбэк характеризует как An Artful Context: “If what we see and experience becomes our context of life, complete and recognizable forms, colors, proportions, textures and mystery such settings enliven our senses. We experience greater meaning because we feel a kinship to all about us”⁶ [5].

Красота – это увлекательная задача для любой проектной работы. И я хотел бы расширить смысл этого понятия внутри проектного дискурса. Но для начала хотелось бы повторить и зафиксировать на воображаемом экране вопрос, заданный в самом начале: почему мы смиряемся с тем, что живем в безобразной среде?

⁶ Сенсорная депривация: «Если созданная нами застройка ничего не говорит нам о том, где мы реально оказались, мы проигрываем в самом сущностном: кто мы есть. Все это напоминает лицо, которое мы не в состоянии распознать, равно как песню без мелодии, или место без значения. Если то, что мы видим и чувствуем, сводится к простой целесообразности, то в общем и целом смысл такой нашей жизни существенно редуцируется». И, наоборот, — стремление к жизненному смыслу – Свэбэк характеризует как Контекст Прекрасного: «Если то, что мы видим и чувствуем, становится основным содержанием нашей жизни, наполняя его завершенными и распознаваемыми формами, цветами, пропорциями, фактурами и тайнами, — то все это способно пробуждать наши эмоции. Нас охватывает чувство значимости своей жизни просто из-за того, что все вокруг становится нам родным» [5].

Для ссылок: Малахов С.А. Безобразная жилая среда: фатум или насыщающая проектная цель? // Innovative project. 2017. T.2, №1. С. 122-124. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.12

For references: Malakhov S.A. Ugly living environment: fate or a vital project goal? // Innovative project. 2017. Vol.2, №1. P. 122-124. DOI: 10.17673/IP.2017.2.01.12

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малахов С., Яковлев И. MEM и РЕКС. Квартал – эксперимент естественного моделирования // Архитектура СССР. 1985. № 5. С. 83-88.

2. Репина Е.А., Малахов С.А., Гниломедов А.С., Малышева С.Г., Лащенко С.В., Захарченко М.А., Романова Д.Н., Лопатина Л.Е. Естественный город – опыт научно-проектных разработок // Innovative Project. 2016. Т. 1. № 2 (2). С. 24-45.

3. Голдбергер, Пол. Зачем нужна архитектура. STRELKA PRESS. М., 2017.

4. Фельдман А. Красота // Сайт «Культуролог». URL: <http://culturolog.ru/content/view/1754/76/>

5. Swaback, Vernon D. The Creative Community. Designing for Life. The Emages Publishing Group Pty Ltd, Australia, 2003.

REFERENCES

1. Malakhov S., Yakovlev I. MEM and REX. Quarter - an experiment of natural modeling // Architecture of the USSR. 1985. № 5. P. 83-88.

2. Repina E.A., Malakhov S.A., Gnilomedov A.S., Malysheva S.G., Lashchenko S.V., Zakharchenko M.A., Romanova D.N., Lopatina L.E. A natural city is an experience of scientific and design developments // Innovative Project. 2016. Т. 1. No. 2 (2). Pp. 24-45.

3. Goldberger, Paul. Why do we need architecture? STRELKA PRESS. М., 2017.

4. Feldman A. Beauty // The site «Culturologist.» URL: <http://culturolog.ru/content/view/1754/76/>

5. Swaback, Vernon D. The Creative Community. Designing for Life. The Emages Publishing Group Pty Ltd, Australia, 2003.

АВТОРЫ ЖУРНАЛА

	Страницы
<i>Артемяева Татьяна Геннадьевна – доцент кафедры «Архитектура» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	8-12
<i>Базина Анна Николаевна – магистрант кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	112-119
<i>Бальзаникова Екатерина Михайловна – старший преподаватель кафедры «Архитектура» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	8-12
<i>Боранов Сергей Сергеевич – магистрант кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	69-82
<i>Борисова Елена Павловна – аспирант кафедры «Градостроительство» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	84-96
<i>Вальшин Расим Мунирович – доцент кафедры «Градостроительство» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	44-51
<i>Вологодина Наталья Николаевна – доцент кафедры «Архитектура» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	25-33
<i>Гудков Семен Алексеевич – студент Самарского университета государственного управления «Международный институт рынка» (Самара, Россия)</i>	106-111
<i>Данилова Элина Викторовна – профессор кафедры «Градостроительство» СамГТУ, кандидат архитектуры (Самара, Россия)</i>	44-51
<i>Жукова Ирина Евгеньевна – студент Самарского университета государственного управления «Международный институт рынка» (Самара, Россия)</i>	106-111
<i>Кияненко Константин Васильевич – профессор кафедры архитектуры и градостроительства Вологодского государственного университета, доктор архитектуры, советник РААСН (Вологда, Россия)</i>	54-68
<i>Крестинина Ирина Николаевна – магистрант кафедры «Градостроительство» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	44-51
<i>Лежень Михаил Юрьевич – арт-директор Музея-резиденции «Арткоммуналка. Ерофеев и Другие» (Коломна М.О., Россия)</i>	36-43
<i>Малахов Сергей Алексеевич – заведующий кафедрой «Инновационное проектирование» СамГТУ, профессор, кандидат архитектуры (Самара, Россия)</i>	69-82, 122-124
<i>Раков Антон Петрович – доцент кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ, кандидат архитектуры (Самара, Россия)</i>	98-104
<i>Филиппов Василий Дмитриевич – ведущий инженер Управления информатизации и телекоммуникаций СамГТУ (Самара, Россия)</i>	13-24
<i>Яруков Виктор Николаевич – магистрант кафедры «Архитектура» СамГТУ (Самара, Россия)</i>	25-33

JOURNAL AUTHORS

	Pages
<i>Artemyeva Tatyana - Associate Professor at the Department of Architecture, SSTU (Samara, Russia)</i>	8-12
<i>Bazina Anna – Master’s student at the Department of Innovative Design, SSTU (Samara, Russia)</i>	112-119
<i>Balzannikova Ekaterina – Senior lecturer at the Department of Architecture, SSTU (Samara, Russia)</i>	8-12
<i>Boranolov Sergey – Master’s student at the Department of Innovative Design, SSTU (Samara, Russia)</i>	69-82
<i>Borisova Elena – Post-graduate student at the Department of Urban Development, SSTU (Samara, Russia)</i>	84-96
<i>Valshin Rasim – Associate Professor at the Department of Urban Development, SSTU (Samara, Russia)</i>	44-51
<i>Vologdina Natalia – Associate Professor at the Department of Architecture, SSTU (Samara, Russia)</i>	25-33
<i>Gudkov Semen - student at the Samara University of public administration «International Market Institute» (Samara, Russia)</i>	106-111
<i>Danilova Elina – Professor at the Department of Urban Development, SSTU, Candidate of Architecture (Samara, Russia)</i>	44-51
<i>Zhukova Irina - student at the Samara University of public administration «International Market Institute» (Samara, Russia)</i>	106-111
<i>Kiyanenko Konstantin – Professor at the Department of Architecture and Urban Development VSU, Doctor of Architecture, RAASN adviser (Vologda, Russia)</i>	54-68
<i>Krestinina Irina – Master’s student at the Department of Urban Development, SSTU (Samara, Russia)</i>	44-51
<i>Lezhen Mikhail - art director of the Museum-residence «Artkommunalka. Erofeev and Others», (Kolomna M.O., Russia)</i>	36-43
<i>Malakhov Sergey – Head of the Department of Innovative Design, SSTU, Professor, Candidate of Architecture (Samara, Russia)</i>	69-82, 122-124
<i>Rakov Anton – Associate Professor at the Department of Innovative Design, SSTU (Samara, Russia)</i>	98-104
<i>Filippov Vasily – Leading engineer at the Department of Informatization and Telecommunications, SSTU (Samara, Russia)</i>	13-24
<i>Yarukov Victor – Master’s student at the Department of Architecture, SSTU (Samara, Russia)</i>	25-33